

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Габитов Шамиль Рафикович

**Поликодовый семиозис интернет-коммуникации:
лингвокогнитивный аспект (на материале новостных постов на русском
и английском языках)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Фомин Андрей Геннадьевич

Кемерово – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИКОДОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	15
1.1. История и развитие исследований поликодowości в лингвистике и смежных дисциплинах.....	15
1.2. Понятие поликодowości: определение, структура, признаки.....	21
1.3. Поликодовый семиозис как комбинация вербального и невербального компонентов.....	24
1.4. Модальность как имманентная характеристика поликодového текста.....	38
1.5. Авторская интенция в интернет-коммуникации: типология и маркеры.....	44
1.6. Импликатура как средство кодирования интенции.....	54
1.7. Опыт лингвистических исследований Telegram и X (Twitter) (запрещена на территории Российской Федерации).....	56
1.8. Комментарии пользователей как когнитивная обработка поликодových текстов.....	62
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	74
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	76
2.1. Методика лингвокогнитивного анализа интернет-коммуникации.....	76
2.2. Взаимодействие кодов в сообщениях и авторские импликатуры.....	87
2.3. Результаты анализа комментариев.....	153
2.4. Визуализация материала в программе Семограф.....	169
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	174
ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИКОДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ.....	176
3.1. Дизайн лингвистического эксперимента.....	176
3.2. Результаты и обсуждение эксперимента.....	179
3.3. Модель поликодовой коммуникации.....	189
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	196

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	200
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ....	216
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	219
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	220
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	224

ВВЕДЕНИЕ

Технический прогресс и стремительное развитие цифровых технологий радикально трансформировали формы и способы человеческой коммуникации. Сегодня миллионы пользователей по всему миру ежедневно взаимодействуют друг с другом посредством различных цифровых платформ – мессенджеров, социальных сетей, микроблогов и новостных агрегаторов. Эти формы коммуникации отличаются высокой степенью динамичности, визуализации и интерактивности, формируя особую сферу – виртуальную коммуникацию. Одной из ключевых характеристик цифрового взаимодействия становится поликодовость, то есть одновременное использование нескольких семиотических систем (языковой, визуальной, аудиальной и др.) в рамках одного сообщения.

Поликодовая организация сообщений существенно влияет на восприятие информации, ее интерпретацию и реакцию со стороны аудитории. Особенно ярко этот эффект проявляется в новостной интернет-коммуникации, где тексты сочетаются с изображениями, эмодзи, видеофрагментами и другими невербальными средствами. Именно в таких условиях формируется поликодовый семиозис – комплексное взаимодействие кодов, обеспечивающее передачу содержания и реализацию авторской интенции. Особое внимание в настоящей работе уделяется семантике вербального (языкового) компонента поликодовых сообщений, которая в сочетании с невербальными средствами формирует модальность, кодирует авторскую интенцию и влияет на интерпретацию адресатом. В данном исследовании код определяется как система знаков и правил их интерпретации в поликодовом сообщении (вербальный, визуальный, аудиальный и др.). Компонент кода понимается как его материальная реализация в структуре конкретного сообщения (например, текстовый блок, изображение, видеоряд). Элемент кода – минимальная содержательная единица внутри компонента,

доступная для отдельного выделения и анализа (например, слово или фраза в тексте, отдельный объект или деталь на изображении).

Исследование особенностей поликодового семиозиса и его роли в интерпретации медиатекста становится особенно важным в условиях цифровой медиасреды, где конкуренция за внимание пользователя требует максимальной выразительности и прагматической эффективности сообщения.

Актуальность исследования обусловлена включенностью в проблематику современной лингвистики рассматриваемых вопросов выявления особенностей коммуникации на цифровых платформах, вопросов функционирования поликодового семиозиса интернет-коммуникации, корреляции модальности и комбинации вербального и невербального кодов в цифровом сообщении, роли имплицатур в трансформации значения цифрового сообщения, использования когнитивно-дискурсивного анализа восприятия поликодовых сообщений в интернет-коммуникации, когнитивной обработки поликодовых и монокодовых сообщений, стратегий рецепции интенции.

Объектом исследования выступают тексты сообщений и комментариев как комбинации вербального и невербального кодов виртуальной коммуникации.

Предмет исследования – лингвокогнитивные характеристики коммуникации в графическом, аудио и визуальном формате.

Цель настоящей работы – построить семиотическую модель поликодовой коммуникации, основанную на корреляции вербального (текстографического) и невербального (аудиовизуального) компонентов сообщения, и изучить эффективность восприятия интенции, понимаемую как точность, полнота и глубина интерпретации сообщения адресатом в интернет-коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) уточнить понятия «поликодовость» и «поликодовый семиозис» с опорой на современные лингвосемиотические и медиалингвистические подходы;
- 2) установить особенности вербального и невербального кодов, выявить их функции и комбинации в цифровом медиадискурсе;
- 3) установить типы модальности и ее специфику в поликодовой интернет-коммуникации, выявить корреляцию модальности и комбинации вербального и невербального компонентов;
- 4) раскрыть понятие авторской интенции в интернет-коммуникации, установить ее основные типы и способы кодирования, выявить отражение авторской интенции в семантике языкового компонента и невербальных средствах, опираясь на экспертную оценку носителей русского и английского языков;
- 5) установить способы вербальной и невербальной реализации имплицатур в поликодовых сообщениях;
- 6) выявить лингвокультурную специфику поликодовой коммуникации на русском и английском языках на платформах Telegram и X (ранее Twitter, социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации);
- 7) провести эмпирическое исследование для выявления корреляции между интерпретацией авторской интенции и комбинацией вербального и невербального компонентов, используемой для ее репрезентации в поликодовом сообщении.

Единица исследования – новостные посты из интернет-платформ Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) и комментарии к ним. Общее количество: 418 постов, 6359 комментариев.

Общая гипотеза исследования формулируется следующим образом: поликодовость интернет-сообщения как комбинация вербального и невербального кода формирует модальность сообщения, предполагает

наличие имплицатур, декодирование которых позволяет интерпретировать коммуникативную интенцию автора получателем.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявляется корреляция комбинации вербальных и невербальных компонентов поликодового сообщения с типами модальности и интерпретацией авторской интенции в условиях цифрового медиадискурса и создается семиотическая модель поликодовой коммуникации, основанная на семиозисе, путем применения интегративной методологии, включающей контент-анализ, лингвистический эксперимент и графосемантическую визуализацию результатов анализа материала.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и развитии положений, относящихся к когнитивной лингвистике, семиотике, теории дискурса и текста, психолингвистике, прагматике языка, а также исследованиям мультимодальной и поликодовой коммуникации. В лингвокогнитивном аспекте работа конкретизирует механизмы концептуализации и интерпретации поликодовых сообщений, показывая, как взаимодействие вербальных и невербальных кодов влияет на формирование когнитивных структур смысла. Уточняются представления о поликодовом семиозисе как процессе взаимодействия гетерогенных знаковых систем, а в теории дискурса и текста – критерии когерентности и целостности сообщений, включающих элементы разных модальностей. Психолингвистический аспект исследования раскрывает особенности восприятия и переработки поликодовых стимулов, а прагматический – роль модальности и интенциональности в организации поликодового смысла. В более широком плане работа способствует развитию теории мультимодальной коммуникации, уточняя понятийный аппарат и предлагая семиотическую модель структуры и функционирования поликодовых сообщений в интернет-дискурсе.

Полученные результаты представляют **практическую значимость**, которая состоит в возможности применения результатов исследования в

различных курсах преподавания практики английского и русского языков, теоретических курсов общей лингвистики, семиотики, теории коммуникации, медиалингвистики, когнитивной лингвистики. Кроме того, предложенные в работе модели и принципы анализа поликодовых сообщений могут служить основой для создания и оптимизации интернет-платформ, ориентированных на мультимодальную коммуникацию, автоматическую интерпретацию медиатекстов и обучение восприятию поликодовой информации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Поликодовый семиозис в интернет-коммуникации представляет собой процесс прагматико-когнитивного порождения и интерпретации смыслов, реализуемый через взаимодействие вербальных и невербальных компонентов с устойчивой зависимостью между кодовой конфигурацией сообщения и его интерпретацией, которая в комментариях проявляется как когнитивная обработка авторской интенции.

2. Каждая комбинация вербального и невербального компонентов является уникальным образованием, предопределяющим модальность сообщения. Основные типы комбинаций включают конгруэнтное, редундантное, расщепленное, интерпретативное взаимодействие и фреймовую координацию.

3. Импликатуры, понимаемые как косвенно выраженные смыслы, не сводимые к словарным значениям языковых единиц и выводимые адресатом из контекста коммуникации, создают смысловую многослойность в поликодовых сообщениях, поскольку семантика элементов вербального компонента задает исходный уровень интерпретации, а невербальные средства уточняют, усиливают или переориентируют импликатуры, превращая их в маркеры авторской интенции и оценочности.

4. Лингвокультурная специфика восприятия поликодовых текстов проявляется в выборе вербальных и невербальных средств выражения реакции на авторскую интенцию представителями различных лингвокультур.

5. Модель поликодовой коммуникации, основанная на семиозисе, включает следующие уровни собственной структурной организации: кодовый, интенциональный, когнитивный, рецептивный и платформенный уровни, которые обеспечивают реализацию и интерпретацию авторской интенции путем взаимодействия вербальных и невербальных кодов в медиасреде.

6. Комментарии к монокодовым постам чаще демонстрируют игнорирование или расщепление авторской интенции. В случае поликодовых текстов, напротив, преобладает корректная интерпретация и поддержка интенции. Стратегия иронического смещения встречается у обоих типов сообщений и обычно коррелирует с иронией в комментариях.

Проблема исследования заключается в установлении корреляции комбинации вербального и невербального кода в сообщении с типом его модальности и восприятием.

Степень научной разработанности проблемы поликодовой коммуникации опирается на широкий спектр отечественных и зарубежных исследований, которые внесли вклад в формирование теоретических оснований работы. В лингвистике и семиотике это работы Ю. М. Лотмана, А. А. Кибрика, С. Л. Кушнерук, В. А. Омеляненко, Б. А. Успенского, М. А. К. Халлидея и Р. О. Якобсона, рассматривающие знаковое устройство текста, структуру и когерентность дискурса. В области мультимодальности и социальной семиотики значимы исследования Т. ван Левена, Г. Кресса, Р. Пейджа, К. Джьюитта, посвященные взаимодействию вербального и невербального кодов, модальным синтезам и семиотическим конвенциям. В рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики интерес представляют работы Г. Лакоффа, Ж. Пиаже, Ч. Филлмора, А. Г. Сониной, в которых изучаются концептуальные пространства, фреймы, ментальные модели и процессы смыслопорождения. В медиалингвистике и исследованиях цифровой коммуникации значимы труды Д. Кристала, Т. Н. Колокольцевой, А. С. Байковой, Т. Г. Добросклонской и ряда других отечественных и

зарубежных исследователей, изучающих сетевые жанры, визуализацию и поликодовые форматы. Прикладные исследования восприятия и эффективности поликодовых и мультимодальных сообщений представлены работами Д. Чандлера, М. А. Белякова, С. Г. Бусаревой и Е. Х. Довтаевой, которые анализируют интерпретацию, понятность и доступность сообщений. Поликодовость как сложный когнитивно-семиотический механизм, обеспечивающий соотнесение знаковых систем и формирование авторской интенции в медиатексте также описывается в работах А. Г. Фомина. Концептуальный аппарат исследования также опирается на труды отечественных исследователей, в которых рассматриваются эмоциональные и манипулятивные стратегии в интернет-дискурсе, репрезентация языковой личности и модальность в сетевом общении, а также интернет-мемы как концептуальные бленды (Б. Г. Вульфович, В. В. Катермина, А. В. Колмогорова, С. С. Медведев).

В то же время зарубежные концепции, такие как медиа-теория М. Маклюэна, меметика Р. Докинза и теория виртуальных сообществ Г. Рашкоффа, позволяют рассматривать поликодовую коммуникацию в более широком культурно-технологическом и междисциплинарном контексте. В совокупности указанные исследования демонстрируют, что анализ поликодовости требует интеграции подходов лингвистики, семиотики, когнитивной науки, медиалингвистики и культурологии, формируя тем самым методологические основы изучения поликодового интернет-дискурса.

Таким образом, **теоретико-методологическую базу** данной работы составили труды отечественных и зарубежных ученых, среди которых представлены исследователи:

– в области семиотики и лингвистики текста, в аспекте проблематики знакового устройства и структурного анализа текста: Р. Барт, Ч. С. Пирс, А. А. Кибрик, С. Л. Кушнерук, Ю. М. Лотман, В. А. Омельяненко, Ф. де Соссюр, Э. И. Шейгал, Б. А. Успенский, У. Эко, М. А. К. Халлидей, Р. О. Якобсон;

– в области мультимодальности и социальной семиотики, в контексте взаимодействия вербального и невербального кодов, модальных синтезов и семиотических конвенций: Ч. Балдри, З. Боливар, Дж. А. Бэйтман, М. Ерофеева, К. Джьюитт, Г. Кресс, Р. Пейдж, Т. ван Левен, Ф. Юс, П. Тибо, З. Туфекчи, К. Форсвилл, Х. Штекль, Е. Зеннер;

– в области прагматики, теории интенции, в свете проблем речевых актов, кооперативного принципа и имплицатур: О. А. Алимуратов, Н. Д. Арутюнова, С. Аттардо, Л. В. Васильева, Р. Гиббс, Г. П. Грайс, Т. А. Гребенщикова, И. А. Зимняя, И. А. Золотова, Д. А. Ван Дейк, Дж. Остин, Н. Д. Павлова, И. В. Савельева, Дж. Серль, Г. Г. Слышкин, Д. Спербер;

– в области когнитивной лингвистики, в аспекте концептуальных пространств, фреймовой семантики, смыслопорождения и ментальных репрезентаций: К. Дж. Барлетт, Н. Н. Болдырев, Ж. Пиаже, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Ф. Крейк, Г. Лакофф, Р. Лэнгакер, У. Найссер, А. П. Панфилова, М. Дж. Фестингер, Ч. Филлмор, Дж. Фоконье, А. Г. Сонин, О. А. Селиванова, М. Тернер, Л. Талми, Р. Локхарт, В. З. Демьянков;

– в области медиалингвистики и цифровой коммуникации, в рамках изучения интернет-дискурса, сетевых жанров, визуализации и поликодовых форматов: Н. Д. Голев, А. С. Байкова, Т. Г. Добросклонская, Л. Г. Ким, Д. Кристал, Т. А. Клеменова, Т. Н. Колокольцева, О. В. Кощеева, А. В. Муха, Н. В. Мельник, О. В. Полякова, М. Н. Самойлова, А. Р. Сафина, Ю. М. Сергеева, М. В. Шепелева, Т. Г. Фирсова, Е. А. Уварова, Р. Хайфилд, А. Г. Фомин, А. В. Колмогорова, В. В. Катермина;

– в области прикладных исследований восприятия и эффективности поликодовых и мультимодальных текстов, в контексте интерпретации, понятности и доступности сообщений: М. А. Беляков, С. Г. Бусарева, Д. Чандлер, Е. Х. Довтаева, И. В. Вашунина, Г. К. Гималетдинова, Н. А. Красикова, Е. О. Кузьмина, О. В. Пойманова, Л. В. Рацибурская, С. Н. Чижикова.

– в области медиалингвистики и цифровой коммуникации в рамках проблематики сетевых жанров, интернет-дискурса и поликодовых форматов: Т. М. Николаева, Е. А. Батрак, С. Л. Кушнерук, М. Данези, К. Форсвилл, Р. Пейдж, а также классики медиа-теории (М. Маклюэн), меметики (Р. Докинз) и исследований виртуальных сообществ (Г. Рашкофф).

– в области прикладных исследований восприятия и эффективности поликодовых и мультимодальных текстов в контексте проблематики понятности, доступности и интерпретации сообщений: Т. Г. Добросклонская, О. Ю. Гудкова, Д. Чандлер, Р. Мандей.

Для достижения поставленной цели и решения задач в данной работе использовались следующие **методы исследования**:

1) общенаучные методы наблюдения, систематизации, анализа при изучении и представлении теоретического и фактического материала исследования;

2) метод дефиниционного анализа при работе с общенаучными и лингвистическими понятиями и дифференциации их содержания;

3) описательный метод, представленный приемами интерпретации, классификации и обобщения;

4) методы, актуальные при сборе языковых материалов, включают накопление, метод сплошной выборки, описание и статистический анализ релевантных примеров. Указанные методы применялись в практической части исследования: накопление и сплошная выборка использовались при формировании корпуса поликодовых сообщений из Telegram-каналов и платформы X (запрещена на территории Российской Федерации), описание – при их лингвосемиотическом и прагматическом анализе, а статистический анализ – при обработке данных эксперимента и количественной оценке распределения типов модальности и взаимодействия кодов.

5) лингвистические методы контекстуального, лексико-семантического и компонентного анализа; лингвосемиотический анализ и описание кодов как знаковых систем, мультимодальный анализ для системного изучения

взаимодействия и взаимодополнения вербальных и невербальных кодов в поликодовых медиатекстах;

6) когнитивно-дискурсивный анализ для выявления концептуальных схем, активируемых при восприятии поликодового сообщения, и критический дискурс-анализ для выявления скрытых стратегий влияния, идеологических установок и оценочных сдвигов в медиатексте;

7) метод графосемантического моделирования для создания наглядной демонстрации результатов анализа материалов;

8) лингвистический эксперимент для верификации или фальсификации полученных данных.

Источниками материала исследования послужили интернет-площадки Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации).

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается обширной теоретической базой, репрезентативностью языкового материала, применением эффективных методов исследования, проведенным лингвистическим экспериментом.

Личный вклад автора заключается в выдвижении научной гипотезы, в определении методологических оснований работы, в постановке цели и задач исследования, в сборе, классификации и описании эмпирического материала с последующей интерпретацией полученных результатов, в апробации результатов исследования, подготовке публикаций и докладов по теме работы, в формулировке научных положений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета, а также были изложены в докладах и сообщениях на международных и национальных научно-практических конференциях, заседаниях научного общества молодых исследователей института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, сетевой лаборатории: международной

научной конференции «Современная лингвистика: ключ к диалогу» («Modern Linguistics as a Key to Dialogue») в рамках Казанского международного лингвистического саммита 2023 (KILS-2023), 13-15 декабря 2023 г. (Казанский федеральный университет, г. Казань); Научно-исследовательской конференции молодых ученых, 27 ноября 2024 г. (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово); II международной научной конференции «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», 6-8 февраля 2025 г. (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово); II Национальной междисциплинарной научной конференции молодых ученых «Цифровая коммуникативистика», 6 марта 2025 г.; II международном Пятигорском лингвистическом конгрессе «Языки мира – мир языков», 23-26 сентября 2025 г. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск); третьей национальной междисциплинарной научной конференции молодых ученых «Цифровая коммуникативистика», 12 декабря 2025 г. (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово).

Научные результаты исследования отражены в 4 публикациях, 3 статьи в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК РФ, 1 публикация из которых в международных изданиях, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science.

Структура работы. Данная диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 187 наименований на русском и иностранных языках, списка использованных словарей, справочников, энциклопедий и списка источников иллюстративного материала, приложений А и Б, включающих образец анкеты для лингвистического эксперимента и список примеров из материала исследования. Общий объем текста диссертации составляет 265 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИКОДОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

1.1. История и развитие исследований поликодowości в лингвистике и смежных дисциплинах

Термин «поликодвость» (от греч. *poly* – «много» и лат. *codex* – «код, знак») впервые был употреблен в рамках семиотики и теории коммуникации и далее получил широкое распространение в лингвистике, медиалингвистике, когнитивной науке, культурологии и дискурс-анализе [Селиванова, 2008]. Это явление, в рамках которого используется не один, а несколько кодов (знаковых систем), взаимодействующих между собой для создания многомерного смысла, а именно – вербальный и невербальный. В рамках данного диссертационного исследования под вербальным кодом понимается система знаков, основанная на языке и речи, включающая лексические, грамматические и синтаксические средства, посредством которых передается основное содержание сообщения [Kress & van Leeuwen, 2006]. В свою очередь, невербальный код представляет собой совокупность знаковых систем, не связанных с языком напрямую: визуальные образы, жесты, мимика, эмодзи, звуки и иные средства, дополняющие или изменяющие смысл вербального сообщения, что обеспечивает его эмоциональную и коммуникативную насыщенность [Jewitt, 2009].

Уточним, что под кодом подразумевается «конвенциональная система правил, определяющая, как знаки соотносятся со значениями (например, языковой код, иконографический код); динамический механизм, зависящий от контекста (один и тот же знак в разных кодах получает новые смыслы: красный цвет может означать «стоп», «любовь» или «ошибку»)). Кодирование – это процесс преобразования информации в форму, соответствующую определенному коду, а декодирование – обратный процесс восстановления исходного значения из закодированной информации. Коды упрощают

передачу и понимание информации, делая ее более структурированной и систематизированной» [Фомин, Габитов, 2025].

Комбинации кодов, то есть совокупность семиотических кодов, используемых в пределах одного сообщения, определяющих способ передачи и восприятия его содержания, можно обозначить «кодовой конфигурацией». В зависимости от состава используемых кодов, эта конфигурация может быть:

- 1) вербальной (актуализируется только вербальный код);
- 2) невербальной (присутствуют исключительно невербальные средства);
- 3) поликодовой (сообщение одновременно включает вербальный и невербальный коды, что создает синтетический семиотический эффект и позволяет реализовать комплексную авторскую интенцию).

Поликодовость может рассматриваться на уровне отдельного сообщения и как характеристика коммуникации в целом, где смысл строится на стыке взаимосвязанных поликодовых высказываний. Такая поликодовая коммуникация представляет собой совокупность сообщений, соотнесенных между собой тематически, дискурсивно, и по способу кодирования и интерпретации.

Если обратиться к истории исследования поликодовости, то в первую очередь нужно отметить, что как объект научного анализа, понятие поликодовости сформировалось на стыке нескольких дисциплин — лингвистики, семиотики, культурологии, медиатеории, психолингвистики и когнитивных наук, а эволюция взглядов на поликодовость и степень научной разработанности данного явления напрямую связаны с развитием представлений о природе текста, коммуникации и языка как многомерного, нелинейного феномена. Исторически интерес к взаимодействию различных кодов (языковых, визуальных, аудиальных и др.) зародился в рамках семиотических исследований, а затем получил развитие в постструктуралистской лингвистике, теории дискурса, когнитивной лингвистике и медиалингвистике. Особый интерес представляет выявление

закономерностей комбинирования различных кодов (текста, изображения, звука, интерфейса и др.) и факторов, способствующих или, напротив, затрудняющих интеграцию таких кодов в единую семиотическую структуру, легко интерпретируемую адресатом.

Так, первыми подходами, зафиксировавшими присутствие множественных кодов в тексте, стали исследования в области структурной семиотики. Уже в 1960-1970-е годы Ю. М. Лотман, развивая идеи тартуско-московской семиотической школы, указывал на необходимость анализа языкового и визуального ряда как полноценных участников семиотического процесса. В его работах вводится понятие семиотического пространства, в рамках которого различные кодовые системы взаимодействуют и перерабатываются в новые знаковые структуры [Лотман, 1992].

Также одним из ключевых этапов в формировании представлений о взаимодействии знаковых кодов в коммуникации стали труды Р. О. Якобсона, в которых язык рассматривался в качестве структуры и системы коммуникативных функций. В своем эссе «Лингвистические аспекты перевода» он предложил классификацию типов перевода, включая межсемиотический перевод (трансмутацию) – интерпретацию вербальных знаков посредством невербальных систем (изображений, жестов, музыки и др.) [Якобсон, 1978]. Этот тип перевода фактически предвосхитил понятие поликодовости, поскольку речь идет о преобразовании смысла через взаимодействие различных семиотических кодов.

Развитие идеи поликодовости и смысловых позиций также восходит к философско-лингвистическим работам М. М. Бахтина, особенно к его концепциям диалогизма и полифонии. Бахтин рассматривал текст как взаимодействие разнородных «голосов», каждый из которых представляет собой автономную смысловую позицию и вступает в содержательный диалог с другими. Эта модель может быть интерпретирована как семиотическая конфигурация, в которой различные коды (вербальные, визуальные, жанровые, цитатные и т. д.) функционируют как «голоса» внутри

поликодовой системы. По определению самого Бахтина, «полифония романа – это множественность равноправных голосов, подлинных сознаний, а не объектов авторского сознания» [Бахтин, 1979, с. 7]. В этом смысле полифония открывает возможности для анализа поликодового текста как коммуникативного поля, где коды не просто дополняют друг друга, а конфликтуют, переосмысляют и продуцируют новые смысловые образования. Бахтинская традиция оказала значительное влияние на развитие дискурсивной семиотики, теории интертекстуальности и трактовку «текста как диалога», что делает ее важной основой для теоретического осмысления поликодовости.

В 1980–1990-х годах исследовательский интерес к поликодовости усиливается на фоне развития визуальных и медиа-исследований, где особое внимание уделяется анализу визуальной информации и способов ее интеграции с вербальными компонентами. Работы Р. Барта и У. Дж. Т. Митчелла стали важной вехой в понимании того, как «изображение» может как дополнять текст, так и формировать собственный автономный дискурс. Так, Р. Барт показывает, как визуальные и вербальные слои взаимодополняют друг друга, создавая «риторику» изображения: если лингвистический слой обещает свежесть и домашность, то коннотативный пласт «натуральности» усиливает рекламный месседж. Такая декомпозиция стала эталоном для последующих мультимодальных анализов, подчеркнув автономность изображения в составе поликодовых текстов [Barthes, 1977]. В свою очередь, Митчелл показывает, что изображения действуют не как пассивные репрезентации, а как активные участники культурного дискурса, «говорящие» собственным языком: «Диалектика слова и изображения, по-видимому, является постоянной составляющей в ткани знаков, которую культура выстраивает вокруг себя... История культуры – это, в некотором смысле, рассказ о затяжной борьбе за господство между визуальными и лингвистическими знаками» [Mitchell, 1984, с. 503]. То есть, изображения не просто иллюстрируют текст – они активно участвуют в культурном дискурсе,

формируя значения и налагая новые «реляционные практики» смыслового обмена. Этот тезис о неразрывности слова и образа стал методологической отправной точкой для современной мультимодальной семиотики.

В последствии понятие поликодовости впервые полноценно фундируется в отечественной науке в докторской диссертации А. Г. Сони́на «Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов» [Сонин, 2006]. В своей работе он обосновывает поликодовость как системное взаимодействие вербальных и визуальных кодов, встраиваемых в единый семиотический комплекс, где смысл формируется через формально-смысловой синтез и асимметричную активацию этих кодов в когнитивном процессе восприятия. Он предлагает трехэтапную модель обработки поликодового текста, включающую структурную идентификацию, семантическую активацию и интеграцию значений, что позволяет описать механизмы понимания сложных мультимодальных сообщений.

Теория поликодовости получила дальнейшее активное развитие в работах отечественных исследователей, изучающих медиадискурс в его знаково-коммуникативной и когнитивной структуре. Так, С. С. Клундук подчеркивает роль поликодовости как системообразующего признака медиадискурса, позволяющего формировать гибридные жанры, в которых вербальный и визуальный компоненты взаимодействуют, усиливая вовлеченность и выразительность [Клундук, 2025]. В русле когнитивно-дискурсивного подхода работает Т. В. Колокольцева, изучающая интернет-комментарий как сетевой жанр [Колокольцева, 2024]. Существенное внимание вопросам восприятия и структурной организации поликодовых текстов уделяют, в частности, Е. Е. Анисимова, рассматривающая механизмы интеграции вербального и визуального кодов [Анисимова, 2013], и Ю. А. Сорокин, анализирующий влияние степени креолизованности на интерпретируемость сообщений [Сорокин, 1990]. Типологические и прагматические аспекты поликодовых текстов в контексте медиалингвистики подробно освещаются в работах Е. В. Большаковой, к примеру, вопросы

интердискурсивности и стратегии смыслового воздействия [Большакова, 2008].

Объединяющим началом в работах перечисленных исследователей является представление поликодовости как многопланового феномена, лежащего на стыке вербальных и невербальных систем и требующего для своего анализа междисциплинарного подхода. Исследователи исходят из того, что поликодовый текст является не набором «дополняющих» друг друга знаковых систем, а динамической структурой, в которой коды вступают во взаимную опору, конфликт или переосмысление, формируя сложный «синтетический» смысл. Одновременно с этим, несмотря на единство в понимании поликодовости как сложного взаимодействия кодов, точки методологических расхождений связаны с фокусом исследований: когнитивисты (Р. С. Немов, В. В. Красных) делают упор на внутренние ментальные процессы восприятия, тогда как медиа- и дискурсивные аналитики (Е. Е. Анисимова, Ю. А. Сорокин, А. Г. Сонин, Л. С. О. Большакова) концентрируются на социальных и жанровых контекстах использования поликодовых форм. В данной работе, в свою очередь, предлагается интегративный аналитический инструментарий, который может быть применим как в рамках когнитивного подхода, так и в русле дискурсивно-жанрового анализа.

Подобное разнообразие подходов говорит о зрелости и перспективности теории поликодовости: она одновременно продолжает развиваться в разных направлениях и объединяет специалистов из лингвистики, семиотики, медиалингвистики и когнитивных наук. Кроме того, в последние десятилетия на фоне цифровизации коммуникации исследования поликодовости приобрели новый импульс: тематика мемов, сторис, гифок и др. требует уточнения аналитических инструментов, и современные работы [Baldry, Thibault, 2006] развивают типологии кодов, уровни интеграции и когнитивные эффекты. В свою очередь, интернет-мемы в социальных сетях, представляют собой «комплексное явление,

оказывающее заметное влияние не только на процесс непосредственно коммуникации, в интернет-пространстве между пользователями, но и на культуру современного общества» [Фомин, Габитов, 2023].

Подводя итоги, и в российской, и в зарубежной науке все явственнее наблюдается переход от описания кодов к моделированию их взаимодействия, прагматических эффектов и рецептивной переработки в условиях цифровой платформенной среды. Это формирует основу для многоуровневой модели анализа, учитывающей структуру поликодового текста, его интерпретационные траектории, идеологическую маркированность и реактивный отклик аудитории. Поликодовость перешла из области описания отдельных текстов в сферу комплексного анализа поликодовой коммуникации как структурно и функционально целостного феномена, включающего дискурсивные цепочки, особенности платформы, интерфейсные коды и рецептивные сценарии, что требует междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистику, семиотику, когнитивные науки и медиатехнологии.

1.2. Понятие поликодовости: определение, структура, признаки

Как было установлено выше, поликодовые сообщения являются неотъемлемой частью современной коммуникации. Примеры таких сообщений встречаются в самых разных сферах – от рекламы, медицины и политического дискурса до научной коммуникации, художественного текста. Особенно широко поликодовые тексты представлены в интернет-среде, будь то пост в Telegram или X (запрещена на территории Российской Федерации) с текстом, изображением и эмодзи; сторис с наложением титров и музыкального сопровождения; гифка, дополненная ироничной подписью; мем, сочетающий визуальный шаблон и лаконичную надпись – все это примеры поликодовых единиц, в которых смысл возникает путем

взаимодействия различных кодов, и потому они требуют комплексного лингвосемиотического анализа.

В научной литературе существует целый спектр подходов к определению поликодовости, отражающих разные исследовательские акценты. Так, О. А. Селиванова подчеркивает функциональный и прагматический характер поликодовости, определяя ее как «взаимодействие различных знаковых систем в пределах одного текста с целью усиления прагматического и коммуникативного эффекта» [Селиванова, 2008, с. 479]. Это определение акцентирует внимание на коммуникативной эффективности, возникающей именно в результате согласованной работы кодов.

Дж. Бэйтман, со своей стороны, предлагает рассматривать поликодовость через призму мультимодальной композиции, подчеркивая важность наличия разных кодов и их иерархической и композиционной интеграции [Bateman, 2014]. Он настаивает на необходимости разработки системного подхода к описанию таких сообщений, включающего анализ структуры, риторики и когезии между модальностями.

Исходя из анализа этих позиций, можно выделить два ключевых аспекта понимания поликодовости:

- 1) семиотический – основан на взаимодействии кодов как знаковых систем, порождающих сложный смысловой эффект;
- 2) коммуникативно-прагматический – отражает целевую установку автора на использование нескольких каналов для достижения определенного восприятия у адресата.

Особое внимание в последние годы уделяется расширенному пониманию поликодовости в цифровой среде. Если в офлайн-коммуникации чаще всего сочетались вербальный и визуальный компоненты, то цифровой текст все чаще дополняется аудиоэлементами, анимацией, гиперссылками, реакциями, интерактивной структурой, что делает необходимым осмысление поликодовости как мультимодального и мультисенсорного явления [Kress,

van Leeuwen, 2001]. Это требует описания формальных признаков и учета когнитивной нагрузки, каналов восприятия и сценариев пользовательского взаимодействия с текстом.

Следует различать мультимодальность и поликодовость, несмотря на частое пересечение этих понятий. Мультимодальность акцентирует внимание на каналах восприятия (зрение, слух, осязание и пр.), тогда как поликодовость ориентирована на семиотическую структуру сообщения, то есть на то, какие коды взаимодействуют и как они организованы в рамках текста [Ариас, Иванченко, 2016].

На уровне структуры поликодовое сообщение может быть организовано как иерархически, где один код (чаще всего вербальный) выполняет доминирующую функцию, а остальные подчинены (иллюстрации, эмодзи, графика), так и параллельно, когда коды равноправны и порождают разные аспекты смысла. Отметим, что при структурном рассмотрении поликодового текста исходным уровнем выступает семантика языкового компонента, обеспечивающая денотативную и понятийную определенность сообщения. Она задает первичную интерпретационную рамку, к которой соотносятся невербальные элементы. Последние могут как поддерживать, так и трансформировать смысл, но их воздействие возможно лишь при наличии опоры на вербальное значение.

Следовательно, типовая структура поликодового сообщения включает:

- 1) ядерный компонент, задающий основное содержание (обычно – вербальный текст);
- 2) пояснительные или интерпретирующие элементы (изображения, эмодзи, звук, анимация);
- 3) организующие и интерфейсные коды – структура, оформление, типографика, форматирование, интерфейсные метки и реакции [Успенский, 2007].

На основе анализа литературы и корпуса отобранных сообщений можно выделить следующие формально-прагматические признаки поликодовых сообщений:

- 1) интеграция гетерогенных знаковых систем в пределах единого сообщения;
- 2) целенаправленное кодовое усиление (вербальный текст поддерживается или переопределяется визуальным рядом);
- 3) контекстуальная обусловленность выбора кодов (ситуативность, платформенность, жанр);
- 4) нелинейная структура интерпретации, возможность множественных чтений и эффект семиотической расщепленности [Сергеев, 2017].

Следует отметить, что поликодовость тесно связана с восприятием и обработкой информации. Использование нескольких кодов позволяет распараллелить когнитивные процессы: зрительный канал активирует ассоциативные структуры, вербальный – концептуальные, аудиальный – эмоциональные, что обеспечивает более эффективную передачу сложного или ироничного содержания [Гудков, 2003].

Принимая во внимание существующие подходы к определению поликодовости и ее признаков, в рамках данного исследования мы понимаем поликодовость как коммуникативное и когнитивное свойство текста, проявляющееся в организованном взаимодействии двух и более семиотических кодов (вербального, визуального, аудиального и др.), которые совместно участвуют в передаче, структурировании и интерпретации смысла. Поликодовость формирует мультимодальную, многослойную структуру сообщения, усиливает его прагматический потенциал и позволяет адаптировать содержание под особенности цифровой среды и пользовательского восприятия.

1.3. Поликодовый семиозис как комбинация вербального и невербального компонентов

Как было установлено ранее, поликодовость предполагает сочетание как минимум двух различных кодов, вербального и невербального, в пределах одного сообщения. Эти компоненты не просто сосуществуют, но вступают в сложные отношения, в которых происходит смысловое взаимодействие, перераспределение акцентов, переосмысление и уточнение информации.

Вербальный компонент представляет собой текстовую часть сообщения, основанную на естественном языке, а также звучащую речь. Это могут быть слова, фразы, предложения, абзацы, организованные по грамматическим и синтаксическим правилам определенного языка. Он также служит основным инструментом вербализации намерения автора, выражения его позиции, задания рамки интерпретации и речевого акта в целом [Беляков, 2009].

Вербальный компонент поликодового текста, как правило, играет структурообразующую и смыслоформирующую роль, задавая основную референтную рамку, тематическое направление и интенциональный вектор коммуникации (о последнем – см. параграф 1.4). Семантика языкового компонента при этом формирует исходный уровень интерпретации: именно она задает денотативное и понятийное основание сообщения, на которое «наслаиваются» невербальные элементы. Аудиальные, визуальные и интерфейсные средства могут усиливать, уточнять или смещать это значение, но их интерпретация невозможна без опоры на языковую семантику.

Невербальные элементы выполняют важные экспрессивные и модальные функции, они также «направляют адресата к правильным выводам», поскольку «пользователи интуитивно чувствуют, что простой текст недостаточен для передачи всей воспринимаемой информации»

[Dresner, 2019]. Однако именно вербальная часть остается главным носителем содержательного и прагматического ядра сообщения.

В рамках настоящего исследования предлагается следующая классификация функций вербального компонента, адаптированная к условиям поликодовой цифровой коммуникации и основанная на интеграции подходов лингвистической прагматики, предполагающей изучение языковых средств в их функциональном аспекте с учетом интенций говорящего, речевых актов и контекста восприятия; текстовой лингвистики, акцентирующей внимание на структуре, когезии и композиционной организации текста как смыслового целого; и медиасемиотики, в центре внимания которой взаимодействие вербальных знаков с визуальными и интерфейсными элементами, раскрывая, как язык функционирует в условиях мультимодальной и платформенной коммуникации.

1. Номинативная функция

Заключается в обозначении объектов, событий, лиц, процессов, актуальных для содержания сообщения. В новостных постах Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) она реализуется через заголовки, ключевые существительные, хештеги с именами и событиями (например: выборы, взрыв, митинг). Эта функция формирует первичную тематическую направленность текста.

2. Репрезентативная функция

Предполагает передачу информации о действительности, описание фактов, событий, ситуаций. Она реализуется через повествовательные структуры, фактическую лексику, нарративные связки и конструкции. В новостных форматах – это основная функция, связанная с моделированием картины происходящего. Например: *«Сегодня в Харькове прогремел взрыв. По предварительным данным пострадали двое»* – предложение носит информативный, описательный характер.

3. Прагматическая функция

Включает в себя экспликацию авторской интенции, обращенность к адресату, структурирование акта коммуникации. В медиатексте эта функция реализуется через модальные конструкции, обращение к читателю («*Внимание! Не пропустите!*»), императивные глаголы, риторические вопросы, восклицания. Например: «*Делитесь в комментариях!*», «*Это важно знать каждому!*» – прагматический посыл побуждает к действию или интерпретации.

4. Модальная функция

Обеспечивает оценочность, эмоциональную окрашенность, экспрессивность текста. Модальность может выражаться как грамматически (через наклонения), так и лексически (через наречия, модальные глаголы, вводные слова, оценочные прилагательные, маркеры отношения: жестокий, беспрецедентный, пугающий, героический). Часто именно через модальность вербальный текст выстраивает оппозиции «свой/чужой», «добро/зло», что особенно характерно для политизированного медиадискурса [Карасик, 2002; Добросклонская, 2014]. Более подробно модальность как имманентное свойство поликодового текста будет рассмотрена в параграфе 1.4.

5. Структурно-связующая функция

Отвечает за организацию композиции поликодового сообщения, связность между частями, логические и текстовые переходы, маркирование порядка подачи информации. Например, использование таких элементов, как «*во-первых, напомним, между тем, в то же время*» помогает удерживать читателя в логике текста, а цитаты и вставки («*по словам министра, как сообщает ВВС*») встраивают внешние источники и поддерживают текстовую связность.

Предлагаемая классификация функций вербального компонента основана на понимании вербального текста как «скелета» сообщения, на который «наслаиваются» визуальные, интерфейсные и иные коды. При этом функции могут перекрываться (например, прагматическая функция может

реализоваться через модальные конструкции), но сохраняется их различие на уровне интенционального доминирования.

В отличие от печатных текстов СМИ, где репрезентативная функция преобладает, в медиадискурсе Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) наблюдается усиление модальной и прагматической функций, так как посты нередко строятся с целью привлечения, вовлечения, оценки и провокации аудитории.

Однако реализация этих целей в цифровой среде происходит не только средствами языка. Все большую роль в передаче интенции, усилении эмоционального воздействия и формировании восприятия начинают играть невербальные компоненты. Именно они становятся активными участниками семиозиса, дополняя, уточняя или даже трансформируя вербальное сообщение. Рассмотрим их подробнее.

Невербальный компонент поликодового текста включает визуальные (изображения, эмодзи, шрифты, цвет, видео), аудиальные (музыка, голос, интонация, ритмика и др.), а также композиционные и технические элементы (разметка, расположение блоков, оформление поста), которые в совокупности выполняют важнейшие семиотические и прагматико-когнитивные функции. Несмотря на то, что такие элементы не оперируют языковыми знаками в узком смысле, они существенно влияют на интерпретацию сообщения, его эмоциональную окраску, прагматическую силу и идеологическое позиционирование. Исследователи подчеркивают, что визуальные и интерфейсные компоненты в цифровом дискурсе выполняют не вспомогательную, а автономную семиотическую функцию, влияющую на модальность, рамку восприятия и коммуникативную стратегию сообщения. Так Г. Кресс и Т. ван Левен утверждают, что в рамках визуальной грамматики визуальные элементы обладают собственной системой значений, влияющей на модальность и интерпретацию [Kress, van Leeuwen, 2006], а С. Л. Кушнерук демонстрирует, что интерфейсные компоненты (реакции,

шапки, форматирование) в Telegram-дискурсе могут выступать в роли смысловых и даже идеологических индикаторов [Кушнерук, 2024].

Таким образом, в настоящей работе был выделен ряд функций невербального компонента, релевантных поликодовому анализу медиатекста.

1. Иллюстративная функция

В ее рамках визуальный элемент служит дополнением к вербальному, конкретизируя или демонстрируя информацию. Например, фотография места происшествия под новостным постом выполняет роль визуального подтверждения текста (Теракт в аэропорту – фото с места событий). Эта функция тяготеет к репрезентативной, но опирается на визуальный код.

2. Модально-экспрессивная функция

Отвечает за выражение эмоциональной, оценочной и модальной окраски сообщения. Визуальный ряд может «подсказывать» читателю интонацию: ирония, сарказм, страх, гнев, радость. Например, мемное изображение или гифка с преувеличенной реакцией на новость интерпретируется как модальный комментарий, даже если текст сохраняет нейтральный стиль.

3. Прагматическая функция

невербальные элементы активно участвуют в реализации речевых актов (побуждения, оценки, отторжения), оформляют интенцию автора и регулируют контакт с адресатом. Например, эмодзи или придают посту одобрительный, рекламный тон; или – побуждают к вниманию; – маркирует иронию. Как подчеркивается в исследованиях современных медиалингвистов, иллюстративные элементы играют активную роль в воздействии на интерпретатора, способствуя формированию у него специфической читательской стратегии [Байкова, 2022].

4. Когнитивная функция (фреймовая и концептуальная визуализация)

Визуальные элементы способны активировать когнитивные структуры, особенно фреймы и концепты. Под фреймом понимается

стереотипизированная структура знаний, связанная с определенной ситуацией, типичной схемой действия или тематическим сценарием (например: война, выборы, пандемия), включающая роли, объекты и типичные ходы событий [Fillmore, 1976]. Концепт трактуется как ментальное представление, обобщающее определенное культурное знание, имеющее языковую, образную и прагматическую составляющие.

Подобные визуально-вербальные решения регулярно встречаются в Telegram-дискурсе и описываются в научной литературе как типовые приемы фреймовой визуализации: изображения государственных символов на фоне разрушений маркируют национально-патриотический фрейм, а эмодзи 🧠 используется как прагматический усилитель концепта «интеллектуальный труд», особенно в образовательном и политико-реформаторском контексте [Кушнерук, 2024].

5. Идентификационная функция

Отвечает за указание принадлежности к сообществу, идеологической группе, сетевому меметическому пласту. Эмблемы, знаки, шрифты, стиль оформления – все это может служить сигналом «своим»: используется узнаваемая визуальная риторика. Такие элементы считываются аудиторией мгновенно и работают как средства позиционирования, без необходимости пояснения в тексте [Zappavigna, 2018].

Подчеркнем, что данные функции нередко одновременно реализуются и взаимодействуют с вербальным компонентом, либо усиливая его модальность и прагматический эффект, либо переформатируя сообщение, то есть смещая акцент, меняя заданный вербальным компонентом интенциональный вектор или даже трансформируя интерпретацию текста за счет конфликта или иронического расщепления кодов. При этом визуальные и композиционные элементы функционируют не как «иллюстрации», а как самостоятельные коды, подлежащие лингвосемиотическому и когнитивному анализу.

Развитие цифровых медиаплатформ сопровождается формированием новых жанров и кодов и особой интерфейсной семиотики – совокупности знаков, репрезентирующих технические, интерактивные и визуально-композиционные элементы интерфейса, встроенные в структуру сообщения. К ним относятся реакции (лайки, эмодзи), элементы цитирования и пересылки, гиперссылки, кнопки, счетчики, аватарки, визуальные маркеры т.н. «тредов» (от англ. «thread», цепочек комментариев под сообщениями на форумах и чатах), метки «Forwarded from», превью-ссылок, интерфейсные стикеры, кнопки голосования и другие. Несмотря на свою внешнюю техническую форму, эти элементы выполняют в рамках поликодового медиатекста коммуникативно значимые функции и, как показывает практика, нередко участвуют в порождении и интерпретации смысла наряду с вербальными и визуальными кодами.

Интерфейсные элементы – это особый тип кодов, включенных в сообщение непосредственно платформой и, как правило, не редактируемых пользователем. Они обладают индексальной и иконической природой: могут указывать на источник сообщения (цитата, пересылка), степень одобрения (реакции), количество просмотров (счетчики), структуру обсуждения (отступы в комментариях), визуально маркировать тему (хэштеги, аватары, индикаторы темы). При этом такие элементы воспринимаются пользователем как знаки, подлежащие интерпретации в рамках определенной платформенной грамотности, то есть способности соотносить визуальные и вербальные коды с нормами и жанровыми ожиданиями конкретной цифровой среды. Как отмечает Р. Пейдж, интерпретация мультимодальных элементов в социальных сетях опирается на «общие конвенции порождения смыслов, специфичные для каждой отдельной платформы» [Page, 2012, p. 182], а по наблюдению М. Заппавиньи, пользовательская грамотность включает «умение читать и производить смыслы с помощью семиотических ресурсов конкретной платформы» [Zappavigna, 2012, p. 45].

Как подчеркивает С. Л. Кушнерук, интерфейсная организация Telegram-дискурса обуславливает «особую визуально-вербальную композицию, в которой даже технические компоненты приобретают семиотическое значение» [Кушнерук, 2024]. Например, маркировка «Forwarded from» сигнализирует о происхождении поста и переводит сообщение в рамку вторичной репрезентации, что влияет на доверие и оценку. Аналогично, реакции под постом в Telegram (например, 🔥, 😬, 🤔) при отсутствии открытых комментариев становятся единственным доступным способом эксплицитной обратной связи, формируя вторичный уровень авторской интенции – через рецепцию [Scheffler, Solopova, Porawatt, 2021].

Важно отметить, что интерфейсные элементы часто работают в режиме подразумеваемого кода, активируемого не текстом, а контекстуальным знанием пользователя о правилах платформы. Например, в X (запрещена на территории Российской Федерации) наличие кнопки «retweet with comment» позволяет пользователю цитировать и семиотически оформляет такое действие как высказывание в рамках диалога, а не нейтральную трансляцию. В Telegram при пересылке из другого канала сохраняется аватар и имя источника, что визуальнo маркирует авторство и может интерпретироваться как знак солидарности, критики или иронии в зависимости от контекста.

Таким образом, интерфейсные элементы выполняют разнообразные функции в структуре поликодового текста, среди которых выделяются следующие:

- 1) прагматическая функция: выражение отношения, реакции, акцента (путем использования соответствующих эмоций, а также создание голосования, опросов или возможности оставить реакцию под постом);
- 2) модально-композиционная: структурирование текста, выделение значимых частей (цитирование, треды, оформление пересылки);
- 3) идентификационно-социальная: указание на источник, автора, принадлежность к каналу;

4) метатекстовая: формирование рамки интерпретации («forwarded from», «retweeted from», ссылка на внешний источник).

Поскольку такие элементы не являются собственно текстом, но входят в семиотическую структуру сообщения, они должны анализироваться в рамках лингвосемиотического и мультимодального подходов как интерфейсные коды – вспомогательные, но активные участники поликодового семиозиса. В условиях цифровой медиакommunikации игнорирование интерфейсной составляющей означает упрощение анализа и потерю части прагматически значимой информации, поскольку такие элементы участвуют в формировании смысла наряду с вербальными и визуальными кодами. Для более полного понимания этого процесса необходимо обратиться к понятию семиозиса.

Семиозис – одно из ключевых в общей семиотике и теории знака. В трактовке Ч. С. Пирса семиозис определяется как процесс интерпретации знака, в котором участвуют три элемента: знак, объект и интерпретант, то есть смысл, возникающий у интерпретатора в результате контакта со знаком [Пирс, 1993]. В определении Ю. М. Лотмана семиозис понимается шире – как процесс порождения и передачи смыслов в рамках знаковых систем, где акцент делается на механизмах смыслопорождения внутри культурных текстов [Лотман, 1998]. В современной медиасемиотике и когнитивной лингвистике под семиозисом нередко понимается динамический акт кодирования/декодирования смысла в ходе коммуникации [Barthes, 1985; Kress, van Leeuwen, 2006].

В условиях цифровой коммуникации, насыщенной визуальными, вербальными, интерфейсными и аудиальными кодами, традиционное представление о линейном семиозисе трансформируется. В таких текстах значимый смысл формируется не в пределах одного кода, а на пересечении нескольких – вербального и визуального, звукового и интерфейсного. Именно в этих условиях возникает необходимость теоретически обосновать понятие поликодового семиозиса.

В рамках настоящего исследования поликодовый семиозис определяется как процесс прагматико-когнитивного порождения и интерпретации смыслов, реализуемый через взаимодействие вербальных и невербальных кодов в структуре поликодового сообщения в интернет-коммуникации.

Под прагматико-когнитивным порождением понимается ментально и коммуникативно мотивированный процесс создания сообщения, при котором выбор кодов и их структурная организация осуществляется с учетом:

- а) процессов концептуальной организации содержания (через фреймы, ментальные пространства, аналогии и блендинг);
- б) прагматических целей автора (передача интенции, эмоционального воздействия, модальности, манипулятивных или оценочных установок).

Важно отметить, что термин «прагматико-когнитивное порождение» используется в настоящей работе как обобщенное обозначение когнитивно мотивированного [Кубрякова, 2004; Fauconnier, Turner, 2002] и прагматически ориентированного [Карасик, 2002; Grice, 1975] процесса создания и организации сообщения в дискурсе.

Следовательно, семиозис в поликодовом тексте не ограничивается использованием нескольких кодов, а представляет собой осмысленную интеграцию знаковых систем, направленную на достижение максимального эффекта восприятия и интерпретации в условиях цифрового дискурса.

Ключевым моментом здесь является то, что смысл не сводится к сумме кодов, а возникает в процессе их взаимодействия, перекрестной актуализации и интерпретации, в том числе в зависимости от интенции автора и предполагаемой рецепции.

Основные признаки поликодового семиозиса включают:

- мультимодальность — использование нескольких каналов представления информации (текст, изображение, звук и др.);

- согласованность и/или расщепление кодов – коды могут быть конгруэнтны (усиливают друг друга) или конфликтны (создают иронический эффект, интенциональное смещение);
- координация знаковых систем – смысл создается за счет параллельного существования кодов и их специфической композиции и соотнесенности;
- наличие интерпретативного вектора – поликодовый семиозис предполагает активное участие интерпретатора, которому нужно учитывать всю совокупность кодов для восстановления сообщения.

На основании анализа литературы [Kress, van Leeuwen, 2006; Barthes, 1985; Bateman et al., 2017], а также на основе материала Telegram и X, можно выделить пять основных видов комбинаций вербального и невербального кодов, возникающих в процессе поликодового семиозиса.

1. Конгруэнтное взаимодействие – согласованное взаимодействие кодов, при котором вербальные и невербальные элементы взаимно усиливают друг друга и направлены на реализацию одной интенции. Пример: пост с текстом «Пожар охватил центр города» и фотографией пылающего здания. Характеристика: коды не дублируют, но усиливают друг друга за счет синергии и конгруэнтной направленности на один смысловой фрейм.

2. Редундантное взаимодействие – взаимодействие кодов, при котором разные компоненты передают одну и ту же информацию, дублируя друг друга. Пример: текст «Это катастрофа!» и мем с надписью «Катастрофа» или изображение, на котором то же слово выделено. Характеристика: коды избыточны, каждый из них мог бы реализовать сообщение отдельно, но используются одновременно ради усиления или однозначности смысла. Отличие от конгруэнтного взаимодействия заключается в том, что конгруэнция усиливает и обогащает за счет сонаправленного, но не тождественного контента; редундантность – буквальное повторение одного и того же.

3. Расщепленное (ироническое) взаимодействие – коды вступают в семиотический конфликт, в результате чего возникает ирония, насмешка, инверсия смысла. Пример: текст «Вот это успех!» сопровождается фотографией разрушенного здания или лицом в отчаянии. Характеристика: формируется расщепление между явной интенцией (в тексте) и визуальной реализацией. Именно это напряжение создает прагматический эффект – юмор, сарказм, критический подтекст.

4. Фреймовая координация – взаимодействие кодов, при котором вербальный и невербальный компоненты активируют один и тот же фрейм, даже если не дублируют содержание. Пример: текст «И снова они – на площади» + фотография толпы с флагами → фрейм «протест». Характеристика: смысл не очевиден из текста сам по себе, как и из изображения, но в совокупности они актуализируют сценарий (участники, действия, эмоциональные роли).

5. Интерпретативное взаимодействие – взаимодействие, при котором невербальный код позволяет восстановить скрытую или опосредованную интенцию, не обозначенную напрямую в тексте. Пример: нейтральный текст «Они снова на улицах» и фотография насилия → реципиент «распознает» негативную интенцию автора. Характеристика: критическое значение имеет контекст и визуальная репрезентация, запускающая интерпретацию, направленную на выявление скрытого смысла. Чаще всего связано с ироническими, идеологическими или политическими подтекстами.

Такое взаимодействие вербальных и невербальных знаков в процессе порождения и интерпретации смысла является обоснованием для использования термина «лингвокогнитивный аспект», поскольку он позволяет учитывать как структуру сообщения, так и те ментальные процессы, которые обеспечивают его создание, восприятие и интерпретацию. Восприятие и интерпретация вербальных и невербальных знаков подробно изучаются в настоящей работе в ходе анализа материала исследования, а также при проведении лингвистического эксперимента (см. Глава 2 и Глава

3). Действительно, поликодовость как явление невозможно адекватно объяснить, опираясь лишь на формальный или структурный подход – необходимо учитывать процессы концептуальной организации содержания, такие как фреймирование, концептуальное смешение, внимание и когнитивная репрезентация.

В научной литературе понятие лингвокогнитивного аспекта фиксируется как междисциплинарная методологическая рамка, объединяющая когнитивные и лингвистические подходы. Согласно когнитивному подходу, анализ языковых единиц предполагает выявление когнитивных операций, которые лежат в основе вербальной репрезентации и помогают реконструировать ментальные структуры [Забросаева, 2014]. Е. С. Кубрякова определяет лингвокогнитивный аспект как исследование «способов репрезентации знания средствами языка и процессов, обеспечивающих языковую обработку информации» [Кубрякова, 2004]. В зарубежной традиции В. Эванс и М. Грин отмечают, что лингвокогнитивный подход позволяет реконструировать структуру знания (концептуальные структуры) через язык и его использование в контексте [Evans, Green, 2006].

Лингвокогнитивный аспект поликодового текста, следовательно, можно определить как направление анализа, которое изучает, каким образом различные знаковые средства (языковые, визуальные, интерфейсные) отражают и организуют когнитивные процессы – концептуализацию, категоризацию, интерпретацию и ментальное моделирование – в условиях цифровой медиакommunikации. Данный аспект позволяет выйти за пределы описательной семиотики и учитывать когнитивные и прагматические стратегии, лежащие в основе поликодового семиозиса.

Подводя итоги, поликодовый семиозис представляет собой ключевой механизм смыслообразования в современном цифровом медиадискурсе. Он основан на координации разнородных знаковых систем и требует от исследователя комплексного подхода к анализу текстов, в которых смысловая нагрузка распределяется между вербальными и невербальными

компонентами. При этом именно семантика языкового компонента задает первичную точку отсчета: она обеспечивает стабильность интерпретации, выступая «языковым каркасом» для дальнейших когнитивных и прагматических трансформаций, реализуемых через визуальные, аудиальные и интерфейсные коды. Рассмотрение различных видов взаимодействия кодов с позиции междисциплинарного подхода, а именно лингвистического и когнитивного, позволяют объективировать этот процесс, выявить интенцию автора, а также проследить за тем, как сообщение интерпретируется и актуализируется в сознании реципиента, что будет продемонстрировано в практической части исследования.

В качестве одной из ключевых категорий текста, опосредующих распределение смыслов между кодами, выступает модальность. Она позволяет с одной стороны зафиксировать отношение автора к сообщаемому, с другой проанализировать, как это отношение репрезентируется средствами различных знаковых систем – от вербальных конструкций до визуальных и интерфейсных кодов. Рассмотрим подробнее теоретические основания включения модальности в анализ поликодового текста.

1.4. Модальность как имманентная характеристика поликодового текста

В последние десятилетия понятие модальности, традиционно связанное с выражением оценочных, эмотивных и эпистемических значений в языке, расширилось за пределы исключительно вербальных средств и стало применяться к невербальным элементам коммуникации. В контексте интернет-коммуникации это расширение особенно актуально, поскольку современные поликодовые тексты содержат разнообразные визуальные и интерфейсные коды, которые способствуют передаче информации и выражению субъективного отношения автора, эмоциональных оттенков и оценочных позиций.

В ряде лингвистических теорий, в частности, в работах Романа Jakobson, модальность выделяется как одна из ключевых функций языка, отражающая отношение говорящего к содержанию высказывания [Jakobson, 1985]. При этом Jakobson и последующие исследователи подчеркивают, что модальность может реализовываться вербальными средствами (модальными глаголами, частицами) и невербальными знаками – жестами, мимикой, интонационными маркерами.

Кроме того, понятие модальности в современной лингвистике трактуется в двух различных, хотя и взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, модальность выступает как семантико-прагматическая категория, отражающая оценку, отношение, установку субъекта речи к сообщаемому, то есть выражает, как говорящий воспринимает референтную ситуацию – с уверенностью, сомнением, иронией, приказом и т. д.

С другой стороны, как отмечает В. З. Демьянков: «В сопоставительных исследованиях последних лет под модальностью понимают одновременно: способ (mode), которым знаки производятся и воспринимаются, и «каналы передачи» (transmission channels)» [Демьянков, 2019, с. 88]. Тексты, интегрирующие несколько способов, то есть «modes», в зарубежной лингвистике описываются как мультимодальные (multimodal). Так, согласно А. Балдри и П. Тибо, «мультимодальные тексты объединяют элементы из различных семиотических ресурсов в соответствии с определенными принципами организации. (...) Эти ресурсы не просто располагаются рядом как отдельные способы порождения смысла, а комбинируются и интегрируются в сложное целое, которое невозможно свести к простой сумме его отдельных частей или объяснить исключительно через них» [Baldry, Thibault, 2006, с. 6]. Модальность, описываемая в рамках исследования мультимодальных текстов, является каналом, через которое сообщение передается и воспринимается, а также способом его представления, то есть с помощью текста, изображения и/или звука.

Однако нас будет интересовать модальность прежде всего в ее коммуникативно-прагматическом измерении – как система средств выражения отношения субъекта речи к содержанию сообщения. Это включает как оценку степени достоверности, обязательности, вероятности происходящего, так и эмоциональное или волевое отношение к нему. Такой подход позволяет рассматривать модальность как имманентную характеристику поликодового текста, поскольку она может быть реализована как в вербальной, так и в невербальной части высказывания – и особенно ярко проявляется в случае расхождения между ними, создающего дополнительные прагматические эффекты. При этом семантика языкового компонента задает исходный уровень модальной интерпретации, на который накладываются невербальные коды: они могут усиливать или корректировать исходное значение, а в случае расхождения – формировать иронический или конфликтный эффект.

Если обратиться к истории изучения модальности, то одним из первых, кто систематически подошел к осмыслению модальных значений, был Аристотель, различавший утверждение, отрицание, возможность и необходимость. В новое время модальность становится предметом анализа в грамматике, особенно в немецко- и англоязычной традициях. Существенный вклад внес И. Кант, рассматривая модальность как категорию мышления, выражающую отношение суждения к действительности [Кант, 1994].

В лингвистике XX века теория модальности получила развитие в трудах Ф. Р. Палмера, который предложил классификацию модальных значений на эпистемические, деонтические и динамические, опираясь на обширный лингвистический материал [Palmer, 2001]. В прагматической парадигме значительный вклад внесли Дж. Лайонз и М. А. К. Халлидэй [Lyons, 1977; Halliday, 1994], связывавшие модальность с категориями речевого акта, интенции и коммуникативного взаимодействия. Так, в социальной семиотике Халлидей включил модальность в систему интерперсональной метафункции языка, подчеркивая ее роль в выражении

субъективного и социального отношения говорящего к референтной ситуации [Halliday, 1994].

В отечественной лингвистике категория модальности разрабатывалась с начала XX века в рамках грамматических и логико-семантических исследований. Значимый вклад внесли А. М. Пешковский, выделявший модальность как выражение эмоционально-волевой установки говорящего [Пешковский, 1956], и В. В. Виноградов, трактовавший модальность как синтаксико-семантическую основу высказывания [Виноградов, 1972]. Во второй половине XX века модальность активно исследовалась в связи с грамматической категорией наклонения, временными значениями и аспектами прагматики (в работах Г. А. Золотовой, Л. П. Чахоян, Н. Д. Арутюновой). Особенно значимы труды Н. Д. Арутюновой, в которых она предложила разграничение объективной (отношение сообщаемого к действительности) и субъективной (отношение говорящего к сообщаемому) модальности, а также описала систему эпистемических и коммуникативных установок. Эту традицию развивали Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Т. В. Булыгина, исследуя модальные слова с позиций логико-когнитивной семантики [Апресян, 1995]. В более поздних работах (например, Л. В. Васильева, Т. Г. Добросклонская) модальность трактуется как комплексный механизм организации речевого действия, включая вербальные, интонационные и контекстуальные индикаторы [Васильева, 2009; Добросклонская, 2008].

В целом, традиционное разделение модальности, принятой в современной лингвистике, включает эпистемическую, деонтическую, динамическую и эвиденциальную разновидности [Palmer, 2001; Lyons, 1977]:

- 1) эпистемическая модальность передает степень уверенности говорящего в истинности сообщения («может быть», «должно быть»);
- 2) деонтическая модальность регулирует действие через нормы, разрешение или запрет («нужно», «можно», «запрещено»);

3) динамическая модальность отражает способность или намерение субъекта («умею», «могу»);

4) эвиденциальная модальность указывает на источник информации – прямой опыт, предположение, сообщение извне («судя по всему», «говорят»), трактуемая как отдельная категория, тесно связанная, но не идентичная эпистемической.

Данные модальности рассматриваются как разновидности субъективной модальности, то есть выражающие личное отношение говорящего к содержанию высказывания и источнику информации. В противоположность этому, объективная модальность отражает статус действительности высказывания – реальность или ирреальность ситуации, и присутствует во всех типах высказываний как основа смысловой структуры. Субъективная модальность выступает как усложняющий фактор объективной, внося оценку, долженствование, намерение, ссылку на источники информации. В ряде исследований к субъективной модальности относят также аксиологическую модальность, то есть систему оценочных высказываний, выражающих позитивное или негативное отношение (например, маркеры «хорошо», «плохо») [Карасик, 2002]. Включение аксиологической модальности расширяет традиционное понимание субъективности, подчеркивая ее роль в оценочной и эмоциональной составляющей коммуникации.

Хотя такие классификации модальности изначально были разработаны для анализа вербальных высказываний, в последние десятилетия понятие модальности расширилось, выйдя за пределы исключительно вербальных средств, и стало применяться к невербальным элементам коммуникации. В контексте интернет-коммуникации это расширение особенно актуально, поскольку современные поликодовые тексты содержат разнообразные визуальные, аудиальные и интерфейсные коды, которые передают информацию и выражают субъективное отношение автора, эмоциональные оттенки и оценочные позиции.

Так, Д. Кристал в исследованиях по лингвистике интернета отмечает, что эмодзи и другие визуальные элементы в цифровой коммуникации функционируют как своеобразные модальные маркеры, усиливающие или смягчающие смысловое содержание текстового сообщения. Они компенсируют ограниченность письменного текста в передаче эмоциональных и оценочных оттенков, делая коммуникацию более выразительной и интерактивной [Crystal, 2006].

Поддерживая эту позицию, А. В. Байкова анализирует, каким образом визуальные коды в соцсетях выступают носителями модальных значений. Исследователь отмечает, что цветовые схемы, визуальные метафоры и интерфейсные элементы создают контекст, в котором интерпретация сообщения получает дополнительную субъективную окраску – например, яркие цвета могут восприниматься как признак положительной оценки, а определенные иконки сигнализируют согласие или одобрение [Байкова, 2022].

Эмпирические исследования также подтверждают модальную функцию невербальных компонентов в цифровой коммуникации. П. Новак и соавторы в работе «Sentiment of Emojis» демонстрируют, что эмодзи играют роль модальных маркеров, позволяя выражать эмоциональные реакции и оценочные позиции, которые не всегда могут быть переданы словами. Анализ больших массивов данных показал, что использование эмодзи значительно влияет на интерпретацию сообщения и восприятие автора [Novak et al., 2015].

Кроме того, М. Заппавинья показывает, что такие элементы, как хештеги и визуальные символы, служат средствам выражения авторской позиции и оценки, а также создают дополнительные уровни смысла в поликодовых текстах соцсетей. Это свидетельствует о том, что модальность в интернет-коммуникации приобретает сложную, многослойную природу, где невербальные компоненты тесно переплетаются с вербальными, образуя интегративные семиотические конструкции [Zappavigna, 2012].

В сфере медиалингвистики, например, в работах Г. Кресса и Т. ван Левена, также выделяется важность интерфейсных кодов как носителей модальных значений. Значки статуса, уведомления и интерактивные элементы пользовательских интерфейсов оказывают влияние на восприятие сообщения, внося субъективную оценку и эмоциональную реакцию, что значительно расширяет традиционные представления о модальности в коммуникации [Kress, van Leeuwen, 2001; 2010].

Таким образом, современные исследования свидетельствуют о том, что модальность в поликодовой интернет-коммуникации – это сложное явление, охватывающее широкий спектр невербальных средств: визуальных, аудиальных и интерфейсных элементов. Это требует от исследователей семиозиса учитывать вербальные модальные маркеры и визуально-интерактивные компоненты, которые играют ключевую роль в формировании смысла и интерпретации сообщений. В данной работе мы рассматриваем модальность как семантическую категорию, реализующуюся на пересечении кодов. Особый интерес представляет взаимодействие и возможное противоречие модальностей вербального и невербального компонентов: от полного совпадения (усиления) до иронического рассогласования, в котором создается дополнительный смысловой слой, что позволяет анализировать поликодовые тексты не как сумму частей, а как целостные модальные конструкции, в которых значения распределены между кодами, взаимодействуют и интерпретируются на когнитивном уровне получателя.

Понимание модальности невербальных компонентов значительно расширяет инструментарий анализа поликодового семиозиса, позволяя более полно раскрывать способы выражения авторской оценки и эмоционального отношения в цифровых сообщениях. Это подводит нас к следующему важному аспекту – исследованию авторской интенции, которая в интернет-коммуникации реализуется через взаимодействие различных кодов и формирует уникальную динамику смыслопорождения.

1.5. Авторская интенция в интернет-коммуникации: типология и маркеры

Понятие интенции изначально было связано с философскими и психологическими исследованиями сознания и мышления, а в лингвистику оно пришло как обозначение целенаправленности речевого действия. При этом семантический компонент высказывания служит основой для кодирования интенции: именно через выбор лексико-синтаксических средств формируется смысл, который затем направляется на достижение коммуникативного эффекта. В современной лингвистике и прагмалингвистике интенция рассматривается как осознанная установка коммуниканта на достижение определенного коммуникативного эффекта посредством языковых и параязыковых средств. В работах Ю. Н. Караулова и Г. А. Золотовой интенция трактуется как неотъемлемый элемент порождения высказывания, связанный с речевой ситуацией, речевыми ролями и жанровыми рамками [Караулов, 1987; Золотова, 2001]. Г. Г. Слышкин, развивая эти идеи в русле когнитивной прагматики, акцентирует внимание на когнитивной модели интенции как ментальной целевой установки, опосредующей выбор языковых и невербальных средств [Слышкин, 2000]. Несмотря на различие фокуса работы, все эти исследователи сходятся в том, что интенция представляет собой многоуровневую прагматическую категорию, проявляющуюся в структуре высказывания, выборе средств и направленности воздействия на адресата.

Современные исследования медийного текста подчеркивают, что интенция реализуется как через выбор лексико-синтаксических средств, так и через включение поликодовых компонентов, которые формируют мультимодальную структуру сообщения [Stockl et al., 2019]. Автор выстраивает высказывание с учетом потенциальной интерпретации: он кодирует интенцию в системе знаков, в том числе визуальных, аудиальных и

типографических. При этом важно различать два взаимосвязанных, но не тождественных аспекта коммуникативного намерения: речевую интенцию и перцептивную интенцию.

Речевая интенция (иллокутивное намерение) – это изначальный замысел автора: сообщение, отношение, оценка или воздействие, которое он хочет выразить и донести. Это уровень «того, что говорится и зачем это говорится».

Перцептивная интенция – проекция предполагаемой реакции адресата: как автор ожидает, что его сообщение будет понято, прочитано, интерпретировано. Она формируется на основе прагматического прогноза: какое впечатление, эмоцию, поведенческую реакцию вызовет сообщение.

Поликодовая структура сообщения, следовательно, кодирует содержание и управляет интерпретацией, формируя комплексную интенциональную рамку. Именно в поликодовой коммуникации особенно проявляется так называемая иронически расщепленная интенция, при которой адресат остается в ситуации неопределенности относительно истинного отношения автора, что типично для постмодернистской иронии, интернет-мемов, сатирических каналов и пародийных форматов.

Авторская интенция поликодового текста, таким образом, рассматривается в рамках настоящего исследования как коммуникативное намерение, включающее в себя как иллокутивный замысел, так и перцептивную проекцию (ожидаемую интерпретацию), реализуемое через взаимодействие вербальных и невербальных средств в структуре поликодового сообщения.

Типология авторской интенции в медиадискурсе характеризуется разнообразием подходов, отражающих специфику жанра, целей коммуникации и используемых кодов. В лингвистических и медиалингвистических исследованиях представлены различные основания классификации интенций, среди которых наиболее распространены

функционально-коммуникативный, жанрово-дискурсивный и прагматико-семиотический подходы.

Согласно функционально-коммуникативному подходу, авторская интенция соотносится с основными функциями языка: информационной, экспрессивной, апеллятивной и метакоммуникативной. На этой основе выделяются информативная, экспрессивная, конативная и метакоммуникативная интенции [Арутюнова, 1990; Панфилова, 2007]. Такой подход позволяет соотносить интенцию с функцией высказывания в рамках речевого акта.

В рамках жанрово-дискурсивного подхода (например, у Т. Г. Добросклонской, А. Р. Сафиной) интенции рассматриваются как составляющая медиадискурсивной стратегии: выделяются оценочная, имиджевая, развлекательная, интенция влияния, дискредитирующая, комплиментарная и др. [Сафина, 2013; Добросклонская, 2014]. Этот подход актуален для анализа текстов с выраженной идеологической или манипулятивной нагрузкой.

Прагматико-семиотический подход акцентирует внимание на реализации интенции в поликодовом сообщении, где смысл создается за счет взаимодействия вербальных и невербальных знаков. В рамках этого подхода выделяются такие интенции, как ироничная, саркастическая, криптическая (скрытая), нейтрализующая, эмоционально-заражающая, которые передаются преимущественно визуальными или интерфейсными средствами [Кибрик, 2012; Sperber, Wilson, 1986; Attardo, 2000].

Разнообразие типологий объясняется как различиями в предметной области, так и междисциплинарной природой самого понятия интенции. Для целей настоящего исследования – анализа новостных поликодовых постов в Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) – представляется продуктивным синтез функционально-коммуникативного и прагматико-семиотического подходов, позволяющий учитывать как цели автора, так и специфику кодовой реализации сообщения. Так, на основании

анализа корпуса новостных поликодовых сообщений обоснованным представляется выделение следующих интенций:

1) информативная интенция, направленная на передачу актуальных сведений и составляющая основу новостного дискурса [Добросклонская, 2014];

2) оценочная интенция (с включением комплиментарной и дискредитирующей как частных случаев), формирующая отношение к субъекту или объекту сообщения; она особенно активно реализуется через визуальные средства (контрастные изображения, мемы, цветовые акценты), что позволяет рассматривать ее как ключевую составляющую идеологизированных публикаций [Бубнова, 2012];

3) экспрессивная интенция, выражающая эмоциональную вовлеченность автора и часто интегрирующаяся в оценочную или развлекательную функцию, что усиливает субъективный отклик у читателя [Гудков, 2003];

4) ироничная/развлекательная интенция, направленная на удержание внимания аудитории, вызывает вовлечение и способствует эмоциональной разгрузке; в поликодовом формате она реализуется через мемы, визуальные шаблоны, а также сочетание несочетаемых смыслов для создания эффекта когнитивного диссонанса [Kress, van Leeuwen, 2010].

Данная типология авторских интенций в цифровом медиадискурсе позволяет учитывать как базовые коммуникативные цели, так и специфику их реализации в условиях мультимодальной подачи и высокой смысловой плотности. Однако в поликодовом сообщении важен как сам факт наличия той или иной интенции, так и то, как именно она реализуется на уровне взаимодействия кодов и формирует общее восприятие текста. В этой связи, аналитически значимым понятием становится интенциональный вектор – направленность смысловой структуры медиатекста, обусловленная целевой установкой автора и реализованная через выбор знаковых ресурсов и модальностей, а также композиции знаков и сочетании модальностей.

В отличие от обобщенного понятия интенции, интенциональный вектор позволяет рассматривать авторское намерение не как статическую категорию, а как динамическую траекторию семиозиса, которая прослеживается в организации поликодового сообщения – от тематической доминанты и визуального оформления до прагматических и жанровых маркеров. Такое понимание способствует более точному определению семиотической структуры высказывания и глубинных механизмов воздействия на адресата. В отечественной научной литературе существуют близкие понятия «точка фокуса интенциональности» (сокращенно: ТФИ) [Алимурадов, 2004] и «интенциональный сценарий» [Савельева, 2022], однако между ними существуют различия в сфере их применения. ТФИ выступает как «ключевая структура, принимающая участие в процессе формирования концепта на основе восприятия объекта или ситуации» [Алимурадов, 2004], причем данная структура подвижна и перемещается под влиянием психологических, культурных и языковых факторов, в результате чего в ее поле зрения может попадать отдельная область концепта или весь концепт. Интенциональный сценарий представляет собой «последовательность дискурсивных действий дискурсивной личности, реализующей набор интенций при доминанте одного из глобальных вариантов: когнитивно-респонсивных, оценочно-репрезентативных, легитимизирующих (политико-идеологических) и интерактивно-диалоговых» [Савельева, 2022]. Таким образом, ТФИ проявляется в контексте концептологии, интенциональный сценарий – моделирования дискурса. В свою очередь, термин интенциональный вектор предлагается нами в контексте описания поликодового семиозиса как процесса порождения и восприятия смыслов при помощи языковых и неязыковых средств виртуальной коммуникации.

Интенциональный вектор может быть:

а) линейным и недвусмысленным, если все коды направлены на реализацию одной цели (например, информировать, привлечь внимание, спровоцировать);

б) расщепленным или многоуровневым, если коды вступают в сложные отношения (например, ирония в тексте и образе), что позволяет скрыть или переоформить интенцию [Zappavigna, 2012].

В целом, понятие интенционального вектора позволяет:

- 1) диагностировать, какими кодами реализуется авторская интенция;
- 2) оценить соответствие между замыслом и восприятием (сравнение с интерпретационным вектором);
- 3) описывать случаи интенционального конфликта внутри сообщения (намеренное сокрытие, ирония, манипуляция).

Таким образом, интенциональный вектор выступает как структурно-кодковая репрезентация авторской интенции, формирующая ядро поликодового семиозиса и поддающаяся когнитивно-дискурсивному и семиотическому анализу.

Реализация авторской интенции, как было установлено ранее, требует особого взаимодействия вербального и невербального компонента поликодового текста.

Вербальные маркеры авторской интенции – это лингвистические средства, обозначающие цель высказывания и позицию автора по отношению к содержанию сообщения. В медиадискурсе, ориентированном на быстрое восприятие и эмоциональное воздействие, такие маркеры приобретают особое значение, выполняя функцию направляющего вектора интерпретации: они кодируют оценку, отношение, призыв, дистанцию, иронию, провокацию и иные виды речевого намерения [Добросклонская, 2014; Гудков, 2003]. К числу ключевых вербальных маркеров относятся:

- 1) лексические средства с ярко выраженной модальной или оценочной нагрузкой: эпитеты, экспрессивизмы, эмоционально окрашенная

лексика, контекстуальные синонимы с интенсификаторами («циничный шаг», «беспрецедентный провал», «поразительный успех»);

2) модальные глаголы и вводные конструкции, выражающие степень уверенности, достоверности, авторской дистанции или субъективного отношения («кажется», «возможно», «несомненно», «по мнению экспертов», «следует отметить»);

3) риторические приемы, такие как вопросы, повтор, инверсия, апосиопезис, гипербола, а также контраст и антитеза, – часто используемые для усиления интенционального воздействия;

4) синтаксическая организация текста, которая может включать эллипсис – короткие, отрывистые предложения (передающие категоричность), нарочитую неполноту (создающую эффект недосказанности), и даже нарушение грамматической нормы (в целях подчеркивания экспрессии или эмоции);

5) цитаты, аллюзии, интертекстуальные вставки, выступающие как намек на определенный дискурс или культурный контекст, могут быть интенционально включены для создания ассоциативного поля или выражения позиции.

6) особенно продуктивным оказывается использование лексических маркеров речевых актов, таких как призывы, утверждения, обвинения, пожелания, сомнения, просьбы, предложения, которые несут прагматическую нагрузку, формируя информативную и интерактивную модель коммуникации [Austin, 1962].

Отдельного внимания заслуживают ироничные или парадоксальные конструкции, часто используемые в медиадискурсе для кодирования скрытой или двойственной интенции. В подобных случаях интенция маскируется, а подлинный посыл сообщения может быть распознан только при условии совместного анализа лексических, синтаксических и контекстуальных признаков, также невербальных маркеров интенции.

В постах с новостной направленностью вербальные маркеры могут быть как прямыми, так и имплицитными. Прямые маркеры включают, например, открытое выражение мнения («мы убеждены, что...»), в то время как имплицитные могут быть зашифрованы в выборе слов или расстановке акцентов: *«Министерство отчиталось об успехах, но цифры вызывают вопросы»* – здесь ирония передается неформальным противоречием между официальной позицией министерства и скептической авторской установкой.

Таким образом, в рамках настоящего исследования вербальные маркеры авторской интенции понимаются как лексико-синтаксические, используемые для эксплицитного или имплицитного выражения коммуникативного намерения автора и направляющие его интерпретацию в сознании адресата.

В свою очередь, невербальные маркеры авторской интенции представляют собой визуальные и графические средства, которые дополняют или усиливают вербальное содержание сообщения, а в ряде случаев – замещают его или вступают в сложные отношения с ним. В медиадискурсе цифровой эпохи такие маркеры не являются вторичными или факультативными: напротив, они часто выполняют ведущую роль в актуализации авторского замысла, определяя модальность, тональность и рамку восприятия [Kress, van Leeuwen, 2001].

К числу основных невербальных маркеров относятся:

1) изображения – фотографии, коллажи, инфографика, скриншоты, мемы. Визуальный ряд может передавать отношение автора к событию (серьезность, ироничность, сарказм, сочувствие, протест), формируя эмоционально-прагматический фон восприятия. Например, использование комического изображения в сопровождении новостного текста может создавать эффект диссонанса и направлять интерпретацию в ироническом ключе.

2) эмодзи и пиктограммы. Эти элементы функционируют как паралингвистические маркеры оценки, эмоции, интенции. Так, эмодзи в виде

«огня» может сигнализировать важность, эффектность или одобрение, а эмодзи «рук» – поддерживающее или ободряющее намерение. Их сочетания кодируют сложные модусы воздействия и могут интерпретироваться как невербальные речевые акты [Dresner, Herring, 2010].

3) шрифтовое оформление и типографика (заглавные буквы, жирное или курсивное начертание, подчеркивание, нестандартный регистр). Капслок, например, может сигнализировать повышение эмоционального накала или агрессивную установку.

4) аудиальные элементы сообщения (музыка, звуки природы и др.). Так фоновое музыкальное сопровождение в документальных видеорепортажах позволяет автору задать нужное настроение и эмоции при просмотре.

5) цветовые акценты. Цвет часто выступает как носитель символического значения: красный может выражать тревогу, угрозу, протест; зеленый – позитив или экологическую повестку; черный – траур или сарказм в зависимости от контекста. Выбор цветовой палитры влияет на эмоциональный отклик адресата и может нести скрытое оценочное сообщение [Клеменова, Муха, 2023].

6) порядок и верстка элементов в сообщении (расположение изображения относительно текста, размер, наличие выделенных блоков) – все это создает визуальную иерархию смыслов, акцентируя внимание на ключевых аспектах авторского послания.

Особого внимания заслуживают комбинированные структуры, в которых невербальные элементы находятся в межкодовом взаимодействии с вербальными, изменяя или усиливая авторскую интенцию. Например, нейтральное по форме утверждение может быть переосмыслено через сопровождающее его изображение, создающее иронический эффект: «Министерство рапортует об успехах» + изображение смеющегося персонажа – это интенциональный сигнал о недоверии к заявлению.

Важно также учитывать случаи расщепления интенции, когда визуальный код выражает намерение, отличное от того, что имплицитно или эксплицитно задано в вербальной части. Это особенно характерно для сатирических, протестных или оппозиционных постов, где визуальный ряд может формировать скрытый месседж при официально нейтральной текстовой оболочке.

Таким образом, в рамках настоящего исследования невербальные маркеры авторской интенции трактуются как экстралингвистические средства визуальной и графической природы, формирующие прагматическую рамку интерпретации, уточняющие, усиливающие или трансформирующие вербальную интенцию автора.

В то же время, интеграция вербальных и невербальных компонентов в сетевом медиатексте позволяет автору реализовывать свою интенцию или интенции, включая комплиментарное или дискредитирующее представление информации, что существенно расширяет возможности воздействия на аудиторию и формирование общественного мнения в условиях цифровой среды.

1.6. Импликатура как средство кодирования интенции

Особое внимание при интерпретации авторской интенции в медиатексте следует уделять импликатуре – скрытому значению, которое имелось в виду, но не было выражено эксплицитно. Импликатура противопоставляется сказанному буквально: она требует от адресата включения контекста, прагматических ожиданий и фоновых знаний для реконструкции намерения говорящего. Понятие импликатуры было введено Г. П. Грайсом в рамках его концепции кооперативного принципа и представлено в работе «Logic and Conversation», опубликованной в составе сборника «Syntax and Semantics» уже в 1980-х гг [Grice, 1975]. Грайс показал, что импликатуры возникают при соблюдении или нарушении так

называемых максим общения – принципов количества, качества, релевантности и способа. Так, если говорящий намеренно предоставляет меньше информации, чем требуется, или делает многозначное утверждение, он рассчитывает, что адресат самостоятельно воспримет нужный смысл

Импликатура понимается как часть смысла высказывания, выводимая слушателем или читателем из буквального содержания, но не выраженная напрямую, т.е. это подразумеваемое (имплицитное) значение, которое преподносится автором иносказательно. При этом семантика языкового компонента определяет базовую платформу, на которой строится импликатура: именно через значение слов и фраз закладывается потенциальное поле для вывода скрытого смысла. При этом конвенциональные импликатуры связаны с лексическими значениями слов и «закодированы» в языке (их невозможно «отменить» без изменений выбора слов), тогда как конверсативные (речевые) импликатуры выводятся из контекста и принципа кооперации и могут быть отменены вследствие дополнительных обстоятельств. С прагматико-когнитивной точки зрения импликатура рассматривается как результат активного умозаключения с учетом фоновых знаний и контекста. Лингвисты подчеркивают, что для вывода конвенциональных импликатур используются общие знания о мире, тогда как разговорные импликатуры конструируются исходя из конкретной ситуативной информации и коммуникативных ожиданий [Бигунова, 2017]. Таким образом, импликатуры отражают задействование внутренних когнитивных схем и концептов в процессе коммуникации: получатель выстраивает ментальную модель ситуации и на ее основе извлекает скрытый смысл, заложенный автором текста. В этом смысле импликатура является необходимым компонентом прагматического уровня языка, без которого буквальное значение предложения не дает полного понимания намерений адресанта.

В современном медиадискурсе и особенно в интернет-коммуникации импликатура приобрела новые формы через сочетание вербальных и

невербальных кодов. Интернет-мемы, эмодзи, изображения и другие мультимодальные сообщения служат носителями дополнительных подтекстовых значений. Как отмечает Ф. Юс, смысл интернет-мема зачастую невозможно вывести из одного только текста или из изображения: он формируется на их пересечении и включает как «высказанные», так и «подразумеваемые» смысловые элементы. Изображение в меме может иметь чисто денотативную (визуальную экспликатуру) или коннотативную функцию, требующую домысливания (визуальную имплицатуру). При интерпретации мема получатель одновременно анализирует текст и изображение и строит выводы о скрытом содержании сообщения [Yus, 2025]. Более того, пользователи в Сети интуитивно прибегают к эмодзи, смайликам, GIF и стикерам, поскольку сугубо текстового сообщения зачастую оказывается недостаточно для выражения всех заложенных автором информационных и эмоциональных нюансов. Эмодзи же в основном поддерживают и усиливают значение текста аналогично тому, как интонация и жесты дополняют живую речь.

Имплицатуры играют ключевую роль в медиатексте: они позволяют авторам медиаматериалов (рекламы, новостей, блогов и т.д.) намекать, иронизировать, апеллировать к общему опыту аудитории. Через сочетание вербальных высказываний и визуальных элементов (изображений, мемов, эмодзи) создаются дополнительные смысловые эффекты, которые невозможно уловить, опираясь только на вербальный компонент сообщения. Без учета имплицатуры неизбежно теряется значительная часть авторского замысла. Исследователи подчеркивают, что буквализм семантики не исчерпывает всего смысла высказывания, поэтому анализ имплицатур как составляющей прагматики является необходимым для полного понимания коммуникативного эффекта [Бигунова, 2017]. Имплицатуры дают информацию о скрытых оценках, намерениях и отношениях автора текста к реальности, что особенно важно при интерпретации иронии, сарказма или невербальных отсылок. В совокупности имплицатура обеспечивает глубину

перлокутивного эффекта и точность интерпретации авторской интенции. В поликодовых новостных постах имплицатура нередко реализуется через взаимодействие вербального и невербального кода: например, нейтральный текст в сопровождении ироничного изображения или мемной вставки может «намекать» на оценку, не заявляя ее открыто. Таким образом, имплицатура выступает как ключевое средство кодирования непрямой интенции в медиадискурсе.

1.7. Опыт лингвистических исследований Telegram и X (Twitter) (запрещена на территории Российской Федерации)

Мессенджер Telegram, запущенный в 2013 году Павлом Дуровым, за последнее десятилетие трансформировался из простого средства обмена сообщениями в многофункциональную платформу цифрового медиадискурса, включающую каналы, боты, группы, трансляции и визуальные форматы. В отличие от других соцсетей, Telegram предлагает асинхронную модель вещания, в которой авторы каналов обладают полной автономией в структурировании и оформлении сообщений. Эта особенность обусловила активное использование платформы в политической, новостной и коммерческой коммуникации, а также в контексте альтернативных медиа. В лингвистике Telegram рассматривается как пространство формирования новых жанров, среда для передачи интенций и поле мультимодального дискурса, в котором взаимодействуют вербальные, визуальные и интерактивные коды [Клеменова, Муха, 2023; Фирсова, Кошечева, 2024; Кушнерук, 2024].

Telegram-пост – базовая структурная единица коммуникации в одноименной социальной платформе – представляет собой специфическую форму цифрового текста, обладающего как техническими, так и функционально-прагматическими жанровыми признаками. В условиях медийной дигитализации Telegram-пост формируется как поликодовое

сообщение, где вербальные, визуальные, графические и интерактивные элементы сосуществуют и взаимодействуют, направляя интерпретацию и усиливая авторскую интенцию [Клеменова, Муха, 2023; Омеляненко, Ремчукова, 2018].

С точки зрения жанроведения, Telegram-пост обладает рядом дифференцирующих признаков, позволяющих говорить о нем как об относительно устойчивом, но гибком и подвижном жанровом образовании. Во-первых, он характеризуется информативной направленностью, при этом возможна как передача фактической информации, так и выражение оценки, мнения, призыва. Во-вторых, Telegram-пост компактен по объему (в пределах интерфейсных ограничений), что приводит к повышенной плотности смыслов и к использованию средств сжатия текста – эмодзи, гиперссылок, хэштегов, визуальных обобщений.

Жанровая специфика Telegram-поста обусловлена гибридностью цифрового дискурса, совмещающего в себе черты новостного сообщения, комментария, афоризма, меметического текста и визуального нарратива. Telegram-платформа предоставляет технические средства, способствующие мультимодальности: встроенные фото и видео, реакции, цитаты, гиперссылки, опросы, шрифтовые акценты (жирный, курсив, зачеркнутый текст). Все это позволяет авторам строить многоуровневое поликодовое высказывание, не прибегая к линейной экспозиции.

Важным аспектом является интеграция визуальных компонентов в структуру поста: они могут выполнять функцию иллюстрации, репрезентации эмоций (эмодзи, гифки), создания иронического контекста (мемы), а также задавать модальность интерпретации текста – серьезную, саркастическую, пародийную и т. д. Эта модальность часто задается неявно, средствами фреймовой и интерпретативной координации, о которых шла речь ранее. В свою очередь, поликодовость на платформе Телеграм порождает поликодовые тексты как сложные семиотические единства, где вербальные и невербальные компоненты (аудио- и видеозаписи, эмодзи, GIF,

изображения и текстовое оформление) находятся в отношениях «взаимной комплементарности, что позволяет авторам более эффективно реализовывать свои коммуникативные интенции» [Фомин, Габитов, 2025].

Telegram-пост как жанр тесно связан с категорией интерактивности, понимаемой как коммуникативное свойство цифрового текста, предполагающее участие адресата в интерпретации, трансформации или тиражировании сообщения [Кушнерук, 2024; Tagg, 2015; Sundar, 2007]. Таким образом, он существует как автономная единица и как элемент цепной медиакommunikации, обладающей кумулятивным эффектом.

Жанровое своеобразие Telegram-поста проявляется и в особом авторском статусе: в рамках канала автор может быть персонифицированным, институциональным, коллективным или даже стилизованным. Это влияет на тональность, структуру и модальность высказывания, а также на модель репрезентации интенции – от открытой и прямой до имплицитной и кодированной.

Таким образом, Telegram-пост как поликодовое сообщение представляет собой гибридный, мультимодальный и прагматически нагруженный жанр цифрового медиадискурса, сочетающий в себе черты новостного, оценочного и меметического формата. В условиях высокой информационной конкуренции Telegram-пост служит эффективным средством лаконичного, визуально насыщенного и интенционально выраженного общения.

Свои отличия и особенности имеет контент платформы X, которая до 2023-го года была известна как Twitter (запрещена на территории Российской Федерации), которая представляет собой одну из наиболее влиятельных цифровых площадок для производства, распространения и комментирования новостного контента. Первоначально разработанный как сервис микроблогов, X (запрещена на территории Российской Федерации) за годы существования трансформировался в глобальный медиадискурсивный узел, объединяющий функции новостной ленты, комментариев, личной

репрезентации, сетевого активизма и брендинга [Zappavigna, 2012; Page, 2012]. Одним из ключевых параметров X (запрещена на территории Российской Федерации) является жесткое ограничение длины сообщений. Так, изначально максимальная длина сообщения составляла 140 знаков, позже 280, на данный момент это число составляет 25 000 символов в платной версии, что стимулировало развитие таких компрессированных и экспрессивных форм коммуникации как аббревиатуры, хэштеги, эмодзи, а также альтернативную организацию сообщений и визуальные дополнения к ним.

В отличие от Telegram, X (запрещена на территории Российской Федерации) ориентирован не на закрытые каналы, а на открытое вещание и взаимодействие, где каждый пользователь имеет возможность публично отвечать, репостить и вступать в диалог с любым другим участником. Это формирует высокую плотность сетевых реакций, а структура постов включает: исходный твит, цитируемые репосты, ответы (replies), реакции (лайки) и ветки дискуссий. В новостном сегменте X (запрещена на территории Российской Федерации) используется как оперативный инструмент медиаиндустрии: сообщения СМИ, государственных структур, политиков, активистов и журналистов структурируются как короткие заголовки, снабженные ссылками, мультимедиа и хэштегами для быстрой дистрибуции и тематической маркировки [Tufekci, 2013].

Поликодовость X (запрещена на территории Российской Федерации) реализуется через сочетание вербального текста с невербальными и интерфейсными элементами: эмодзи, изображениями, гифками, видеофрагментами, хэштегами и ссылками. Хэштег здесь играет функцию навигации и семантического модификатора, позволяющего кодировать оценку, иронию, политическую принадлежность или эмоциональное отношение (#fail, #breaking, #resist). Как подчеркивает М. Заппавинья, твит представляет собой мультимодальное высказывание, в котором визуальные и лексико-грамматические ресурсы сочетаются с инфраструктурными кодами

платформы (иконки, линейки реакции, цитаты и т. п.). Особенностью X (запрещена на территории Российской Федерации) является также возможность встраивания постов в другие медиасреды, что превращает твит в циркулирующий медиазнак, теряющий оригинальный контекст, но приобретающий новые смыслы через визуальное и жанровое окружение (например, при вставке твита в мем или сторис в другой соцсети) [Zappavigna, 2012].

Комментарии (replies) в X (запрещена на территории Российской Федерации) изучаются как форма сетевого диалога с чертами как письменной, так и устной коммуникации. Их отличает высокая фрагментарность, использование иронии, сарказма, политической и идеологической маркированности. В англоязычных исследованиях выделяются следующие ключевые направления анализа:

- Анализ диалогичности и полифонии [Page, 2012]: комментарии рассматриваются как форма согласования, несогласия или иронической реплики;
- Маркеры идентичности и эмоции [Zappavigna, 2012]: в ответах (replies) кодируются принадлежность к группе, позиция и эмоциональное состояние;
- Меметизация комментариев [Highfield, 2016]: сочетание реплик с изображениями, гифками, культурными аллюзиями;
- Прагматический анализ реакций [Ross, Rivers, 2018]: комментарии как речевые акты – осуждение, насмешка, поддержка, провокация;
- Речевые стратегии в политическом твиттер-дискурсе [Kreis, 2017]: использование повторов, рамок, призывов, эмоциональных апелляций.

Многие исследователи подчеркивают, что X-комментарии (запрещена на территории Российской Федерации) часто представляют собой мультимодальные и поликодовые высказывания, где визуальный компонент (гифка, фото, скриншот) может выполнять семиотически главную функцию,

а текст – лишь сопровождение [Page, 2022]. Это особенно характерно для политического дискурса, где эмоциональная окраска и оценка часто выражаются не напрямую, а через ироничные визуальные коды, которые требуют интерпретации в культурном и ситуативном контексте.

Таким образом, исследования X (запрещена на территории Российской Федерации) в лингвистике фокусируются на его мультимодальном, прагматическом и социальном измерении. Твиттер-посты и комментарии интерпретируются как единицы поликодового семиозиса, отражающие культурную динамику, политическую позицию и индивидуальные стратегии позиционирования. Эти наработки представляют ценность для нашего исследования: позволяют использовать сопоставительный подход к анализу Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) как цифровых платформ с различной логикой кодовой композиции, но общим семиотическим потенциалом.

1.8. Комментарии пользователей как когнитивная обработка поликодовых текстов

В современных условиях цифровой медиакommunikации пользовательские комментарии становятся значимым элементом поликодового дискурса, формируя дополнительный пласт смыслов, который может дополнять, интерпретировать или трансформировать исходное сообщение. Особенно наглядно это проявляется в новостных Telegram-каналах и в социальной сети X (запрещена на территории Российской Федерации), где комментарии выполняют функции оценки, интерпретации, реактивного переформулирования и вовлечения, становясь интерактивным продолжением медиатекста.

С лингвистической точки зрения комментарий представляет собой реактивный, прагматически обусловленный жанр, тесно связанный с исходным постом и образующий с ним единое поликодовое и диалогическое

целое [Колокольцева, 2024]. В этой связи необходимо отметить деятельность научной школы под руководством Н. Д. Голева в Кемеровском государственном университете. Одной из особенностей комментирования выделяется современная центростремительная и центробежная тенденции, где первая подразумевает, что «исходный текст организован субъективным фактором» [Голев, 2022], а вторая отражает «различие общественных и индивидуальных интересов и типов личностей, участвующих в обсуждении (субъективный фактор)» [Голев, 2023]. Интернет-комментарий (сокращенно: ИК) имеет свою особую жанровую специфику, которая «проявляется в способе оформления типа текста, связанного с его технической стороной, реализацией особой коммуникативной цели, языковом оформлении и содержании, выражающемся в диктумно-модусном плюрализме, причем преобладании модуса над диктумом. Важной особенностью ИК является также их парадагматические и синтагматические связи: для жанра ИК характерным является лучеобразный и волнообразный тип взаимоотношений. Таким образом, ИК является гибридным жанром виртуальной коммуникации, сочетающим, с одной стороны, характеристики традиционного жанра комментирования и, с другой стороны, характеристики других интернет-жанров» [Ким, Рольгайзер, 2024]. Отдельно сотрудниками научной школы изучался вопрос легитимизации в интернет-комментариях. Так в рамках непрофессионального политического дискурса проявляется делегитимирующая интенция, где «авторы комментариев используют инструменты вербальной агрессии, на лексическом уровне представленные инвективными и пейоративными единицами, на грамматическом уровне – императивными конструкциями и превосходной степенью прилагательных с низшей степенью оценки» [Мельник, Митякина, 2024].

Как подчеркивают исследователи, комментарии в цифровой среде представляют собой формы речевого действия, реализуемые в условиях публичности, спонтанности и мультимодальности [Crystal, 2006; Tagg, 2015]. В них активно сочетаются вербальные и невербальные элементы, что

превращает комментарий в полноценную мультимодальную единицу. К примеру, в интерфейс платформы Telegram позволяет интегрировать широкий спектр семиотических ресурсов: пользователи могут реагировать на посты текстом, изображениями, эмодзи, стикерами, мемами, опросами и даже голосовыми сообщениями. Причем именно невербальные компоненты часто берут на себя основную прагматическую нагрузку: выражение оценки, сарказма, эмоционального дистанцирования или, наоборот, эмпатийной вовлеченности. Это подтверждают исследования, рассматривающие эмотиконы и эмодзи как модальные маркеры, усиливающие иллокутивную и эмоциональную окраску высказывания [Crystal, 2006; Dresner, Herring, 2010; Yus, 2018]. Подобное сочетание кодов создает особую знаковую систему, что делает комментарии важным объектом исследования в рамках поликодового семиозиса.

В лингвистике существует несколько подходов к классификации пользовательских комментариев. Так, Ван Юэ предлагает систематизацию по коммуникативной функции (подтверждение, дополнение, несогласие, ирония и пр.), а также по стилистическим и тематическим параметрам [Ван Юэ, 2023]. Т. Н. Колокольцева, в свою очередь, предлагает многоуровневую классификацию, учитывающую структурные, семиотические и платформенные особенности: форму комментария, тип стимула, степень зависимости от исходного поста, количество кодов, жанровую направленность и др [Колокольцева, 2024]. Однако большинство существующих классификаций недостаточно учитывают интерпретативный аспект – в частности, когнитивную обработку авторской интенции в условиях поликодowości и возможного расщепления смыслов. Именно поэтому в рамках настоящего исследования предлагается рассмотрение пользовательских комментариев как когнитивной обработки авторской интенции.

В отечественной когнитивной лингвистике под когнитивной обработкой (или переработкой) понимается внутренний ментальный процесс,

направленный на осмысление, структурирование и интеграцию поступающей информации в индивидуальную картину мира субъекта на основе его предшествующего опыта, знаний, концептуальных схем и контекста восприятия. Согласно В. З. Демьянкову, когнитивная обработка – это «совокупность ментальных операций, направленных на восприятие, категоризацию, интерпретацию и хранение информации» [цит. по Кубрякова и др., 1996. С. 63–64]. В ней участвуют ментальные модели, фреймы, когнитивные сценарии и иные структуры, активизируемые в процессе осмысления. А. С. Буб в своем исследовании связывает когнитивную обработку с процессом выбора и упорядочивания языковых единиц (в частности, биномиалов), демонстрируя, что эта операция может быть как автоматизированной, так и рефлексивной, в зависимости от степени языковой компетенции [Буб, 2022]. И. А. Забросаева подчеркивает, что когнитивная обработка имеет отношение не столько к восприятию информации в чистом виде, сколько к ее преобразованию – осмыслению и включению в более широкую когнитивную систему субъекта [Забросаева, 2014]. Таким образом, в данном исследовании под когнитивной обработкой понимается активный, ментально ориентированный процесс переработки поликодового сообщения, в котором задействуются процессы концептуальной организации интерпретации, обобщения, сравнения и интеграции поступающей информации с уже существующими знаниями, схемами и контекстами. Особое значение при этом имеет конфигурация поликодового сообщения, то есть соотношение и взаимодействие различных семиотических кодов в рамках одного высказывания, а также модальность обрабатываемого текста. Кроме того, на когнитивную обработку существенно влияют экстралингвистические факторы, такие как социальный, культурный и ситуативный контексты, в которых происходит восприятие и интерпретация сообщения.

Необходимо отметить, что термин «когнитивная обработка» шире и глубже по объему, чем ряд смежных терминов. Так, термин «интерпретация»

обозначает процесс извлечения смысла из текста или сообщения в определенном контексте [Забросаева, 2014]. Интерпретация – это частный случай когнитивной обработки, связанный преимущественно с семантической переработкой информации, одна из составляющих более общего процесса когнитивной обработки, включающего такие этапы, как внимание, предварительная категоризация, сопоставление с уже известными структурами знаний и др. [Карасик, 2002]. Понятие «читательская проекция текста», также применяемое в контексте исследования интерпретации, связано с индивидуальной реконструкцией смысла читателем на основе его личного и культурного опыта [Красных, 2017]. В отличие от когнитивной обработки как системного процесса, проекция фиксирует субъективный результат взаимодействия читателя с текстом. Таким образом, читательская проекция является возможным итогом когнитивной обработки, но не синонимична ей.

Начальным этапом когнитивной обработки является перцепция. В рамках теорий восприятия, разработанных в когнитивной психологии и лингвистике [Рубинштейн, 2007; Кубрякова и др., 1996], перцепция понимается как процесс регистрации и первичной переработки визуальных, аудиальных и других сенсорных сигналов. Этот этап, однако, не предполагает глубокого осмысления или включения информации в когнитивные схемы субъекта, а только создает предпосылки для последующей интерпретации и категоризации. Под когнитивными схемами понимаются устойчивые ментальные структуры, формирующиеся на основе индивидуального опыта и знаний, которые направляют восприятие, интерпретацию и категоризацию информации в процессе ее когнитивной обработки [Пиаже, 1994; Bartlett, 1995], которые позволяют субъекту быстро соотносить поступающие стимулы с уже имеющимися когнитивными паттернами, облегчая интерпретацию [Нисбетт, Росс, 2000].

Когнитивная обработка охватывает более широкий комплекс ментальных операций, среди которых перцепция является лишь одним из

начальных компонентов. После фиксации информации на перцептивном уровне в действие вступают процессы осмысления, соотнесения с уже имеющимися знаниями, интерпретации, оценивания, обобщения и интеграции в когнитивную систему. Таким образом, перцепция может рассматриваться как необходимый, но недостаточный этап когнитивной обработки: без нее невозможна работа с поступающей информацией, однако только когнитивная обработка обеспечивает ее включение в структуру индивидуального знания и формирование отклика [Демьянков, 2001], способного материализоваться и в виде комментария в сети Интернет.

Современная когнитивная лингвистика и когнитивная психология предлагают ряд классификаций типов когнитивной обработки, каждая из которых подчеркивает различные аспекты взаимодействия индивида с поступающей информацией.

Одной из базовых является дихотомия автоматической и контролируемой обработки, согласно которой первая осуществляется бессознательно и не требует когнитивных ресурсов (например, узнавание знакомых слов), тогда как вторая требует внимания, активации рабочей памяти и осознанного контроля (например, при решении логических задач или интерпретации амбивалентного текста) [Schneider, Shiffrin, 1977; Kahneman, 2011]. Например, комментарий «» выражает мгновенную эмоциональную поддержку, тогда как развернутая критика с фактами демонстрирует контролируемую обработку.

Другая важная классификация – восходящая (bottom-up) и нисходящая (top-down) обработка: первая инициируется внешними сенсорными стимулами и идет от частного к общему, тогда как вторая опирается на существующие когнитивные схемы и ожидания, позволяя достраивать смыслы на основе неполной или неоднозначной информации [Neisser, 1967; Frith, Dolan, 1997]. В случае комментария к поликодовому тексту, подобная когнитивная обработка строится на непосредственном восприятии текста или визуального компонента (например, реакция на конкретное фото или цитату),

вторая – на основе предварительных знаний и ожиданий (например, интерпретация политического поста через призму опыта или идеологических установок).

В ряде ситуаций особенно важна способность к параллельной обработке, позволяющей одновременно воспринимать и обрабатывать вербальные и невербальные элементы, тогда как последовательная обработка активируется при линейном анализе или логической реконструкции смыслов [Posner, Snyder, 1975]. Параллельная важна для поликодовых сообщений, где одновременно декодируются вербальные и невербальные элементы (текст + мемы, стикеры), а последовательная – при поэтапном анализе или логической аргументации.

Наконец, модель уровней обработки (levels of processing), предложенная Крейком и Локхартом, различает поверхностную обработку (ориентированную на формальные признаки) и глубокую (связанную с осмыслением и семантической интерпретацией), что напрямую соотносится с глубиной отклика в пользовательских комментариях [Craik, Lockhart, 1972] - от формального признания («репост», «лайк») до содержательной интерпретации, включающей переосмысление авторской интенции.

Если обобщить, в рамках эмпирического материала, пользовательских комментариев к поликодовым новостным постам Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации). эти когнитивные типы находят конкретные проявления. Краткие эмоциональные отклики с эмодзи и стикерами, характерные для Telegram, чаще отражают автоматическую и поверхностную обработку, способствуя быстрому выражению эмоций и поддержке. В то же время, развернутые тексты с аналитикой и ссылками, нередко встречающиеся в X (запрещена на территории Российской Федерации), свидетельствуют о контролируемой и глубокой обработке. Параллельная обработка проявляется в комментариях, сочетающих вербальные и невербальные знаки (например, ироничные мемы с текстовыми

ремарками), что отражает сложность поликодового восприятия и интерпретации.

Особое внимание должно уделяться и платформенной специфике: ограничение длины сообщений в X (запрещена на территории Российской Федерации) может стимулировать лаконичные, эмоционально насыщенные реакции, в то время как Telegram, благодаря более широкому функционалу и свободе формы, способствует развитию развернутых, мультимодальных комментариев, в которых пользователи более активно сочетают различные коды и стратегии когнитивной обработки.

В контексте исследования когнитивной обработки поликодовых сообщений особое значение приобретает понимание того, как пользователи воспринимают, интерпретируют и реагируют на авторскую интенцию в комментариях к медиатекстам. В ходе такой обработки возможно несколько основных сценариев взаимодействия с авторской интенцией, которые формируют разнообразные типы комментариев. Во-первых, при успешном восприятии и точной интерпретации интенция воспринимается как понятная и разделяемая, что выражается в вербально-подтверждающих комментариях, подтверждающих позицию автора и способствующих когнитивной конвергенции [Clark, Marshall, 1981]. Такой отклик свидетельствует о согласовании новых данных с уже существующими когнитивными схемами и минимизации когнитивного усилия.

Во-вторых, возможна ситуация сомнения или переосмысления, когда когнитивная обработка вступает в фазу контролируемого, более ресурсоемкого анализа, сопровождаемого критикой или уточнением исходной интенции. Согласно теории когнитивного диссонанса [Festinger, 1957] и исследованию режимов обработки информации [Kahneman, 2011], такие комментарии возникают в ответ на расхождения между ожиданиями и восприятием, требуя рефлексивного осмысления и возможной коррекции смысла.

Третья форма – невербально-согласующиеся реакции – связана с автоматической, быстротекущей обработкой, где пользователь ограничивается минимальными эмоциональными или оценочными знаками (эмодзи, стикерами), передающими поддержку без углубленного вербального анализа. Такие реакции иллюстрируют роль невербальных средств в сокращении когнитивных затрат и усилении иллюкативной функции комментариев [Crystal, 2006; Dresner, Herring, 2010].

Четвертый сценарий характерен для поликодовых иронических комментариев, в которых вербальные и невербальные коды вступают в интерпретативный конфликт, формируя двусмысленное или насмешливое понимание авторской интенции. Ирония в таких высказываниях анализируется множеством подходов. В когнитивно-прагматической традиции выделяются эхаическая теория [Sperber, Wilson, 1986] трактующая иронию как форму дистанцирования через повторение чужой речи, и претенсивная теория [Clark, Gerrig, 1984], рассматривающая иронию как «притворное» воспроизведение чужой позиции с имплицитным несогласием говорящего. С другой стороны, когнитивно-лингвистические и психолингвистические подходы [Attardo, 2000; Gibbs, 2000, 2007] подчеркивают, что понимание иронических высказываний требует параллельной когнитивной обработки, активации двойных смыслов и допускает множественные уровни интерпретации. В совокупности эти механизмы усиливают семиотическую сложность поликодового медиадискурса и демонстрируют, как вербальные и невербальные компоненты совместно формируют многослойный смысл.

Наконец, пятый сценарий возникает при нарушениях или неполноте когнитивной обработки, что приводит к непониманию или игнорированию интенции автора. Это проявляется в т.н. оффтопике (англ. «off topic», т.е. «не по теме») нейтральных или несвязанных ответах, отражающих фрагментарность или поверхностность перцептивных и интерпретативных

процессов [Clark, 1996]. Такие комментарии свидетельствуют о низкой когнитивной вовлеченности и отсутствии адекватной интеграции сообщения.

Таким образом, для систематизации этих многообразных реакций необходима типология, учитывающая как конфигурацию кодов, так и характер коммуникативного отклика. Предлагаемая в настоящем исследовании типология опирается на два основных критерия – кодовую конфигурацию (вербальная, невербальная или поликодовая) и коммуникативный отклик на предполагаемую интенцию автора. Представляется резонным выделить четыре категории комментариев:

(1) поддерживающие комментарии, интерпретирующие интенцию автора как понятную и разделяемую;

(2) несогласяющиеся комментарии, ставящие авторскую интенцию под сомнение или перерабатывающие ее;

(3) нейтральные комментарии, демонстрирующие непонимание или игнорирование интенции, проявляющееся в оффтопике, нейтральных реакциях или несвязанном контенте.

(4) иронические комментарии, в которых вербальные и невербальные компоненты вступают в интерпретативный конфликт, отражая двусмысленное или насмешливое понимание интенции.

Дополнительно к рассмотренным выше категориям, когнитивная обработка поликодового сообщения активирует ряд специфических процессов концептуальной организации содержания, обеспечивающих интеграцию мультимодального содержания.

Один из таких процессов – двойное кодирование (dual coding), согласно которому обработка информации происходит одновременно по вербальному и визуальному каналам, что повышает запоминаемость, ускоряет интерпретацию и снижает когнитивную нагрузку [Paivio, 1986]. В тех случаях, когда различные коды несут несопоставимые или нестандартные значения, задействуется концептуальное смешивание (conceptual blending), позволяющий объединить элементы из разных когнитивных доменов в

единую смысловую структуру, создавая новые значения за счет ментального «перекрестного моделирования» [Fauconnier, Turner, 2002]. Такой процесс невозможен без активации фреймов – устойчивых когнитивных структур, определяющих, как интерпретатор соотносит получаемую информацию с типовыми ситуациями, ролями и контекстами [Fillmore, 1982]. Одновременно в ходе обработки поликодового сообщения адресат осуществляет управление вниманием, отбирая для себя релевантные элементы и исключая второстепенные. Это согласуется с принципами когнитивной релевантности Спербера и Уилсон, описанными в их работе «Relevance: Communication and Cognition» [Sperber, Wilson, 1986]. Суть их сводится к следующим положениями:

1. **Принцип максимальной релевантности** – при обработке сообщения адресат ориентируется на получение максимального когнитивного эффекта при минимальных затратах внимания и усилий. То есть выбираются именно те элементы, которые несут наибольшую смысловую нагрузку в текущем контексте.

2. **Принцип когнитивной экономии** – человек склонен отбрасывать второстепенные или избыточные элементы сообщения, концентрируясь на релевантных знаках и кодах.

В практической части исследования данные принципы использовались как критерий отбора и анализа материала: при формировании корпуса сообщений учитывались именно те вербальные и невербальные элементы, которые максимально раскрывали авторскую интенцию, а в экспериментах испытуемые фокусировались на наиболее значимых компонентах, игнорируя второстепенные, что позволяло выявлять закономерности взаимодействия кодов и оценивать их вклад в интерпретацию смысла.

Особое значение в восприятии поликодовых сообщений имеют аффективные реакции, активируемые визуальными стимулами (эмодзи, фотографии, мемы). Они могут запускать быструю эмоциональную оценку без участия рефлексивной обработки, что подтверждается исследованиями в

области нейропсихологии и психофизиологии [Lang, 2000; Phelps, 2006]. Помимо этого, понимание сложных коммуникативных актов, особенно в случаях иронии или культурно маркированных реплик, требует распознавания имплицатур – неявных смыслов, вытекающих из контекста, но не выраженных напрямую. Механизм вывода имплицатур позволяет адресату «достраивать» значения, исходя из предполагаемой интенции автора [Grice, 1975].

Подводя итог, описанные процессы концептуальной организации обработки поликодовых сообщений и их отражения в пользовательских комментариях формируют теоретико-методологическую основу для анализа, который будет проведен в Главе 2. Эти положения позволят системно операционализировать общие принципы когнитивной обработки и интерпретации медиаконтента с учетом семиотической сложности и платформенной специфики применительно к материалу исследования.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Анализ научной литературы, проведенный в первой главе, позволил выстроить целостную теоретико-методологическую основу для описания поликодового семиозиса как ключевого механизма функционирования интернет-коммуникации. Установлено, что поликодовость представляет собой не простое сосуществование различных знаков в сообщении, а их согласованное взаимодействие в рамках коммуникативного акта на онлайн-платформе. Такое сообщение опирается на использование вербальных и невербальных кодов (визуальных, аудиальных, интерфейсных), образующих многослойную знаковую структуру, нацеленную на комплексную передачу смысла и эмоционального воздействия.

Понятие поликодового семиозиса в работе уточняется как процесс когнитивно-прагматического порождения и интерпретации смыслов, в ходе которого сообщение структурируется через интеграцию разнородных кодов и считается в зависимости от контекста, модальности и платформенной среды. В отличие от более широкого понятия мультимодальности, поликодовость в данном исследовании осмысливается как внутренняя семиотическая организация сообщения, ориентированная на активацию когнитивных сценариев и прагматических установок.

Особое внимание в теоретической главе уделено авторской интенции как центральному звену поликодовой коммуникации. Показано, что интенция может быть реализована в языковом коде (через оценочную лексику, синтаксис, эксплицитные речевые акты и семантику языкового компонента) и через выбор визуального оформления, эмодзи, монтаж, шаблоны, расположение элементов. Именно совокупность этих кодов формирует целостное интенциональное пространство, направленное на определенную реакцию со стороны аудитории. Дополнительно обосновано, что авторская интенция может быть скрыта и проявляться в виде имплицатур – косвенно выраженных смыслов, требующих интерпретации. В условиях

цифровой среды импликатура может кодироваться как вербально, так и визуально, что делает поликодовую структуру особенно продуктивной для создания смысловой многослойности и иронических сдвигов.

На основе анализа работ по когнитивной лингвистике, прагматике и медиалингвистике уточнено понятие когнитивной обработки поликодowego сообщения. Подчеркнуто, что восприятие подобного текста не сводится к сенсорному считыванию стимулов, а представляет собой процесс переработки информации на основе ментальных моделей, фреймов, жанровых и культурных ожиданий, а также предшествующего опыта. Это позволяет обосновать, что пользовательский отклик (например, комментарий) является когнитивной проекцией прочитанного, в которой отражаются процессы интерпретации, модальности и соотнесения с коммуникативной ситуацией.

Кроме того, в первой главе рассмотрены платформенные условия функционирования поликодowych сообщений на примере Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации). Показано, что каждая платформа формирует свою жанровую рамку и тип поведения: если X (запрещена на территории Российской Федерации) стимулирует лаконичность, ироничность и визуальное доминирование, то Telegram поддерживает более развернутую, прагматически насыщенную подачу материала с возможностью оформления, структурирования и поликодовой интенсификации.

Таким образом, проведенный обзор демонстрирует, что поликодovость представляет собой не вспомогательное, а системообразующее свойство цифрового медиатекста. Она обуславливает способы организации информации, влияет на структуру авторской интенции и формирует когнитивные стратегии восприятия. Сформированная в результате анализа теоретическая база позволяет перейти к операционализации понятий и построению модели поликодовой коммуникации, основанной на семиозисе, в практической части исследования.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

2.1. Методика лингвокогнитивного анализа интернет-коммуникации

Ввиду сложной природы поликодового сообщения, сочетающего в себе вербальные, визуальные, аудиальные и интерактивные элементы, анализ поликодового семиозиса требует междисциплинарного методологического подхода, сочетающего инструменты лингвистики, семиотики, когнитивистики, дискурсивного анализа и медиатехнологий. Действительно, в исследовательской литературе подчеркивается, что интерпретация поликодового текста невозможна без учета взаимодействия кодов, механизмов когнитивной интеграции информации и контекста медиаплатформы, задающего условия восприятия и функционирования сообщения.

При этом выбор методологии должен соответствовать целям анализа. Поскольку в фокусе настоящего исследования находится изучение прагматико-когнитивных механизмов выражения авторской интенции в условиях цифровой поликодowości, методологическая рамка должна учитывать и описательные аспекты (типология кодов, структурные модели сообщений), и глубинные процессы семиозиса – продуцирования, координации и интерпретации смыслов в ситуации медиакommunikации. С учетом этого, в настоящей работе предлагается комплексный подход, объединяющий следующие направления:

- (1) лингвoseмиотический анализ и описание кодов как знаковых систем;
- (2) мультимодальный анализ;
- (3) когнитивно-дискурсивный анализ и критический дискурс-анализ;
- (4) метод графосемантического моделирования;
- (5) контент-анализ;
- (6) лингвистический эксперимент.

Остановимся подробнее на каждом из них.

Анализ поликодового сообщения в рамках лингвосемиотического подхода опирается на представление о тексте как мультисемиотической конструкции, в которой различные коды соотносятся с определенными знаковыми системами и функционируют по законам семиозиса.

Необходимо отметить, что в семиотических исследованиях понятие знака и кодирования трактуется по-разному. В европейской лингвистической школе, восходящей к работам Ф. де Соссюра, знак определяется как двусторонняя психическая единица, объединяющая означающее и означаемое, а язык как целостная система таких знаков – социальный код, обеспечивающий коммуникацию в пределах одной языковой общности [Соссюр, 2000]. В американской прагматической традиции, сформированной Ч. С. Пирсом, знак рассматривается как динамическая триада, включающая знак, объект и интерпретант, а сам процесс семиозиса – как бесконечная интерпретация [Пирс, 1993]. Таким образом, код в семиотике может пониматься либо как устойчивая структура знаков (Соссюр), либо как механизм смыслопорождения через интерпретацию (Пирс). Современные модели лингвосемиотического анализа объединяют обе эти традиции, позволяя описывать поликодовые тексты как организованные структуры (в духе соссюровской системы) и как процессы смыслового развертывания (в духе пирсовского семиозиса). В свою очередь, в поликодовом тексте наблюдается многоуровневое кодирование, где каждый код выполняет специфическую функцию – от денотативной до прагматической и экспрессивной.

Лингвосемиотический подход позволяет дифференцировать коды как по каналу восприятия (аудиальный, визуальный, тактильный), так и по модальности репрезентации, то есть по характеру связи между знаком и обозначаемым: иконическая связь (основанная на сходстве), индексальная (основанная на указании или причинной связи) и символическая (основанная на культурной или языковой конвенции) [Пирс, 1993]. Кроме того, коды

различаются по функциям в сообщении: вербальные элементы могут выполнять информативную, оценочную или речевую коммуникативную функцию, а невербальные (аудиовизуальные) – эмоциональную, контекстуальную или регулятивную, например, акцентируя внимание, иронию или усиливая интенцию автора. Такая функциональная дифференциация позволяет более точно анализировать вклад каждого кода в формирование смысловой структуры поликодового сообщения. Особенно важным представляется анализ внутритекстового взаимодействия кодов, то есть их синтаксической (расположение и компоновка), семантической (соотношение значений) и прагматической (ориентация на интерпретатора) координации. Например, в Telegram-посте текст может сопровождаться изображением, которое не просто иллюстрирует содержание, а дополняет или переопределяет, то есть вносит интерпретационные сдвиги, меняет модальность восприятия или даже вступает в семиотическое противоречие с вербальной частью. Это особенно характерно для сообщений с ироническим или критическим подтекстом, где изображение актуализирует альтернативный фрейм, вызывает переоценку сказанного или создает эффект расщепления интенции (например, сарказма, насмешки, оппозиционной оценки).

Следовательно, семиотическое описание кода в поликодовом сообщении традиционно включает анализ нескольких взаимосвязанных уровней:

- 1) тип знака (по модальности репрезентации): икона, индекс, символ;
- 2) медиальная реализация знака: пиктограмма, эмодзи, фотография, гиперссылка, анимация и др.;
- 3) кодовая система, в рамках которой функционирует знак: естественный язык, визуальный код, аудиоканал, интерфейсные элементы;
- 4) функциональная нагрузка: информативная, экспрессивная, модально-оценочная, прагматическая;

5) уровень интерпретации: буквальный, метафорический, иронический, интертекстуальный и т. п.

Именно такое поуровневое описание позволяет зафиксировать формальные характеристики знака и проследить, каким образом он участвует в семиозисе, реализует авторскую интенцию и влияет на рецепцию сообщения.

Применительно к цифровой среде важно учитывать, что в таких сообщениях часто доминируют паралингвистические элементы: эмодзи, нестандартная типографика (шрифт, капс, цвет), оформление (фреймы, коллажи), а также элементы интерфейса (реакции, стикеры, кнопки). Эти элементы функционируют как знаки вторичного моделирующего порядка [Лотман, 1998], и их анализ требует специальных семиотических процедур.

Таким образом, лингвосемиотический анализ поликодового сообщения включает:

- 1) описание используемых кодов и знаковых систем;
- 2) выявление их функций и связей внутри сообщения;
- 3) установление механизмов взаимодействия между кодами;
- 4) интерпретацию эффекта, производимого композицией кодов на адресата.

В целом, лингвосемиотический анализ особенно продуктивен при изучении медиадискурса, в котором важна не столько лингвистическая структура сообщения, сколько его знаковая организация, способная транслировать интенции, эмоции и установки. Тем не менее, мультимодальная природа поликодового текста требует обращение к методикам мультимодального анализа, который опирается на идеи о тексте как о композиции различных модальностей, каждая из которых вносит вклад в семиозис. Основополагающими в рамках мультимодального анализа являются работы Г. Кресс и Т. ван Левена [Kress, van Leeuwen, 2006], где предложено рассматривать визуальные и вербальные средства как равнозначные в передаче значений. В центре внимания – композиция,

иерархия модальностей, режимы взаимодействия, визуальная грамматика и навигационные механизмы восприятия. Применительно к поликодовому сообщению в рамках интернет-коммуникации, мультимодальный анализ выявляет такие аспекты, как:

- 1) визуальное доминирование или подчинение по отношению к вербальному коду;
- 2) направленность взгляда, топологию и акценты;
- 3) модальность эмодзи или стикеров, то есть тип смысловой установки, транслируемой визуальным кодом.

В то же время, для более глубокого понимания семиозиса, требуется выход за рамки описательной семиотики и привлечение когнитивных и дискурсивных подходов.

Так, лингвокогнитивный аспект анализа поликодового текста фокусируется на том, как различные знаковые средства репрезентируют и организуют знание. Поликодовость при этом рассматривается как способ мультимодальной концептуализации, то есть представления одного и того же фрагмента знания средствами разных семиотических ресурсов (кодов). Механизмами такой репрезентации служат фреймы, сценарии, концептуальные метафоры, ментальные пространства и блендинг, которые активируются при восприятии комплекса кодов [Fauconnier, 2005; Кубрякова, 2004].

Например, использование визуального символа может активировать тот же фрейм, что и вербальное высказывание, усиливая или изменяя модальность интерпретации. Лингвокогнитивный анализ позволяет выявить когнитивные операции, происходящие при совмещении кодов: сравнение, метафоризация, концептуальное смешение.

В свою очередь, когнитивная интерпретация неразрывно связана с дискурсивным контекстом, в котором сообщение функционирует. Иными словами, ментальные процессы рецепции происходят не в вакууме, а в условиях конкретной медиаплатформы, жанра и социального запроса, что

требует привлечения дискурсивного анализа, который предполагает изучение текста в его контексте продуцирования, адресации и функционирования в медиапространстве. Если когнитивный подход акцентирует внимание на операциях ментальной обработки знаков, то дискурсивный – на условиях и целях их порождения в социально-коммуникативном контексте. Telegram-пост как дискурсивная единица существует в рамках институциональных или неофициальных практик, и его поликодовость соотнесена с жанром, стратегией влияния, прагматическими задачами. Дискурсивный подход учитывает интенциональность, пресуппозиции, прагматические импликатуры, а также жанровые ожидания получателя, которые активируются структурой и форматом сообщения [Карасик, 2002; Ван Дейк, 1989]. Так, вербальное сообщение может быть нарочито нейтральным, в то время как сопровождающее его изображение или эмодзи маркирует ироническое или саркастическое прочтение. Этот прагматический сдвиг обнаруживается лишь при обращении к дискурсивному контексту и совмещенной интерпретации всех кодов.

Одновременно с этим, для выявления скрытых стратегий воздействия, оценочных интенций, модальных смещений и прагматических функций высказывания применяется критический дискурс-анализ. Согласно Н. Фэйркло, дискурс не ограничивается формой выражения, но выступает как инструмент социальной практики, встроенный в структуру власти и идеологии [Fairclough, 1995]. Критический дискурс-анализ обращается к анализу того, как язык репрезентирует социальные отношения, формирует взгляды и нормализует определенные значения. Критический дискурс-анализ особенно актуален в исследовании цифровой новостной среды, где традиционные формы журналистского высказывания все чаще заменяются краткими, насыщенными знаковыми кодами сообщениями, сопровождаемыми визуальными и интерактивными элементами. Как отмечают Кресс и ван Левен, в мультимодальном дискурсе и вербальные, и

визуальные коды обладают прагматическим и идеологическим потенциалом [Kress, van Leeuwen, 2010].

Актуальность критического дискурс-анализа в отношении социальных сетей подтверждается недавними исследованиями: так, М. А. Бутырина с соавторами показали, что цифровые медиаплатформы формируют особую дискурсивную среду, где проявляется повышенная плотность смыслов, иноязычные цитаты, визуальные метки и семиотические напряжения, обусловленные борьбой интерпретаций [Butyrina et al., 2024].

Контент-анализ, в отличие от дискурсивного подхода, ориентирован на количественные характеристики и позволяет зафиксировать количественные и качественные параметры присутствия кодов, типов интенций, видов пользовательских комментариев. Контент-анализ понимается не как механическая обработка текста, а как этап структурного анализа компонентов дискурса, позволяющий сопоставить частотные и распределительные характеристики с прагматическими эффектами сообщений [Krippendorff, 2018]. Следовательно, использование дискурсивного подхода в совокупности с контент-анализом позволяет зафиксировать формы поликодового сообщения и интерпретировать механизмы формирования авторской интенции и ее чтения в медиaprостранстве Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации).

В ходе работы применялся ручной и автоматизированный контент-анализ. Ручной анализ позволил классифицировать посты по типу интенции, коду, формату (мем, новостная карточка, инфографика и т. д.), а также определить виды пользовательских комментариев. Для выявления коммуникативной интенции авторов новостных постов мы обратились к экспертам-носителям русского языка, профессору Лидии Густовне Ким (доктор филологических наук, директор института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского Государственного Университета), и английского языка, профессору Стивену Паксу Леонарду (лингвист-

антрополог, получивший образование в Оксфорде, профессор Московского Государственного Лингвистического Университета, в 2009 году избран членом Тринити-Холла в Кембридже, в 2014 году – членом Эксетер-колледжа в Оксфорде). Автоматизированная обработка (включая морфологическую и тематическую разметку, кластеризацию) позволила зафиксировать частотность ключевых тем, распределение лексем, типичных реакций и т. д. Такой двойной подход соответствует тенденции гибридной цифровой лингвистики, о чем свидетельствуют работы Г. К. Гималетдиновой и Е. Х. Довтаевой, указывающих на повышенную достоверность результатов при одновременном применении ручного и автоматического анализа [Гималетдинова, Довтаева, 2021].

Для выявления скрытых смысловых связей между дискурсивными и семиотическими компонентами медиатекста также применяется метод графосемантического моделирования, представляющий собой способ визуального представления семантических отношений между компонентами текста или совокупности текстов.

Метод графосемантики, разработанный К. И. Белоусовым и Н. Л. Зелянской, позволяет строить семантические карты, где узлы представляют лексические или тематические единицы, а связи между ними – частотные или ассоциативные соотношения [Белоусов, Зелянская, 2005]. Такая визуализация позволяет перейти от линейного анализа текста к анализу его топологии – то есть конфигурации смыслов, их относительной иерархии и распределенности в информационном поле. Графосемантическое моделирование особенно важно для выявления фреймовых и интерпретативных стратегий, не всегда очевидных при линейном чтении текста. Так, в графах нередко визуализируются смысловые доминанты, такие как «угроза», «патриотизм», «оскорбление», возникающие в результате накопления определенных лексем и визуальных элементов.

Графосемантическая визуализация, реализованная через систему Semograph, используется как средство дополнительного анализа: она

позволяет увидеть скрытые семантические связи, визуализировать фреймы, тематические кластеры и отношения между постом и реакцией аудитории. Такой подход способствует формализации семиотической плотности и когнитивной напряженности в сообщении. Графы также помогают классифицировать случаи конгруэнтного и иронически расщепленного взаимодействия кодов, что значительно облегчает интерпретацию и подготовку материала к типологизации.

Экспериментальная часть исследования направлена на проверку выдвинутой гипотезы, согласно которой поликодовость способствует интерпретации авторской интенции. К анкетированию были привлечены по две группы русскоязычных и англоязычных респондентов соответственно (русскоязычные – 177 и 226 чел., англоязычные – 175 и 207 чел.). В каждой группе предлагались как поликодовые, так и монокодовые посты с последующим определением (образец анкеты – см. Приложение А):

- какова, по мнению респондента, цель сообщения;
- какие эмоции вызывает вербальный/невербальный компонент;
- как оценивается согласованность кодов;
- была ли интенция понятна и с какой вероятностью.

Экспериментальная часть позволяет эмпирически оценить восприятие и выявить потенциальные семиотические и когнитивные барьеры в интерпретации сообщения. Такой подход соответствует современным требованиям цифровой медиалингвистики и обеспечивает высокую степень достоверности и воспроизводимости результатов, а также позволяет выйти за пределы линейного анализа текста к пониманию медиакommunikации как сложного когнитивного и прагматического процесса.

Подводя итоги, сочетание описательных, интерпретативных и визуализирующих методов позволяет представить поликодовое сообщение не как статичную структуру, а как динамическую модель когнитивной и социальной активности. Предложенная методология обеспечивает возможность воспроизводимого анализа и открывает перспективы для

дальнейшего изучения медиатекстов в условиях цифровой мультимодальности.

В настоящей работе эмпирическое исследование основывается на специально сформированном корпусе поликодовых и монокодовых сообщений, размещенных в цифровых медиаплатформах Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации), а также комментариях к ним. Основной целью формирования корпуса стало обеспечение возможности сопоставления восприятия авторской интенции в зависимости от наличия поликодового оформления сообщения.

В качестве материала выступают 418 постов новостной тематики:

- 209 публикаций взято с русскоязычных Telegram-каналов (Readovka, Ньюсач/Двач);

- 209 публикаций – с англоязычных аккаунтов в X (запрещена на территории Российской Федерации) (Bloomberg, Reuters, CNN).

Отбор материала осуществлялся методом сплошной релевантной выборки по следующим критериям:

- тематика публикаций – преимущественно социально-политическая или экономическая новостная повестка;

- формат сообщения – наличие или отсутствие поликодовости (взаимодействие текстового и визуального компонентов);

- временной интервал публикации – 2023–2025 гг.;

- доступность пользовательских комментариев для анализа.

Корпус отобранных сообщений формировался по принципу сбалансированного включения поликодовых и монокодовых единиц, что необходимо для проверки гипотезы о влиянии поликодовости на точность декодирования авторской интенции. В частности, под поликодовыми сообщениями в данной работе понимаются посты, содержащие одновременно вербальный и невербальный компонент (текст + изображение, видео, мем, эмодзи, гиперссылка и т. п.). Монокодовые сообщения

представлены исключительно текстом, без сопровождения визуальных или аудиальных элементов.

При анализе также учитывалась платформенная специфика:

- Telegram, как платформа с менее жесткими ограничениями на длину постов и с более широкой аффордансной палитрой, позволил использовать разнообразные мультимодальные форматы (в том числе инфокарточки, мемы, стикеры, фото/видео-блоки);

- X (запрещена на территории Российской Федерации), напротив, характеризуется ограниченностью формата (280 символов), что приводит к большей стандартизации: посты чаще представлены как комбинация краткого текста, ссылки и одного изображения, что формирует иной стиль кодирования интенции.

Примечательно, что несмотря на меньшее количество подписчиков у Telegram-каналов, общее число комментариев к русскоязычным публикациям оказалось значительно выше. Всего было проанализировано 6359 пользовательских комментариев, из которых 5677 приходятся на Telegram, 682 – на англоязычные посты в X (запрещена на территории Российской Федерации).

Все комментарии были собраны вручную в полном объеме, без предварительной фильтрации, и обработаны с точки зрения типов кодовой конфигурации (вербальные, невербальные, поликодовые), отношения к интенции автора и модальности реакции. Значительная часть комментариев включает гибридные форматы: текст в сочетании с эмодзи, изображениями, мемами, GIF-анимацией и другими знаками.

Дополнительно в исследование был включен экспериментальный этап, основанный на анкетировании на русском и английском языках. Целью эксперимента являлась проверка степени влияния поликодовости на восприятие интенции и эмоциональную реакцию. Для этого были подготовлены две версии анкет: монокодовая и поликодовая. Монокодовая анкета начитывала 7 текстовых постов, представленных без

сопроводительных визуальных элементов, в исследовании приняли участие 352 респондента. Поликодовая анкета также включала 7 постов, дополненных визуальным или аудиовизуальным сопровождением (изображения, видеофрагменты, графика) анкетирование прошли 433 респондента. Результаты анкетирования анализировались как по отдельности, так и в сравнении между выборками. Более подробное описание структуры эксперимента и обсуждение результатов приведено в параграфе 3.1. Значительное влияние на проведение лингвистического эксперимента оказал метод интент-анализа, описанный Н. Д. Павловой и Т. А. Гребенщиковой [Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, 2017].

Таким образом, сформированный корпус, включающий как естественные, так и экспериментальные данные, является репрезентативным и достаточным для проведения сопоставительного анализа поликодовых и монокодовых сообщений. Он позволяет верифицировать ключевые положения, сформулированные в теоретической части, и выявить как семиотические закономерности, так и когнитивные и прагматические эффекты, возникающие при восприятии сообщений цифрового медиадискурса.

2.2. Взаимодействие кодов в сообщениях и авторские импликатуры

В процессе анализа вербальных и невербальных компонентов поликодовых сообщений были использованы различные электронные и печатные словари. При работе с лексическими единицами русского языка применялись толковые словари – Т. Ф. Ефремовой, М. А. Кронгауза, В. И. Даля, С. И. Ожегова – а также справочники («Русский семантический словарь», «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты»), что обеспечило глубокий разбор семантических и словообразовательных особенностей. «Словарь компьютерного сленга» Махановой и «Толковый словарь русского языка интернета» Кронгауза применялись для корректной интерпретации

единиц с учетом специфики русскоязычной интернет-лексики. При анализе англоязычных лексических единиц использовались словари Cambridge English Dictionary, Collins English Dictionary и «The Free Dictionary». Краудсорсинговый ресурс Urban Dictionary дополнил корпус «живых» неформальных выражений и сленг-реализаций.

Поликодовое сообщение, будучи структурно неоднородным, представляет собой результат взаимодействия различных знаковых систем, прежде всего вербального и невербального кодов (визуального, графического, эмодзи и др.). Важно учитывать, что характер взаимодействия этих кодов может варьироваться: от полной согласованности до явного противоречия между ними. На этом основании в настоящем исследовании предложена типология комбинации вербальных и невербальных кодов, т.е. поликодовой конфигурации, опирающаяся на степень когерентности между кодами и особенности восприятия авторской интенции.

Рис. 1. Конгруэнтное взаимодействие кодов в сообщениях

Первый тип – когерентное (конгруэнтное) взаимодействие кодов – подразумевает взаимное дополнение языкового (вербального) и неязыкового (невербального) компонентов, создающее единое и недвусмысленное семантическое пространство. Иллюстрацией данного типа служит пример (см. рис. 1), в котором невербальный код (изображение застрявшего грузового автомобиля) визуальнo конкретизирует и подкрепляет семантику текстового сообщения поста («паровозик, который не смог», как отсылка к фразе из комедийного фильма «Майор Пейн»), не вступая с ним в семиотическое противоречие. Восприятие интенции в данном случае является прямолинейным и однозначным, что повышает эффективность коммуникации.

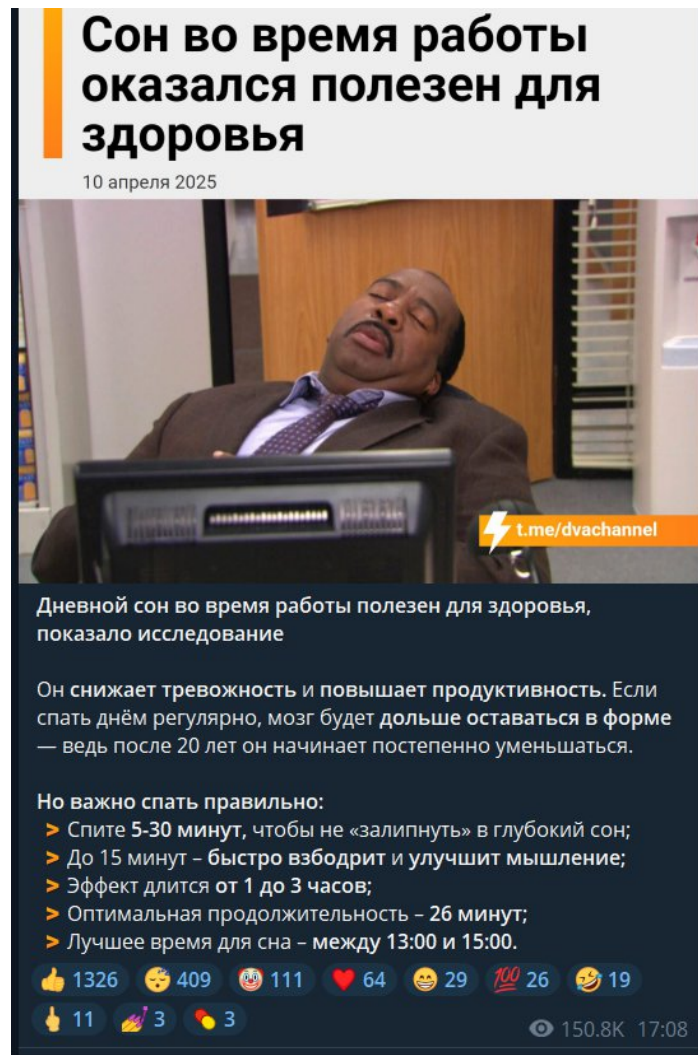

Рис. 2. Редундантное взаимодействие кодов в сообщениях

Второй тип – редундантное взаимодействие кодов – характеризуется дублированием одного и того же информационного посыла при помощи различных кодов. В данном случае невербальный и вербальный компоненты не столько дополняют друг друга, сколько повторяют одни и те же семантические элементы, повышая избыточность сообщения. Подобный подход способствует снижению коммуникативных рисков, связанных с неоднозначной интерпретацией. Так, в примере на рис. 2 текст поста и сопровождающее изображение транслируют идентичный смысл («сон во время работы полезен для здоровья») как в вербальном компоненте, так в невербальном (креолизованный текст), тем самым повышая достоверность и

устойчивость восприятия данного месседжа целевой аудиторией (см. рис. 2)

Согласно экспертной оценке, *«автор информирует о пользе дневного сна, приводит убедительные аргументы. Высказывает определенные рекомендации о правильной организации такого сна. И, следовательно, автор выражает намерение подчеркнуть, что сон на рабочем месте не является предосудительным. Напротив, рекомендует организовать такой сон».*

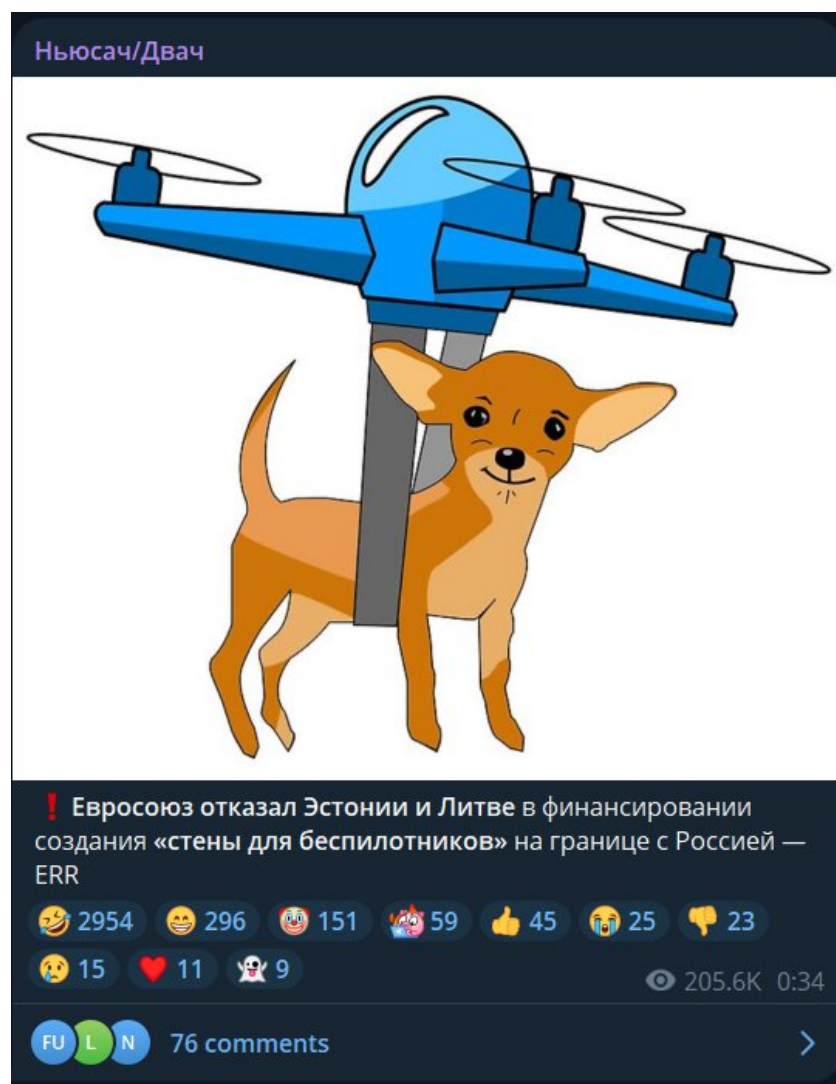

Рис. 3. Расщепленное взаимодействие кодов в сообщениях

Третий тип – расщепленное взаимодействие кодов – предполагает наличие смыслового расхождения между вербальным и невербальным компонентами сообщения. В таком случае каждый код формирует собственную

интерпретацию, создавая множественность возможных значений и провоцируя реципиента на переосмысление прочитанного. Подобное расщепление может носить как нейтральный, так и иронический характер. В примере, представленном на рис. 3, текст поста сохраняет нейтральный, фактуальный тон (констатация политических переговоров), в то время как визуальный код (изображение чихуахуа – уничижительный мемный символ стран Прибалтики) раскрывает авторскую импликацию, что задает иронический вектор восприятия. Согласно оценке эксперта, *«в тексте содержится информация о решении Евросоюза отказать финансирование Литвы и Эстонии для создания ими системы обороны от российских беспилотников. Рисунок вызывает удивление, т.к. не соотносится с содержанием информации. Дисгармония между рисунком и текстом. Текст лучше воспринимать без обращения к рисунку. То ли Россия – это маленькая домашняя собачка, которая летит в беспилотнике, то ли, наоборот, страны Балтии – это собачки, которые охраняют себя с помощью беспилотников»*. Тем самым, автор использует невербальный компонент (картинка домашней собачки чихуахуа) как маркер оценочности, который трансформирует смысл сообщения, демонстрируя скрытую авторскую иронию и нарушая иллюзию однозначности (см. рис. 3).

Рис. 4. Фреймовая координация кодов в сообщениях

Фреймовая координация предполагает, что один код задает рамки восприятия (фрейм), в которых интерпретируется другой код. Анализ примеров выявил, что существует тенденция, при которой вербальный код создает контекст или ситуацию, а визуальный элемент сообщения конкретизирует или развивает заданный фрейм. В иллюстрирующем примере (см. рис. 4) поста Bloomberg невербальный код – фотография улыбающегося Илона Маска, поднявшего руку – задает саркастический подтекст к высказыванию. Речь идет о росте доходов богатейших людей планеты на фоне экономической политики Дональда Трампа. Маск, будучи одним из ключевых сторонников Трампа, служит визуальным маркером, который имплицитно сигнализирует читателю о выгодоприобретателях этой политики. Согласно оценке эксперта-носителя языка, «*Bloomberg supports*

any policies that result in wealth creation and it strongly believes that protectionist measures are ultimately bad for American business. Thus, the post wishes to say that tariffs don't work and I told you so! It is typical of Bloomberg to talk about billionaire's wealth. There is seldom any comment in their articles about how economic policies affect the Average Joe» («редакция Bloomberg поддерживает любую политику, способствующую обогащению, и они твердо убеждены, что протекционистские меры в конечном счете вредят американскому бизнесу. Таким образом, автор поста хочет сказать, что пошлины не работают, как и предполагалось! Для Bloomberg типично говорить о богатстве миллиардеров. В их статьях редко можно встретить комментарии о том, как экономическая политика влияет на обычных людей»). Следовательно, автор подчеркивает важность того, как приостановка пошлин положительно повлияла на благосостояние богатейших людей мира, к которым и относится Илон Маск. Таким образом, данная импликатура является индикатором авторской позиции и формирует у аудитории ожидаемое смысловое прочтение сообщения.

Рис. 5. Интерпретативное взаимодействие в сообщениях

Интерпретативное взаимодействие характеризуется тем, что коды сообщения предоставляют широкое пространство для свободной интерпретации без однозначных указаний со стороны автора. В примере, взятом с Телеграм-канала «Ньюсач/Двач» (см. рис. 5), нейтральное изображение растения в сочетании с неоднозначным текстом («Орешник зацветет в Московском регионе уже на следующей неделе...») стимулирует аудиторию к самостоятельному осмыслению смысла поста. Семантика слова «орешник» в данном контексте полностью совпадает с первым

определением, предложенным в словарной статье: «орешник 1. орешник I м. Кустарниковое растение, приносящее орехи. II м. Сорт антрацита и каменного угля; орех II 2. Орешник м. 1. Календарный – с точки зрения друидов – период зоны влияния одной из священных звезд, определенного божества и данного дерева. 2. перен. Тот, кто рожден в такой временной период (22 – 31 марта и 24 сентября – 3 октября)» [Ефремова, 2009]. Согласно оценке эксперта, *«пост информативен. Текст содержит важную и полезную информацию об орешнике, времени его цветения и рекомендациям жителей регионов о необходимости подготовиться к сезону цветущих кустарников. Рисунок является хорошей иллюстрацией к первым фразам информационного текста»*. Однако в данном посте пользователями в комментариях считывается иной смысл. Поскольку описываемый новостной Телеграм-канал активно апеллирует к популярным мемам из российского медиапространства, полагаем, что при помощи визуального и вербального компонентов данного сообщения автор создал импликатуру, подразумевающую известное российское ракетное вооружение с таким же названием. Такой пример поликодового семиозиса способствует расширению коммуникативного пространства, однако одновременно увеличивает риск неверного понимания авторской интенции либо ее полного игнорирования со стороны реципиентов.

На основании проведенного эмпирического анализа исследуемых интернет-платформ выявлено, что наиболее точному восприятию авторской интенции способствуют конгруэнтное (примерно 62 % корректных интерпретаций) и редундантное (около 61 %) взаимодействие, тогда как расщепленное взаимодействие несколько чаще приводит к искажению восприятия интенции (отсюда примерно 58 % корректных интерпретаций). При этом интерпретативное взаимодействие, редко встречающееся среди прочих типов комбинаций, также способствовало высокой точности интерпретации авторской интенции пользователями (примерно 70 %).

Особым образом в анализируемом материале проявлялась категория модальности. При том, что русско- и англоязычные новостные посты направлены в первую очередь на передачу фактической информации об обсуждаемых событиях, авторами порой допускается, тем не менее, доля субъективизма. Показателями для выявления модальности служат ее сугубо языковые (лексико-грамматические) маркеры в вербальном компоненте и неязыковые в невербальном (изображения, аудио, видео GIF и др.), данные маркеры оценочности также выражают имплицатуры, способствующие передаче интенции автора. Рассмотрим примеры, в которых выражается как объективная, так и субъективная модальность, учитывая при этом, что объективная модальность (реальная и ирреальная) наличествует в каждом высказывании, в то время как субъективная (эпистемическая, деонтическая, динамическая, эвиденциальная, аксиологическая) ее осложняет, обратим внимание на корреляцию различных комбинаций кодов и типов модальности. В тексте данной работы представлены наиболее интересные случаи анализа примеров на русском и английском языках, полный список примеров представлен в Приложении Б (см. Приложение Б).

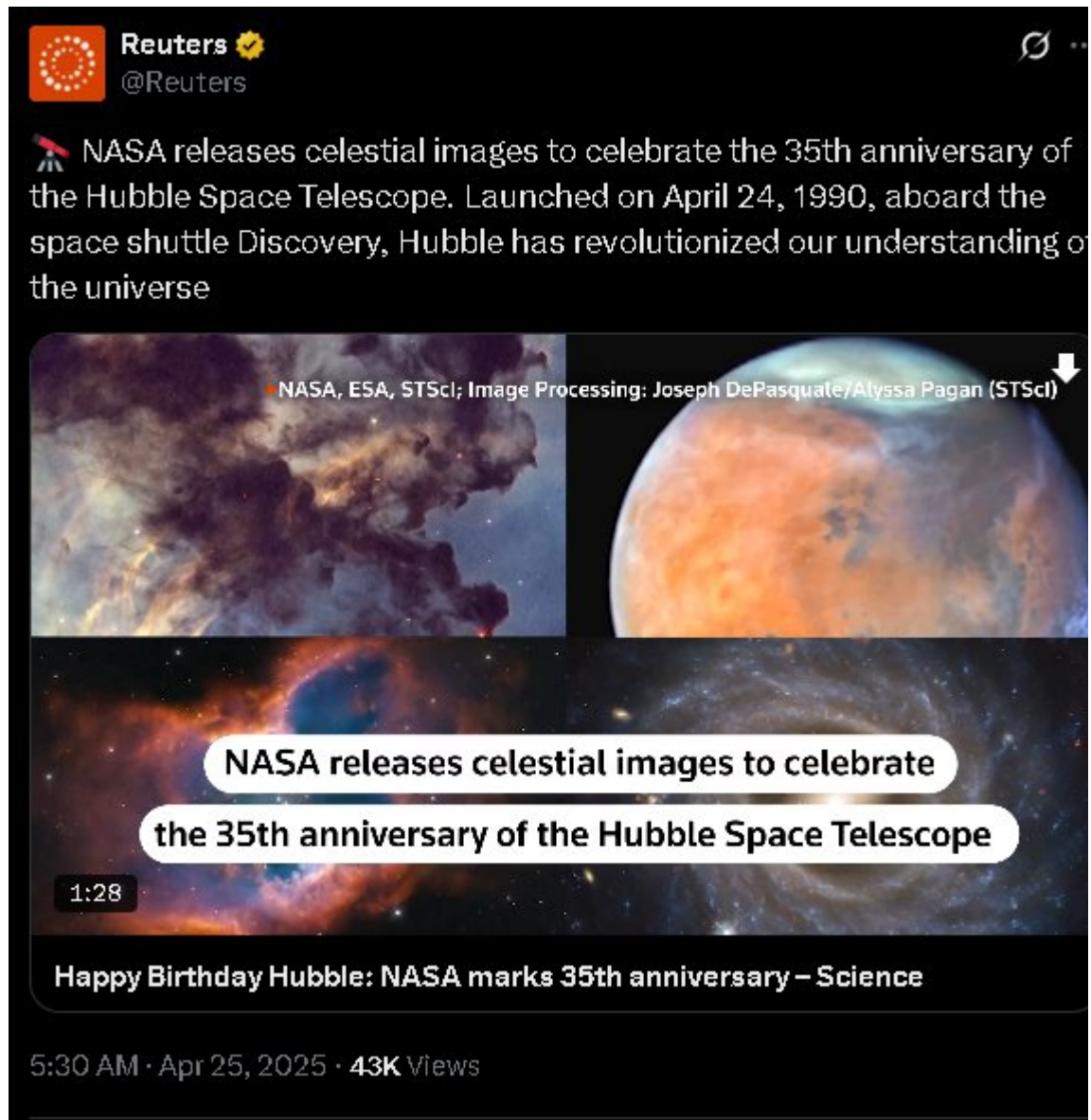

Рис. 6. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Пост на рис. 6 взят из канала Reuters на платформе X (запрещена на территории Российской Федерации). Вербальный компонент поста в виде текста конгруэнтно дополнен невербальным компонентом, состоящим из эмодзи «телескоп» и видеоролика под постом (см. рис. 6). Оценивая текст, носитель языка написал следующее: «*An entirely neutral post in typical Reuters fashion. The Hubble Space Telescope increases our understanding of the universe. Well, yes, it is difficult to disagree with that*» («абсолютно нейтральный пост в типичной манере для Reuters. Космический телескоп «Хаббл» расширяет

наши представления о Вселенной. Что ж, с этим трудно не согласиться»). Таким образом, в данном примере автор не выражает какой-либо скрытой информации кроме той, которая подается эксплицитно: НАСА публикует фотографии космоса в честь 35 годовщины запуска телескопа «Хаббл». Отдельно можно выделить лексическую единицу «*revolutionized*», придающую событию большую значимость и маркирующую положительное отношение автора к сообщаемому, семантика данной единицы в контексте полностью соответствует одному из основных словарных (произвести революцию в чем-то): «*revolutionize verb rev·o·lu·tion·ize ,re-və-'lū-shə-,nīz revolutionized; evolutionizing. transitive verb 1: to overthrow the established government of; 2: to imbue with revolutionary doctrines; 3: to change fundamentally or completely. revolutionize an industry. intransitive verb: to engage in revolution*» [Webster's Online Dictionary, 2025]. Объективная (реальная) модальность выражается грамматически через изъявительное наклонение глаголов (Indicative Mood: *releases, has revolutionized*).

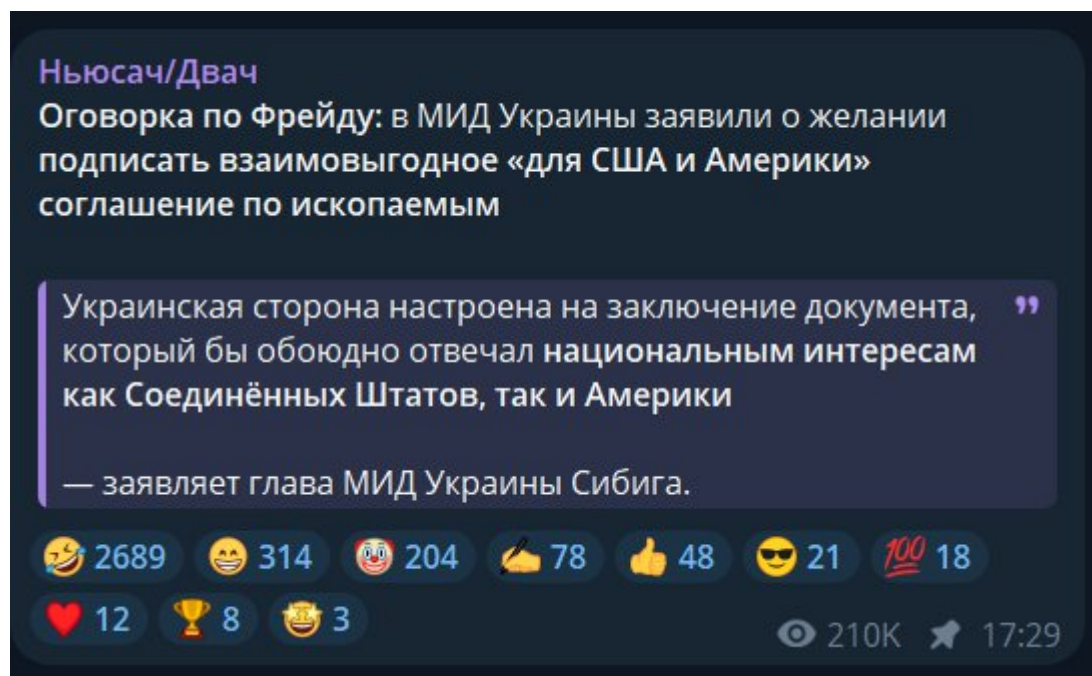

Рис. 7. Монокодовый пост из Telegram

В примере на рис. 7 приводится монокодовый пост (эксперт) с канала Ньюсач/Двач (см. рис. 7). Экспертная оценка данного сообщения такова: *«автор создал свой пост с целью выразить иронию по поводу слов МИДа Украины. Приводит фрагмент высказывания главы МИД Сибиги с целью показать его глупым человеком и политиком»*. Таким образом, авторская интенция заключается в том, чтобы представить новость в ироническом ключе, отсылая к известному интернет-мему («оговорка по Фрейду») из-за оговорки цитируемого в новости политика («взаимовыгодное «для США и Америки» соглашение»). Семантика языкового компонента сообщения в данном случае порождает комический эффект. Субъективная (эвиденциальная) модальность поста маркируется ссылкой на источник информации («заявляет глава МИД Украины Сибига»).

Рис. 8. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 8 представлен пример монокодового поста из Bloomberg, в котором модальность выражается при помощи лексических средств. Редакция новостного ресурса прямо указывает на то, что в данном

сообщении высказывается мнение конкретного автора (@cathythorbecke; via @opinion), что позволяет отойти от привычных нейтральных формулировок и использовать более яркие лексические маркеры, например, субъективная модальность проявляется уже в первом предложении «*DeepSeek exposes an uncomfortable truth...*» (см. рис. 8). Словосочетание «*uncomfortable truth*» уже само по себе узуально обозначает «неприятную правду», где англоязычные словарные издания трактуют прилагательное совершенно однозначно (неудобный, вызывающий дискомфорт): «uncomfortable adjective un·com·fort·able ,ən-ˈkəm(p)(f)-tər-bəl, -ˈkəm(p)(f)-tə-bəl, -ˈkəm(p)-fər-tə-bəl, -ˈkəm-fər-bəl, -ˈkəm-fə-bəl. 1: causing discomfort or annoyance. an uncomfortable chair; an uncomfortable performance. 2: feeling discomfort: uneasy. was uncomfortable with them» [Webster's Online Dictionary, 2025]. Помимо этого, автор прибегает и к прямой критике политики США, используя такие выражения, как: «*US exceptionalism and xenophobia...*». Эти лексические средства также соотносятся в данном контексте со своими основными словарными значениями, как в случае с *exceptionalism* (исключительность, идея об оправданном превосходстве человека, страны или политической системы): «exceptionalism noun [U] uk /ɪk'sep.ʃən.əl.ɪ.zəm/ us /ɪk'sep.ʃən.əl.ɪ.zəm/ the idea that a person, country or political system can be allowed to be different from, and perhaps better than, others: American exceptionalism the popular belief in American exceptionalism» [Cambridge English Dictionary, 2024], так и в случае с *xenophobia* (ксенофобия, страх ненависть и недоверие к чему-либо чуждому): «xe·no·pho·bi·a (zē'nə-fō'bēə, zēn'ə-) n. Fear, hatred, or mistrust of that which is foreign, especially strangers or people from different countries or cultures» [American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition, 2011]. Другой любопытный случай из этого же примера представлен словосочетанием «*tech brologarchy*», где *brologarchy* расшифровывается экспертом-носителем языка как «*an explicit criticism of the cosy (or what previously appeared to be as cosy!) relationship between Trump and Musk. The criticism is that the US is being run by a few*

billionaires who are chummy with one another, and that this weakens their democracy» (открытая критика близких (или казавшихся таковыми ранее!) отношений между Трампом и Маском. Критика состоит в том, что Соединенные Штаты управляются группой миллиардеров, которые хорошо ладят друг с другом, что ослабляет их демократию). В словарях данная единица представлена в наименьшей степени, например, в Collins Dictionary статус его производного «*brologarch*» еще не утвержден даже в качестве неологизма: «*Brologarch. New Word Suggestion. A politically influential younger male tycoon, particularly one involved in technology. Seemingly derived from tech bro*» [Collins English Dictionary, 2025]. Другие трактовки «*brologarchy*» являются более общими и не вполне соотносятся с контекстуальным значением: «*Brologarchy. A small cadre of Bros who snatch control of any scenario. I tried to play beer-pong at that party last night, but that table was such a fuckin' brologarchy. by TCCdablumen May 22, 2011*» [Urban Dictionary, 2025]. В англоязычных СМИ к представителям «*brologarchy*» относят богатейших представителей американского IT-бизнеса, таких, как Илон Маск, Марк Цукерберг, Джефф Безос, Сундар Пичаи и др. Ближайшим аналогом из русскоязычных СМИ можно считать особенно популярный в 1990-ых годах термин «семибанкирщина» (образованный по аналогии и отсылающий к «семибоярщине»), который обозначает группу, включавшую крупнейших представителей финансового бизнеса России. Так семантика языкового компонента однозначно передает субъективную (аксиологическую) модальность автора сообщения, оценочность подразумевает импликатуру, что позволяет выразить его интенцию осудить сложившиеся за последние годы тенденции современного американского бизнеса.

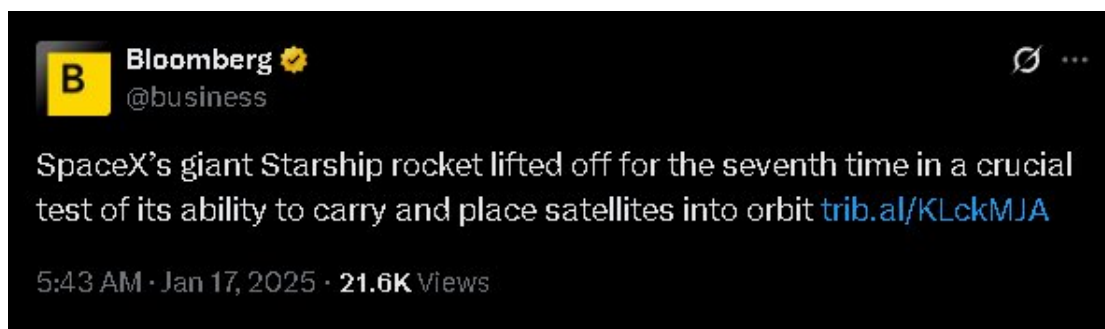

Рис. 9. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

В примере монокодового поста на рис. 9 автор использует формулировку «*giant Starship rocket*», которая подчеркивает монструозность космического корабля, т.е. значение слова *giant* в контексте совпадает с таковым из словаря (гигантский, чрезвычайно большой): «*giant adjective uk /'dʒaɪ.ənt/ us /'dʒaɪ.ənt/ extremely large: a giant earth-moving machine; to take giant steps*» [Cambridge English Dictionary, 2024]. Другое примечательное словосочетание «*crucial test*» выражает важность происходящего, где лексема «*crucial*» соответствует своему словарному значению (решающий, важный, значимый): «*crucial adjective cru·cial 'krü-shəl 1 a: important, significant. ...what use we make of them will be the crucial question. – Stanley Kubrick. Vitamins are crucial for maintaining good health. b: important or essential as resolving a crisis : decisive. She played a crucial role in the negotiations. c: marked by final determination of a doubtful issue. the crucial game of a series. 2 archaic: cruciform*» [Webster's Online Dictionary, 2025]. По мнению эксперта-носителя языка, перед нами «*an entirely neutral post. We are just being told what happened in terms of facts*» (совершенно нейтральный пост. Нам просто рассказывают, что фактически произошло). Таким образом, автором опубликован пост с интенцией информирования о происходящем и объективной (реальной) модальностью, выражаемой через изъявительное наклонение (Indicative Mood: *lifted off*) (см. рис. 9).

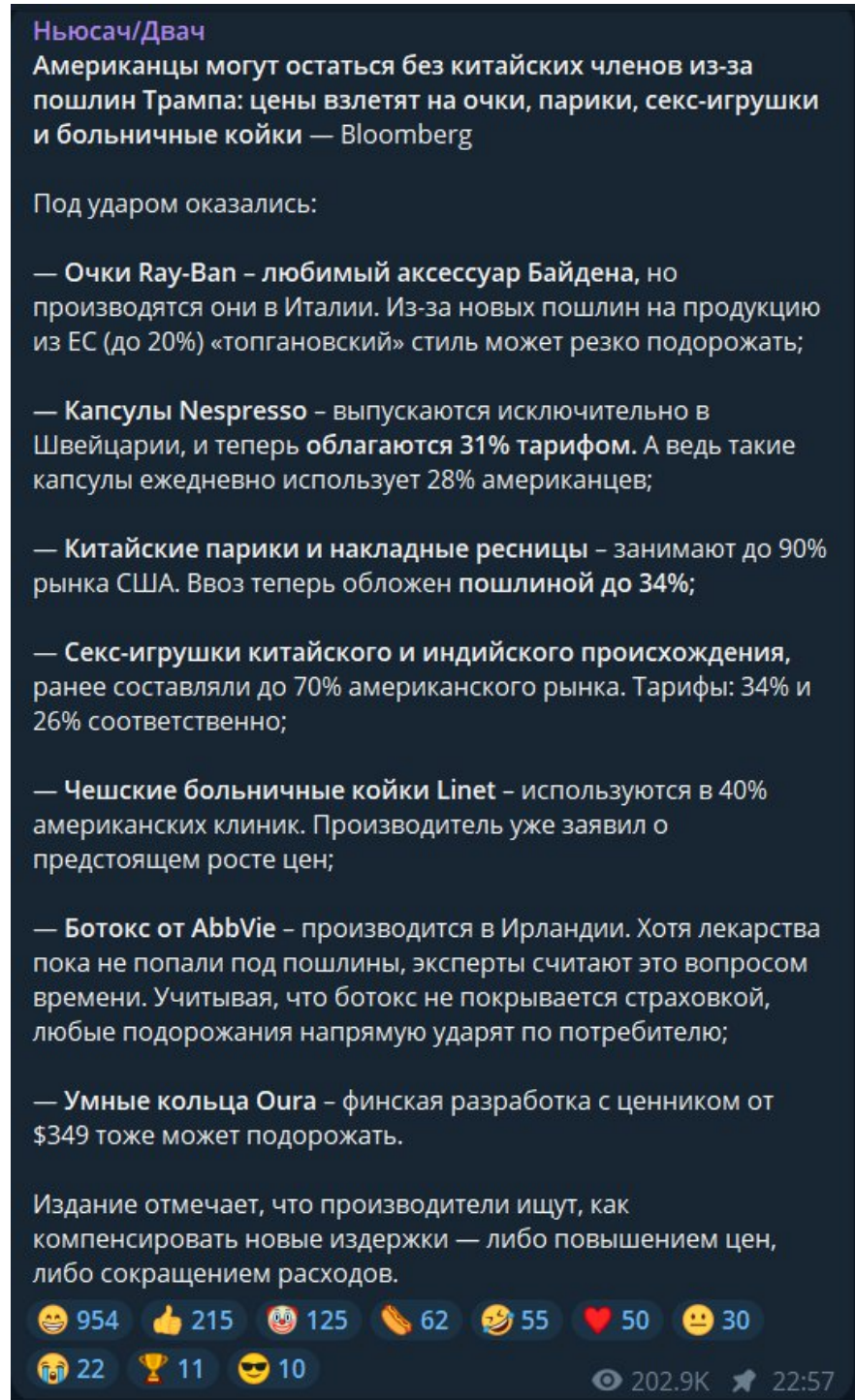

Рис. 10. Монокодовый пост из Telegram

В примере на рис. 10 представлен монокодовый пост о последствиях торговых пошлин, введенных новой американской администрацией (см. рис. 10), при этом текст данного сообщения свидетельствует о намерении автора высмеять обсуждаемую новость. Согласно экспертной оценке, «автор передает информацию о том, что повышение пошлин на товары

иностранного производства (очки, секс-игрушки и т.д.). При этом явно автор выражает иронию относительно описываемой ситуации, т.к. указанные товары явно не являются предметами первой необходимости, а скорее, из серии товары для отдыха, косметики, развлечения».

Вступительная фраза новости задает издевательски-ироничный тон всему сообщению («американцы могут остаться без китайских *членов* из-за пошлин трампа...»), что свидетельствует об иронической интенции автора поста. Лексическая единица «членов», вызывающая иронический эффект в контексте соответствует одному из словарных значений, что подтверждается формулировкой из второй части вступительного предложения («...цены взлетят на очки, парики, *секс-игрушки* и больничные койки – Bloomberg»):

«член I м. 1. Отдельный элемент единого целого, одна из многих частей, в совокупности своей составляющих целое. 2. Каждое лицо из числа входящих в состав какой-либо группы, объединения. 3. Отдельный орган тела человека или животного (обычно о конечности). II м. 1. Служебное слово, придающее тому слову, к которому оно относится, определенный или неопределенный смысл, а иногда обладающее и иными грамматическими функциями (в лингвистике). 2. Отдельное знаменательное слово в составе предложения. III м. Отдельная математическая величина из числа составляющих пропорцию или уравнение (в математике). [Ефремова, 2009]. Субъективная (эвиденциальная) модальность выражается при помощи ссылок на источник информации («Bloomberg», «Издание отмечает, ...»).

Рис. 11. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Экспертная оценка поста на рис. 11 не выявила «...*any editorial view being expressed here. It is just reporting a statement made from the Polish Ministry of Finance*» (...какой-либо редакторской позиции. В посте просто говорится о заявлении, которое сделали в польском министерстве финансов). Вместе с тем вербальный код и невербальный коды формируют единое смысловое наполнение посредством конгруэнтного взаимодействия, при котором неязыковой компонент сообщения дополняет языковой (см. рис. 11). Примечательным элементом выступают кавычки как графическое средство цитирования прямой речи чиновников «*small downside*». Модальность выражается на уровне грамматических структур, в частности, использование

изъявительного наклонения глагола «*to see*» в сочетании «*Minister sees*» маркирует случай проявления объективной (реальной) модальности.

Рис. 12. Поликодовый пост из Telegram

В примере на рис. 12 представлен поликодовый пост с вербальным (текст с новостью о магнитных бурях) и невербальным (фотография солнца) компонентами, конгруэнтно взаимодействующими между друг с другом (см. рис. 12). По мнению эксперта, «*текст содержит информацию, особенно полезную для метеозависимых людей. Рисунок, скорее, для привлечения внимания к тексту*». Таким образом, автор ставит целью в первую очередь информирование пользователей о солнечных вспышках, тем не менее, в предложении «*сильные головные боли, тошнота, нервозность и слабость — такой первоапрельский сюрприз готовит природа*» автор задает

экспрессивную интенцию за счет противопоставления «приятного» («сюрприз») и «неприятного» («сильные головные боли, тошнота, нервозность и слабость»). Кроме того, «первоапрельский сюрприз» также выступает лексическим маркером субъективной (аксиологической) модальности, свидетельствующем об оценочности, значение слова «сюрприз» в контексте соответствует словарному: «СЮРПРИЗ франц. нечаянная, внезапная радость, неожиданный подарок, нещечко» [Толковый словарь русского языка Даля, 2025].

Рис. 13. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 13 представлен пример поликодового поста с конгруэнтным взаимодействием между вербальным (текст) и невербальным (изображение) компонентами. Словосочетание «*Liberation Day*» (подразумевается объявленный Трампом «день освобождения» торговой политики США и ввода пошлин), взятое в кавычки, выражает негативное отношение автора к

сообщаемому, т.е. к актуальной экономической политике администрации президента Трампа (см. рис. 13). Оценка эксперта: «*Bloomberg chose to report this because they are of course critical of Trump's tariffs. It is grind to the mill, but the journalist is not putting any spin on what is being reported*» (Bloomberg решились на эту публикацию, потому что они, конечно же, критикуют пошлины Трампа. Это избитая тема, но журналист не приукрашивает того, о чем сообщает). Таким образом, исходя из семантики языкового и неязыкового компонентов сообщения, авторская интенция заключается в дискредитации экономической политики Трампа. Объективная (реальная) модальность в посте представлена изъявительным наклонением (Indicative Mood: *sued*).

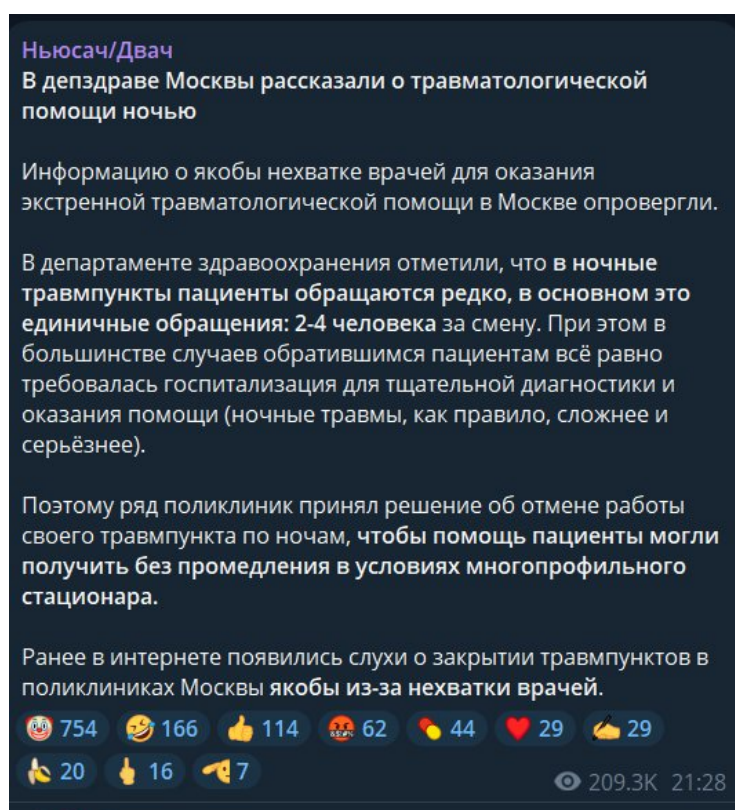

Рис. 14. Монокодовый пост из Telegram

В примере на рис. 14 приводится монокодовый пост от депздрави Москвы. Согласно экспертной оценке, «*текст информативен, при этом автор написал текст для опровержения сообщений о недостаточном количестве*

травмпунктов в Москве». Информативная часть поста дополнена частицами «якобы» при комментировании информации о «нехватке врачей» и утверждениями об ее опровержении, т.е. автор выражает сомнение в подобном мнении и поддерживает решения депздрава. Субъективная (эвиденциальная) модальность сообщения выражается ссылками на источник информации («В депздраве Москвы рассказали...», «В департаменте здравоохранения отметили, что...», «Ранее в интернете появились слухи о...») и лексическими маркерами неуверенности «якобы» в тексте, значение этой единицы в контексте совпадает со значением в словаре (эпистемическая модальность): «ЯКОБЫ 1. союз. Употр. в знач. союза «что» 3 (в 1 знач.) для выражения неуверенности, недостоверности или ложности сообщения (устар. и книжн.). Уверяет, я. ничего не видел. Говорили, я. приказ отменяется. 2. частица. Употр. для выражения сомнительности, мнимости. Прочитал эту я. интересную книгу. Приходил я. затем, чтобы повидаться» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. Таким образом, автор сообщения опровергает информацию о «нехватке врачей».

Рис. 15. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Пост на рис. 15 – это поликодовое сообщение, в котором невербальный код служит конгруэнтным дополнением вербальному (текстовому) коду (см. рис. 15). Англоязычный эксперт описывает пост следующим образом: «*A factual statement saying that a company has gone bankrupt*» (Фактическое заявление о том, что компания обанкротилась), следовательно, скрытой интенции помимо информирования аудитории о новости не выявлено. Тем не менее, стоит отметить словосочетания, описывающие ключевые особенности заведения и возможные причины банкротства: «*skimpy server uniforms*» и «*struggles to lure customers*». В случае с первым под «*skimpy*» в контексте понимаем прилагательное, обозначающее одежду, которая плохо прикрывает тело, данное значение соответствует словарному: «*skimpy adjective uk*

/ˈskɪm.pi/ us /ˈskɪm.pi/ disapproving. not large enough: a skimpy meal; Skimpy clothing shows a lot of your body: a skimpy dress» [Cambridge English Dictionary, 2024]. В случае со вторым «*lure*» в контексте также совпадает с трактовкой из словарной статьи и обозначает привлечение внимания: «*lure* verb lured; luring. transitive verb. 1 : to recall or exercise (a hawk) by means of a lure; 2 : to draw with a hint of pleasure or gain : attract actively and strongly» [Webster's Online Dictionary, 2025]. Следовательно, в данном примере объективная модальность выражается при помощи изъявительного наклонения (Indicative Mood: *has filed, struggles to lure*), пост раскрывает ситуацию вокруг франшизы *Hooters of America*, которые, несмотря на попытки привлечь клиентов особенной униформой сотрудниц, испытывают трудности и подают на банкротство, что подчеркивается семантикой языкового компонента.

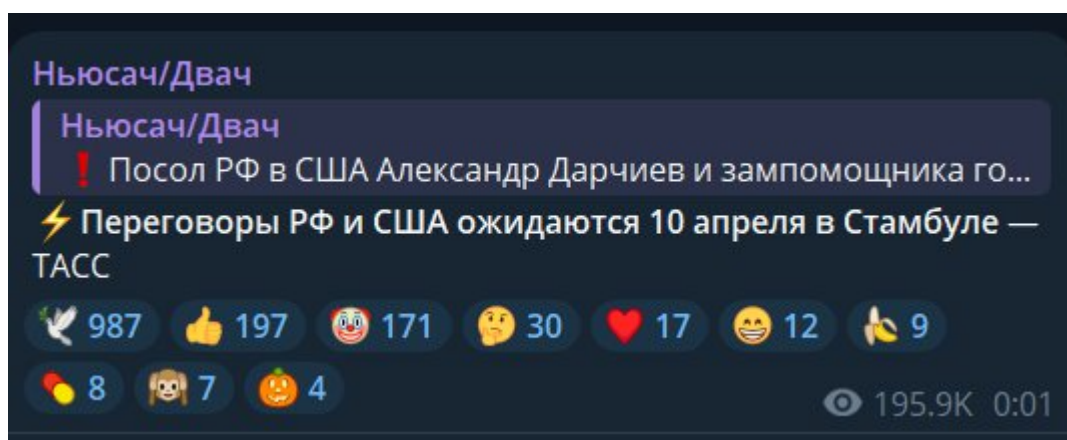

Рис. 16. Монокодовый пост из Telegram

В примере на рис. 16 приводится поликодовый пост, выраженный вербальным компонентом (текст с новостью о переговорах) и невербальным компонентом (эмодзи «молния», подчеркивающий срочность новости), которые находятся в конгруэнтном взаимодействии (см. рис. 16). Согласно оценке эксперта, «*текст содержит информацию политического характера*», следовательно, авторская интенция ограничивается

информированием пользователя об актуальной политической обстановке. Субъективная (эвиденциальная) модальность выражена ссылкой на источник («ТАСС»).

Рис. 17. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 17 представлен монокодовый пост о деловых сделках между компаниями в сфере «зеленой» (renewable) энергетики. По мнению эксперта-носителя языка, данное сообщение представляет собой *«factual statement regarding a takeover bid»* (фактическое утверждение о поглощении одной компанией другой), т.е. автор сообщения в первую очередь констатирует фактическую сторону новости (см. рис. 17) без попыток представить ее в положительной или отрицательной коннотации. При этом в словосочетании *«outstanding shares»* автор вовсе не пытается подчеркнуть размер пакета покупаемых акций, так как *outstanding* в этом контексте не обозначает нечто «прекрасное» или «заметное», а соответствует своему деловому словарному значению (находящийся в обращении на рынке): «out·stand·ing (out·stān'dīng, out'stān'-) adj. 1. Excellent or exceptionally good: an outstanding essay that received an A+. 2. Noticeable or conspicuous: «Thiamine deficiency alone generally produces peripheral neuritis and numbness as its most outstanding features» (Vernon H. Mark). 3. Still in existence; not settled or resolved: outstanding debts; a long outstanding problem. 4. Publicly issued and sold: outstanding shares of stock» [American Heritage® Dictionary of the English

Language, Fifth Edition, 2011]. Таким образом, в данном посте выражается объективная модальность: автор информирует о произошедшем при помощи глаголов в изъявительном наклонении (Indicative Mood: *offered to buy*).

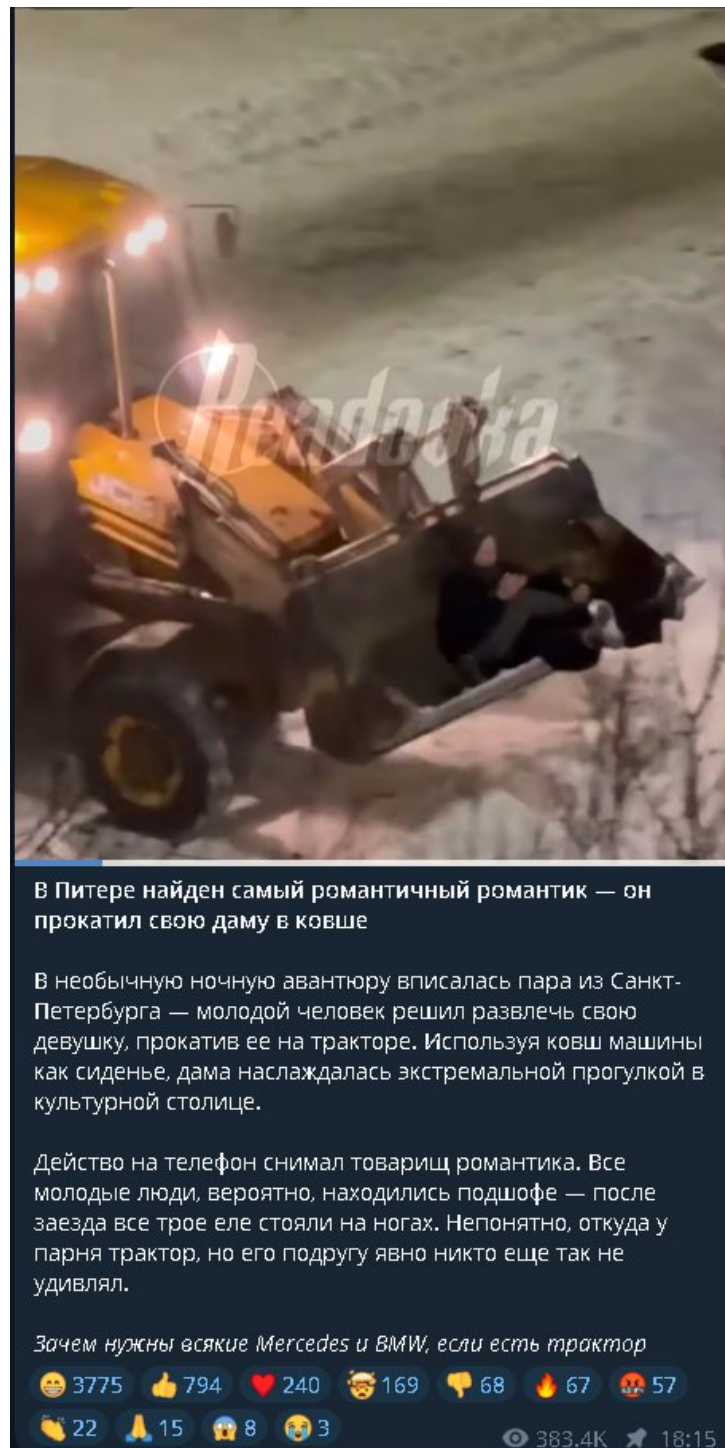

Рис. 18. Поликодовый пост из Telegram

В примере на рис. 18 представлен поликодовый пост из канала Readovka, в котором вербальный компонент (текст о «трактористе-романтике» из Санкт-

Петербурга) дополнен невербальным (видеозапись поездки в ковше с мобильного телефона, включает аудиальный и визуальный элементы), элементы сообщения находятся в конгруэнтном взаимодействии (см. рис. 18). По мнению эксперта, *«текст содержит информацию модусного характера. Автор выражает то ли насмешливое, то ли доброе шутовское отношение к описываемой ситуации»*. В тексте присутствуют маркеры субъективной модальности: «самый романтичный романтик» (аксиологическая модальность), «явно никто еще так не удивлял» (эпистемическая модальность) и вопросительная конструкция «зачем нужны всякие Mercedes и BMW, если есть трактор», выделенная в тексте поста курсивом. Значение слова «романтичный» в данном контексте совпадает со словарным: «РОМАНТИЧНЫЙ -ая, -ое; -чен, -чна. Проникнутый романтизмом (в 3 знач.), мечтательно-созерцательный. Романтичное настроение. || сущ. романтичность, -и, ж.» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025], как и для слова «романтик»: «романтик I м. 1. Приверженец романтизма романтизм I 2. Представитель романтизма романтизм I II м. Тот, кто склонен к мечтательности, к идеализации людей и жизни» [Ефремова, 2009]. Наречие «явно» раскрывает авторскую позицию, значение слова в контексте также соответствует своему словарному значению: «явно нареч. обстоят. качества 1. Не скрывая, не тайно; открыто. 2. Так, что совершенно очевидно, ясно для всех» [Ефремова, 2009]. Семантика языкового компонента свидетельствует об оценочной (комплиментарной) интенции автора, так как пост выражает положительное отношение редакции к содержанию новости.

Рис. 19. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Следующий пример представлен на рис. 19, вербальный компонент сообщения с текстом спортивной новости редундантно дополнен невербальным, выраженным в виде креолизованного текста, который копирует содержание текстовой части, однако опускает эмотивную лексику,

компенсируя ее неязыковыми средствами (ликующие люди на картинке) (см. рис. 19). Экспертная оценка состоит в том, что пост представляет собой «*a factual statement with the non-political comment that the game was thoroughly exciting. It was a nail-biter!*» (фактическое утверждение с неполитическим комментарием о том, что игра была очень напряженной. Было невероятно захватывающе!), т.е. семантика языкового компонента подразумевает одобрение обсуждаемого события автором и его подачу как волнующего и «захватывающего» мероприятия. Это подтверждается невербальным (изображение ликующих людей) и лексическим маркером субъективной (аксиологической) модальности «*heart-stopping contest*», в котором под *heart-stopping* понимаем что-то очень увлекательное и впечатляющее, что соответствует словарному значению: «heart-stopping adjective heart-stop·ping 'härt-,stä-piŋ : extremely shocking or exciting. a heart-stopping adventure. heart-stopping views» [Webster's Online Dictionary, 2025].

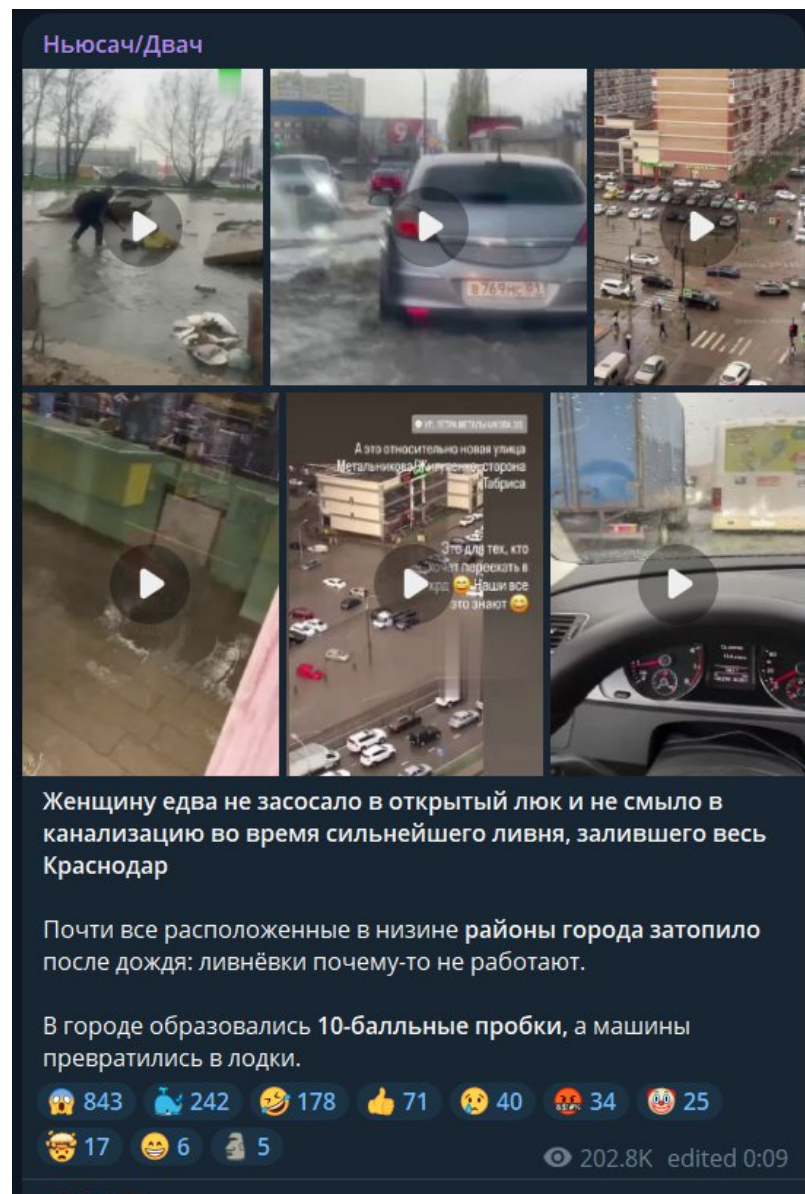

Рис. 20. Поликодовый пост из Telegram

На рис. 20 представлен пример поликодового поста, где конгрунтно сочетаются вербальный (текстовая новость о непогоде в Краснодаре) и невербальный компоненты (видеозаписи, подтверждающие информацию в тексте). Согласно оценке эксперта, в посте излагается «*информация о затоплении города после наводнения. При этом автор выражает озабоченность, хочет, чтобы читатель испытал чувство тревоги, сочувствия жителям затопленных территорий. Рисунки иллюстрируют содержание, с их помощью автор стремится достичь соответствующего перлокутивного эффекта*». В тексте присутствуют маркеры субъективной

модальности: «женщину едва не засосало», «залившего весь Краснодар», «почти все расположенные в низине районы города затопило», «ливневки почему-то не работают» (см. рис. 20). Частица «едва» выражает оценочность (аксиологическая модальность), так как подразумевается вероятное нежелательное происшествие (женщину могло «засосать в открытый люк» и «смыть в канализацию»), значение слова в контексте совпадает со словарным: «ЕДВА 1. нареч. Насилу, с трудом. Е. дошел. 2. нареч. Чуть, только немного. Е. жив. Е. дышит. Е. освещенная комната. 3. нареч. Только что. Ему е. исполнилось десять лет. 4. союз. Лишь только, как только. Е. вошел, начал говорить. * Едва (было) не, частица - выражает неосуществленность того, что было близко и нежелательно. Едва (было) не опоздали на поезд. Едва ли, частица - то же, что вряд ли. Едва ли он придет скоро. Едва ли не, частица - очень вероятно, чуть ли не. Эта книга едва ли не самая интересная. Едва лишь, союз - то же, что едва (в 4 знач.). Едва только, союз - то же, что едва (в 4 знач.)» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. Слово «весь» в контексте подразумевает субъективную авторскую оценку последствий ливня и его уверенность в представленных выводах (эпистемическая модальность), значение единицы в контексте соответствует словарному значению: «ВЕСЬ всего, м.; ж. вся, всей; ср. все, всего; мн. все, всех, мест. определит. 1. Полный, без изъятия, целиком. Всю ночь читал. Со всей энергией. Я все сказал. У меня все (я кончил говорить). Патриарх всея Руси (всея - старая форма род. п. ед. ч.). [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. Наречие «почти» также обозначает степень уверенности автора в предоставляемой информации (эпистемическая модальность), его контекстуальное значение совпадает со словарным: «почти нареч. обстоят. количества 1. Так, что немного недостает до чего-либо. || Без малого, около (при словах, обозначающих количество или меру). 2. перен. Чуть ли не, едва ли не» [Ефремова, 2009]. Наконец, высказывание «ливневки почему-то не работают» риторически выражает экспрессивную интенцию автора, который возмущается сложившейся обстановкой.

Рис. 21. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Рисунок 21 представляет собой пример монокодового поста, посвященного обсуждению высказываний известных политиков и бизнесменов. В данном сообщении выражается негодование представителей компании Heinz после действий Джастина Трюдо при помощи формулировки «*slams*», которая обозначает «критиковать», что соответствует словарной дефиниции: «slam verb uk /slæm/ us /slæm/ -mm- B2 [I or T] to (cause to) move against a hard surface with force and usually a loud noise: The wind made the door/window slam (shut). Close the door carefully, don't slam it. He slammed the brakes on (= used them quickly and with force) when a child ran in front of his car. I had to stop suddenly, and the car behind me slammed into the back of me. [T] informal to criticize: Although the reviewers slammed the play, the audience loved it» [Cambridge English Dictionary, 2024]. При этом, согласно мнению эксперта «*the word 'slams' is typical of this kind of journalistic usage. This is a stylistic device, but it does not imply that it supports or does not support Heinz*» (слово «slams» типично для такого рода журналистских публикаций. Это стилистический прием, но он не подразумевает, что автор поддерживает или не поддерживает компанию Heinz), таким образом, при выражаемой через

изъявительное наклонение (Indicative Mood: *slams, floated*) объективной (реальной) модальности в интенцию автора входит привлечение большего внимания к новости без явного выражения поддержки одной из сторон публичного конфликта (см. рис. 21).

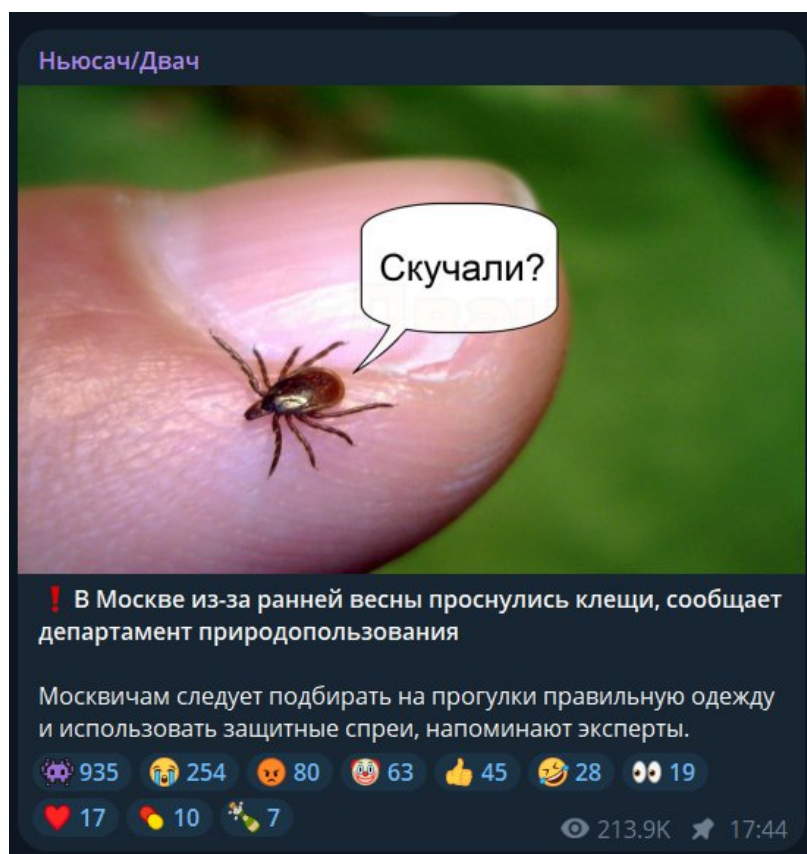

Рис. 22. Поликодовый пост из Telegram

В примере на рис. 22 представлен поликодовый пост с вербальным компонентом (нейтральный текст с новостью о пробуждении клещей), который дополнен невербальным компонентом (мем в виде креолизованного текста, выражающий иронию относительно обсуждаемого события), элементы находятся во фреймовой координации, так как невербальный компонент задает ироническое прочтение нейтрального текста новости, следовательно, в сообщении наличествует ироническая авторская интенция. Согласно экспертной оценке, «*текст информативен – о появлении клещей. Также автор стремится предупредить читателей об опасности и*

рекомендовать средства защиты от клещей». Данный анализ подтверждается семантикой языкового компонента: в тексте поста присутствуют лексические маркеры субъективной модальности: «сообщает департамент природопользования» (эвиденциальная модальность), «следует подбирать... и использовать» (деонтическая модальность), «правильную одежду» (аксиологическая модальность). Глагол «следует» обозначает долженствование, его контекстуальное значение совпадает со словарным: «СЛЕДОВАТЬ -дую, -дуешь; несов. 5. безл., с неопр. Нужно, должно. Не следует так поступать. Следует распространять передовой опыт. Сообщить кому следует. 6. безл., с кого-чего. Причитаться к уплате (офиц.). Сколько с меня следует?* Как следует (разг.) - 1) так, как нужно, как полагается. Работай как следует; 2) то же, что хорошенько. Проучить бы его как следует. || сов. последовать, -дую, -дуешь (к 1, 3 и 4 знач.). || сущ. следование, -я; ср. (к 1, 2 и 3 знач.)» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. Прилагательное «правильный» подразумевает конкретный вид одежды, предоставляющий большую защиту от клещей, который является верным в этой ситуации. Значение слова в контексте соответствует словарному: «правильный I правильный прил. 1. Не отступающий от правил правило I 1., норм, установленного порядка. || Подходящий под правило, не содержащий отклонений от правила. 2. Соответствующий установленным правилам. 3. Верный, истинный. 4. Настоящий, такой, как нужен. || Приводящий к нужным результатам; верный. || Справедливый. 5. Происходящий через определенные промежутки времени; регулярный. || Равномерный, ритмичный. 6. Удовлетворяющий правилам пропорции и симметрии» [Ефремова, 2009].

Рис. 23. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 23 представлен пример монокодового поста, который, по мнению эксперта-носителя языка, «*is written in typical journalistic language: 'dizzying', 'waver', 'making a last stand'. This is the language of a sort of faux drama, but does not imply any prejudice*» (написан типичным журналистским языком: «головокружительный», «колеблющийся», «делающий последнюю попытку» (см. рис. 23). Это язык своего рода фальшивой драмы, но он не подразумевает каких-либо предубеждений). Таким образом, интенция автора заключается в том, чтобы вызвать большой ажиотаж вокруг описываемых событий, в тексте также присутствуют маркеры субъективной (аксиологической) модальности «*dizzying*», «*even starting to waver*», «*making a last stand*». В случае с *dizzying* (стремительный, головокружительный) прилагательное применяется в своем словарном значении: «*dizzying* ('dɪziɪŋ) adj causing dizziness, esp because of being excessive» [Collins English Dictionary, 2014], глагол *waver* дополняется частицей *even* (даже начинает колебаться), что усиливает значение слова: «*waver* 1 of 3 verb wə·ver 'wā-vər wavered;

wavering 'wāv-riŋ, 'wā-və-riŋ intransitive verb 1: to vacillate irresolutely between choices : fluctuate in opinion, allegiance, or direction; 2 a: to weave or sway unsteadily to and fro : reel, totter; b: quiver, flicker. wavering flames. c: to hesitate as if about to give way : falter; 3: to give an unsteady sound : quaver» [Webster's Online Dictionary, 2025], наконец, фраза *making a last stand* помимо «занимать последнее место» также означает «дать последний бой», что воспринимается особенно драматично в контексте данного поста: «make a last stand. 1. A final defensive military effort against overwhelming odds, typically done in order to defend a particular location against invading forces. Their platoon made a last stand in an ultimately futile attempt to prevent the base from falling into enemy hands. 2. By extension, any final effort to defend something or oppose someone in order to succeed or maintain one's position. The senators seem to be making a last stand in the face of huge losses in the upcoming election, trying to push through as many policy changes as possible to satisfy their constituents while they still can. Behind three games to zero and facing another championship defeat, the team made an incredible last stand, somehow managing to win four games in a row and secure the title» [Farlex Dictionary of Idioms, 2015].

Рис. 24. Поликодовый пост из Telegram

В примере на рис. 24 приводится поликодовый пост, в котором вербальный компонент (текст с новостью о суде над президентом Южной Кореи) дополняется невербальным (совместная фотография президентов Южной Кореи и Украины), в данном случае элементы находятся во фреймовой координации, так как невербальный компонент задает всей новости иронический подтекст (Юн Сок Еля, радушно пожимавшего руку Зеленскому, отстранили от должности и теперь его пост может занять кандидат с позицией невмешательства в конфликт на Украине), что свидетельствует об иронической интенции автора сообщения (см. рис. 24).

Согласно мнению эксперта, *«текст информативен. Содержит сообщение о снятии с должности президента Южной Кореи. Рисунок подчеркивает негативное отношение автора к персонажам передаваемой информации: добрые отношения с токсичным президентом Зеленским могут стоить должности президента его союзнику»*. В тексте присутствуют маркеры субъективной модальности: «В частности, судьи пришли к выводу, что...» (эвиденциальная модальность), «может рассчитывать» (деонтическая модальность), «всего 0,2% голосов» (аксиологическая модальность). Маркер «всего» выступает в контекстуальном значении «только, лишь», которое соответствует словарному: «всего I нареч. обстоят. количества В общей сложности; итого. II предик. разг. Пожелание благополучия при прощании (соответствующее по значению сл.: всего хорошего! всего наилучшего! до свидания!) как действие; всего доброго I III част. разг. Употребляется при указании на ограничение в количестве, соответствуя по значению сл.: не больше чем, только, лишь. IV межд. Пожелание благополучия при прощании, соответствующее по значению сл.: всего хорошего! всего наилучшего! до свидания!; всего доброго II» [Ефремова, 2009].

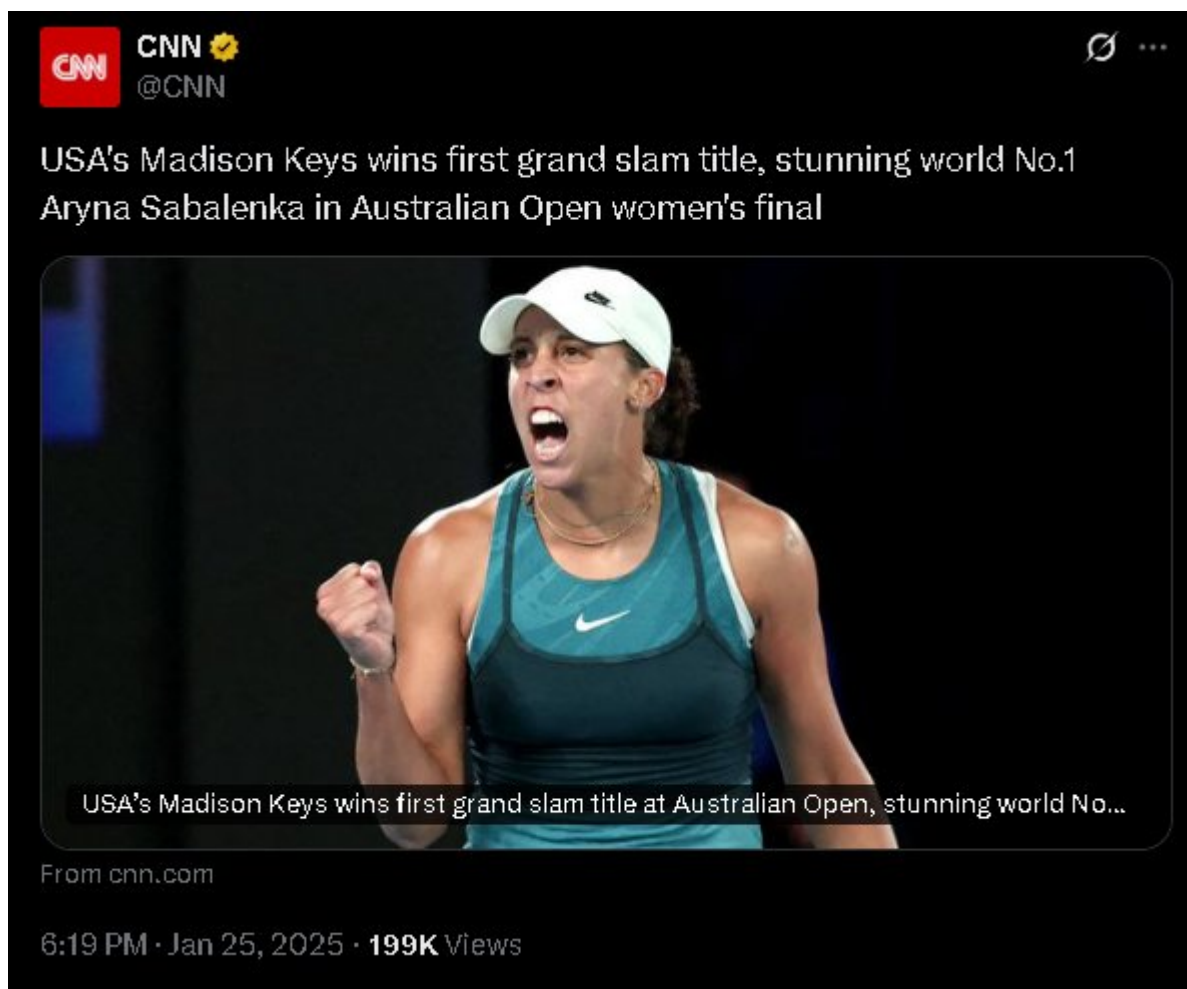

Рис. 25. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 25 представлен поликодовый пост, где вербальный текстовый компонент конгруэнтно дополняется невербальным в виде изображения торжествующей спортсменки. Согласно экспертной оценке, данный пример представляет собой «*a purely factual post*» (совершенно фактологический пост), следовательно, интенция автора является в первую очередь информативной (см. рис. 25). Объективная (реальная) модальность сообщения выражается при помощи изъявительного наклонения глагола (Indicative Mood: *wins*).

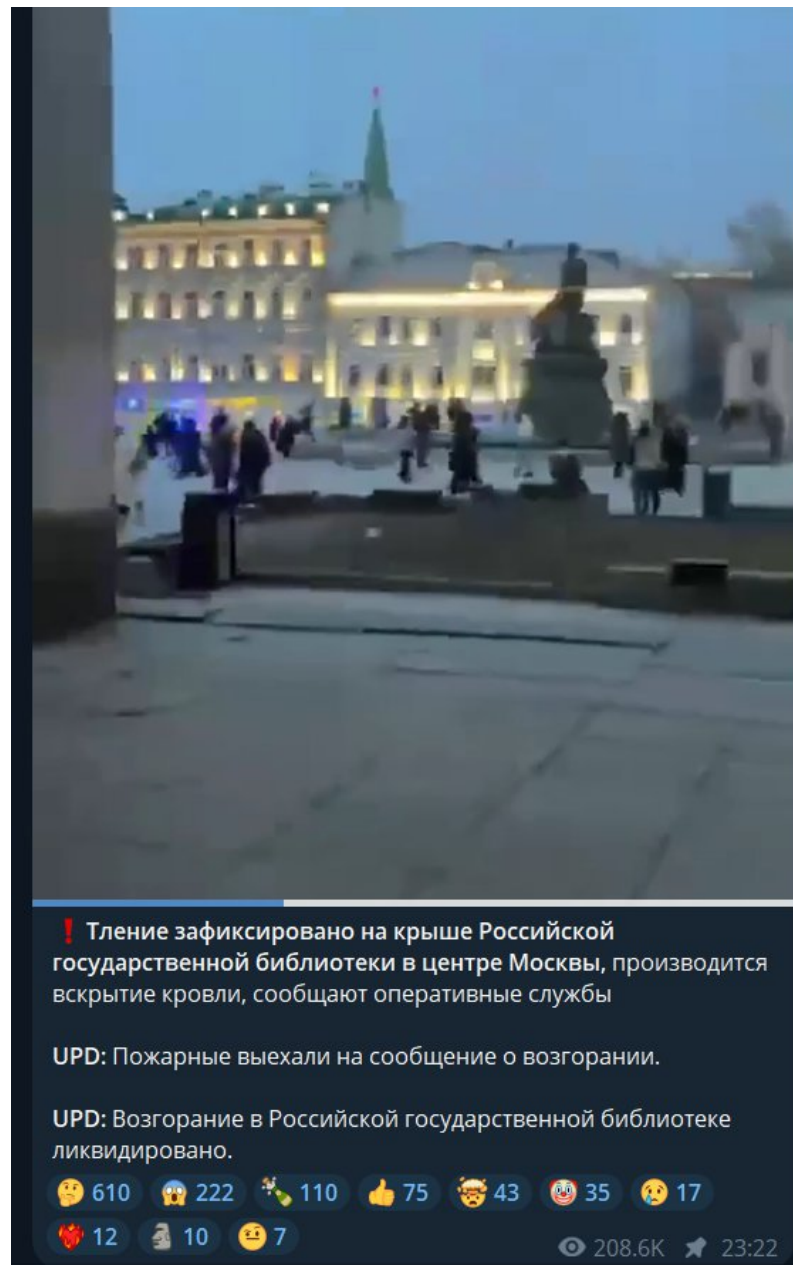

Рис. 26. Поликодовый пост из Telegram

На рис. 26 представлен пример поликодового сообщения, в котором конгруэнтно сочетаются вербальный (текст новости) и невербальный (видеозапись с места событий, включающая визуальный и аудиальный элементы) компоненты. По мнению эксперта, «сообщение информативно. Модус нейтральный. Однако рисунок нагнетает чувство опасности», т.е. интенция автора заключается в информировании пользователя о случившемся без оценки ситуации, что подтверждает семантика языкового

компонента. В тексте поста присутствует маркер субъективной (эвиденциальной) модальности «сообщают оперативные службы».

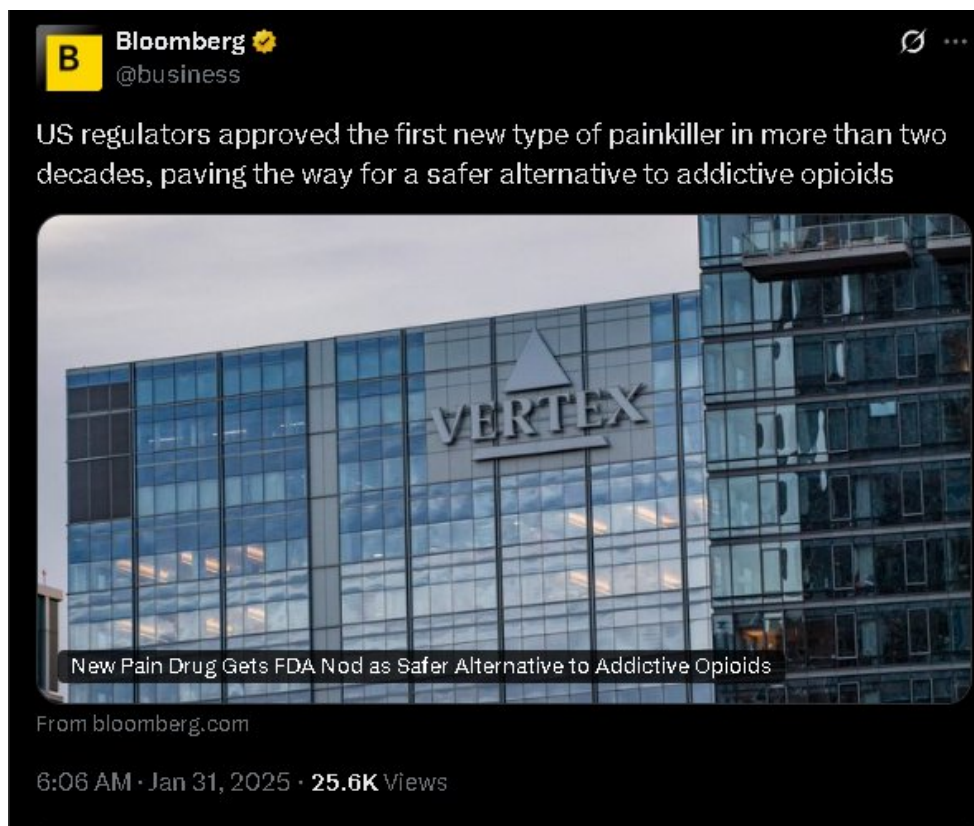

Рис. 27. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

В примере на рис. 27 приводится поликодовый пост с вербальным компонентом в виде текста, дополненным невербальным (изображение офиса американской фармацевтической компании Vertex Pharmaceuticals) посредством конгруэнтного взаимодействия (см. рис. 27). По оценке эксперта-носителя языка автором был опубликован «*another factual post*» (еще один фактологический пост), что свидетельствует об интенции проинформировать читателя об описываемом событии. Субъективная (эвиденциальная) модальность подчеркивается ссылкой на источник («*US regulators approved*», т.е., «государственные структуры США подтвердили») и фразой «*safer alternative for addictive opioids*», где сравнительная степень прилагательного *safe* (безопасный) выступает лексическим маркером

аксиологической модальности, значение данной языковой единицы также соответствует словарному: «safe 1 of 2 adjective 'sāf safer; safest. 1: free from harm or risk : unhurt; 2 a: secure from threat of danger, harm, or loss; b: successful at getting to a base in baseball without being put out; 3: affording safety or security from danger, risk, or difficulty; 4 obsolete, of mental or moral faculties: healthy, sound; 5 a: not threatening danger : harmless; b: unlikely to produce controversy or contradiction; 6 a: not likely to take risks : cautious; b: trustworthy, reliable» [Webster's Online Dictionary, 2025].

Рис. 28. Поликодовый пост из Telegram

На рис. 28 приводится поликодовый пост с вербальным (текстовая новость) и невербальным (видеозапись события, которую составляют визуальный и аудиальный элементы) компонентами, находящимися в конгруэнтном взаимодействии. Согласно экспертной оценке, «*текст неинформативен. Главным является картинка – следы грузовика от резких*

поворотов на дороге. Далее автор желает пошутить по этому поводу, используя выражение «водитель грузовика – в душе дрифтер», т.е. демонстрирует технику прохождения поворотов». В тексте автор использует формулу популярного интернет-мема «когда в душе ты...» («Когда в душе ты дрифтер, но вынужден работать на грузовике»), следовательно, семантика языкового компонента придает новости комический эффект, что свидетельствует об иронической/развлекательной интенции автора сообщения (см. рис. 28). В тексте наличествует лексический маркер субъективной (деонтической) модальности «вынужден работать на грузовике», где краткое причастие «вынужден» выражает долженствование в силу обстоятельств (работы водителя) и его контекстуальное значение соответствует словарному: «ВЫНУДИТЬ -ужу, -удишь; -ужденный; сов. 1. кого (что) к чему и с неопр. Заставить, принудить. В. противника отступить (к отступлению). 2. что. Добиться чего-н. силой, угрозами, принуждением. В. признание у кого-н. || несов. вынуждать, -аю, -аешь» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025].

Рис. 29. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 29 представлен пример поликодового поста с фреймовой координацией вербального (текст) и невербального (фотография Трампа, отдающего некие указания, которая задает политический фрейм относительно нейтральному тексту) компонентов, который, согласно экспертной оценке, «*is explicitly critical of Trump's style of management. It promotes the idea that he brings in people who turn up, make a mess of everything and then leave*» (явно критикует стиль руководства Трампа. Пост продвигает идею о том, что он нанимает людей, которые приходят, все портят, а потом уходят). Таким образом, интенция Bloomberg состоит в том, чтобы раскритиковать Трампа как управленца, что подтверждается семантикой языкового компонента: лексические маркеры субъективной

(аксиологической) модальности автора выражаются устоявшейся фразой «*seagull manager*» и «*making a mess*» (см. рис. 29). В случае с первым значение фразы полностью соответствует зафиксированному в словаре (руководитель, который появляется только при возникновении проблемы, создает много шума и так же внезапно исчезает): «*seagull manager. business slang. A manager who only becomes involved in a matter when a problem is perceived to have arisen, especially when they have little other knowledge about said matter and only cause more problems as a result of their involvement. I'm sick of this new seagull manager. If he would just let us get on with our work instead of swooping in every time there's a hiccup, we'd nearly be finished by now!*» [Farlex Dictionary of Idioms, 2015]. В случае со вторым контекстуальное значение «устраивать беспорядок» также соответствует словарной статье: «*make a mess (redirected from making a mess) To leave something in a state of disarray, clutter, or dirtiness. I always make a mess when I'm baking, but I don't mind cleaning it up afterward. The kids made a mess in the playroom, but I made sure they put away all their toys when they were done*» [Farlex Dictionary of Idioms, 2015].

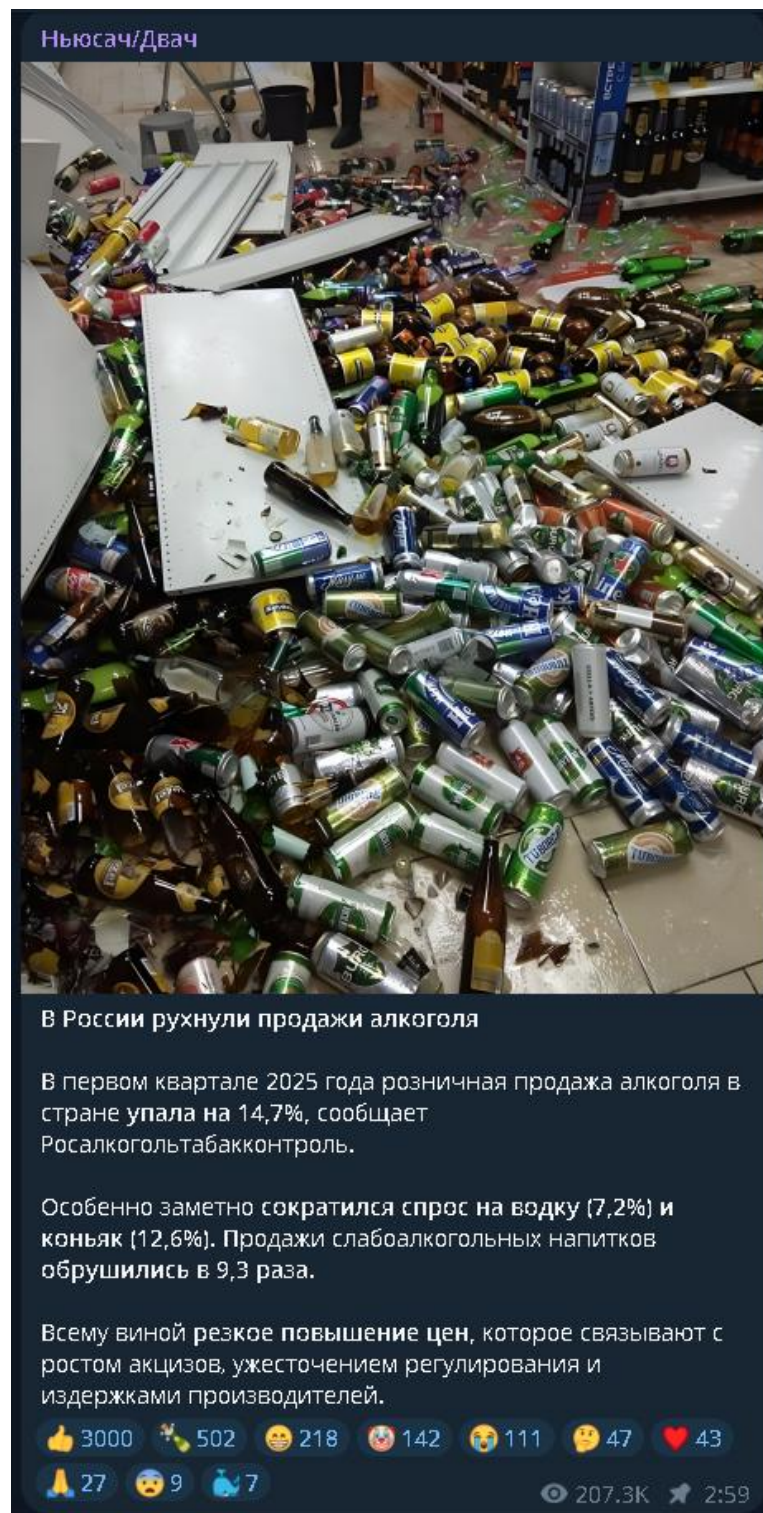

Рис. 30. Поликодовый пост из Telegram

В примере на рис. 30 представлен поликодовый пост с вербальным (текст с новостью об «обрушении продаж» алкоголя) и невербальным (фотография с грудой обрушившихся с полок алкогольных товаров) компонентами, находящимися в конгруэнтном взаимодействии. По мнению эксперта, в посте

приводится «информация о снижении продажи алкоголя в России. Текст и рисунок находятся в отношении рассогласования. Без текста информация воспринимается как некий хаос, погром в магазине алкогольной продукции или на складе. Текст же информирует о процентном снижении. Для подчеркивания некой ненормальной ситуации автор использует слова «обрушились», «ужесточение». Тем самым автор выражает свое негативное отношение к передаваемой информации» (см. рис. 30). Таким образом, интенция автора является экспрессивной и дискредитирующей. Субъективная (эвиденциальная) модальность выражается ссылкой на источник информации: «сообщает Росалькотабакконтроль».

Рис. 31. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Пример поликодового сообщения с конгруэнтным взаимодействием вербального (текст) и невербального (рисунок сборщиков кофейных зерен)

компонентов на рис. 31, по мнению эксперта-носителя языка, является «*a factual post explaining who benefits and who loses from high coffee prices*» (фактологическим постом, объясняющим, кому выгодны высокие цены на кофе, а кому нет), следовательно, авторская интенция сугубо информативная (см. рис. 31). При этом в посте наблюдаются лексические маркеры субъективной (аксиологической) модальности: «*bad / good news*», контекстные значения которых соответствуют как для *bad* (плохой, неблагоприятный): «*bad. Adjective uk /bæd/ us /bæd/ A1 comparative worse | superlative worst. unpleasant and causing difficulties: in a bad mood. Watch out - he's in a bad mood. bad news. We've just received some very bad news. bad weather. Our holiday was spoiled by bad weather. The company has been getting a lot of bad publicity (= negative things have been written or said about it) recently*» [Cambridge English Dictionary, 2024], так и для *good* (хороший, удачный): «*good. adjective uk /ɡʊd/ us /ɡʊd/ better | best A1 very satisfactory, enjoyable, pleasant, or interesting: a good book. Did you have a good time at the party? The weather has been really good for the time of year. I've just had some very good news. it is good to It's so good to see you after all this time!*» [Cambridge English Dictionary, 2024].

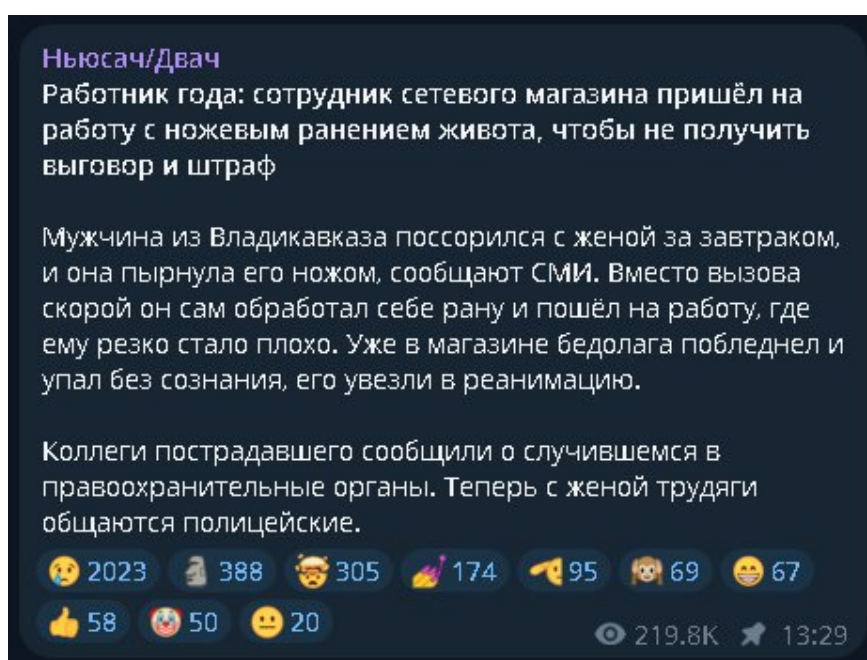

Рис. 32. Монокодовый пост из Х (запрещена на территории Российской Федерации)

В примере на рис. 32 приводится монокодовый текст с новостью о работнике магазина, пережившем ножевое ранение. Согласно оценке эксперта, *«автор передает о некоем курьезе, казусе. Пришел на работу с ножевым ранением, чтобы не было прогула, а значит штрафа. Текст носит шутливо-ироничный характер»* (см. рис. 32). Следовательно, авторская интенция данного сообщения является ироничной/развлекательной и экспрессивной (выражающей сочувствие пострадавшему), что выражается при помощи использования мема «работник года...» в начале поста и прилагательных «бедолага», «тудяга». Последние также выступают в качестве маркеров субъективной (аксиологической) модальности, при этом единица «бедолага» в контексте имеет такое же значение, как и в словаре: «бедолага I м. и ж. разг. Тот, кто заслуживает сострадания, сочувствия; несчастный (о человеке или животном). II м. и ж. разг. Неудачник (о человеке)» [Ефремова, 2009]. В случае с прилагательным «тудяга» контекстуальное значение слова также соответствует словарному: «ТРУДЯГА -и, м. и ж. (прост.). Очень трудолюбивый, старательный человек, работяга (в 1 знач.)» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025].

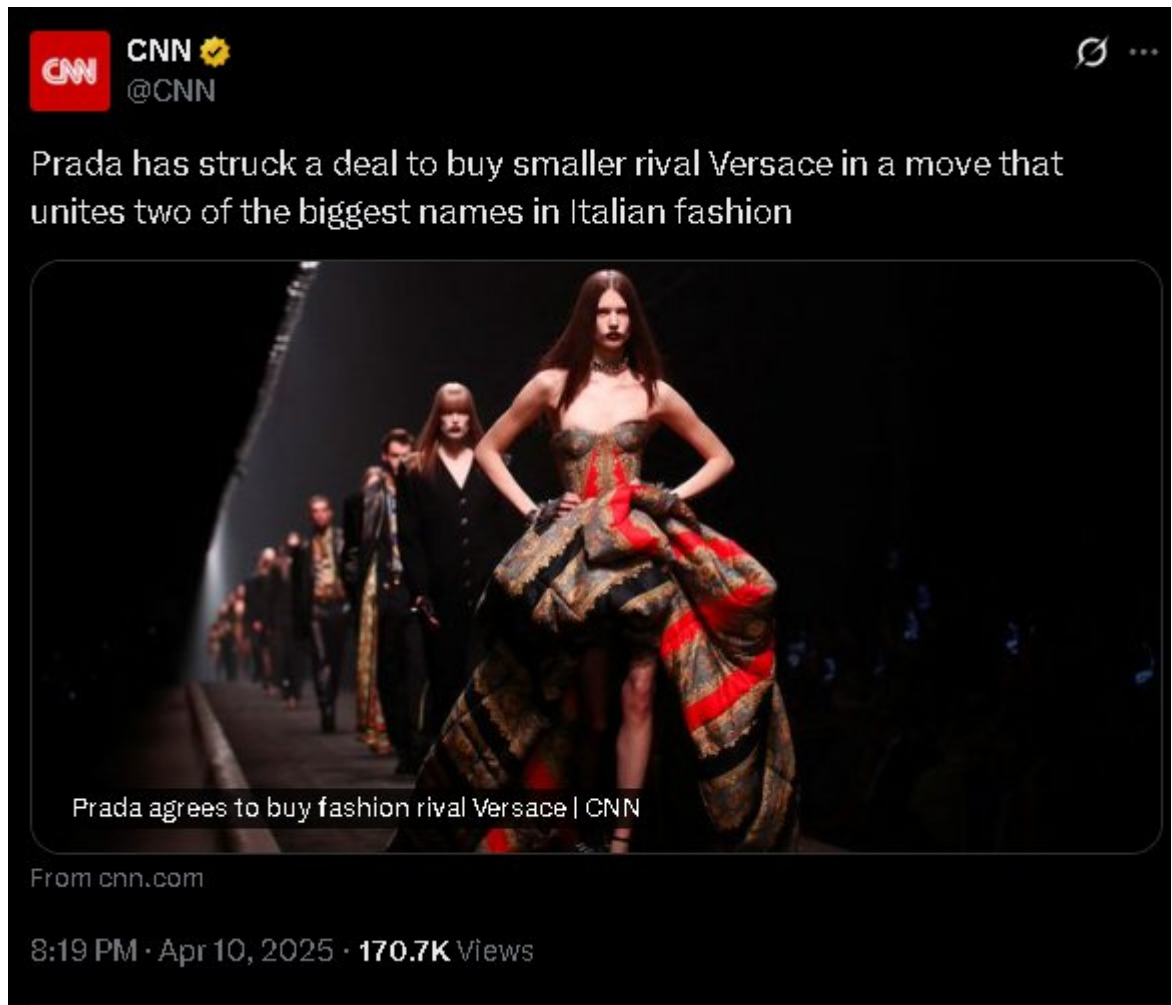

Рис. 33. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 33 приводится поликодовый пост с вербальным компонентом в виде текста, находящимся в конгруэнтном взаимодействии с невербальным компонентом в виде фотографии с показа мод. Согласно экспертной оценке сообщение представляет собой «*a factual statement regarding a business acquisition*» (фактическое утверждение о приобретении бизнеса), таким образом, авторская интенция является информативной (см. рис. 33), объективная модальность поста выражена изъявительным наклонением глаголов (*Indicative Mood: has struck a deal, unites*).

Рис. 34. Поликодовый пост из Telegram

На рис. 34 представлен поликодовый пост, в котором сочетаются вербальный (подробная текстовая новость о форуме будущих технологий в Москве) и невербальный (видеозапись с репортажем с места событий, включает аудиальный и визуальный элементы) компоненты посредством редундантного взаимодействия. Согласно экспертной оценке, «текст

информативен. Главным является вербальная часть, где сообщается о проводимом в Москве форуме будущих технологий. Картинка иллюстрирует и привлекает внимание к тексту, т.е. носит вспомогательный характер» (см. рис. 34). Таким образом, авторская интенция состоит в том, чтобы проинформировать читателя о событии, что выражается семантикой языкового компонента, формулировки: «передовые отечественные разработки», «уникальный оптический монтажный кабель», «целый километр кабеля весит всего 460 грамм» подчеркивают важность мероприятия и положительную коннотацию, передающую комплиментарную интенцию автора, данные единицы также являются средством выражения субъективной (аксиологической) модальности. Прилагательное «передовой» в контексте обозначает «наиболее развитый» и применительно к «отечественным разработкам» несет положительную коннотацию, данное значение соответствует словарному: «передовой I м. 1. разг. Тот, кто идет, едет впереди других и указывает дорогу. 2. устар. Гонец, посыльный. II прил. 1. Находящийся, действующий впереди, в авангарде, ближайший к неприятельскому фронту (о военных силах). || Расположенный впереди, в авангарде. 2. разг. Движущийся впереди. || Идущий, едущий и т.п. впереди других и указывающий дорогу. 3. перен. Стоящий выше других по уровню развития техники, культуры и т.п. || Наиболее сознательный, инициативный. || Наиболее прогрессивный» [Ефремова, 2009]. Другое прилагательное «уникальный» в контексте подразумевает «единственный в своем роде», что также позитивно описывает новейшие технологии, представленные на форуме, контекстное значение данного слова совпадает со значением в словаре: «УНИКАЛЬНЫЙ -ая, -ое; -лен, -льна. Единственный в своем роде, неповторимый. У. экспонат. У. эксперимент. Уникальная профессия. У. уголок природы. || сущ уникальность, -и, ас.» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. В свою очередь, в выражении «целый километр... всего 460 грамм» создается положительное впечатление (автором делается акцент на большую длину и малый вес изделия). В тексте также присутствует

маркер эвиденциальной модальности в виде ссылки на источник информации («заявил первый вице-премьер Денис Мантуров»).

Рис. 35. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Пример на рис. 35 представлен поликодовым сообщением, состоящим из лаконичного вербального (текстового) и невербального (фотография плачущей женщины) компонентов, которые находятся в конгруэнтном взаимодействии. По оценке эксперта-носителя языка, данный пример представляет собой *«a post from Reuters that is openly critical of Trump's deportation policies. They have chosen to share the plight of a young, breastfeeding mother, i.e. they have focused on what is sure to be a highly emotive topic to build opposition to these measures»* (пост агентства Reuters, в котором открыто критикуется политика Трампа в отношении депортации. Они

решили рассказать о бедственном положении молодой кормящей матери, то есть сосредоточились на теме, которая наверняка вызовет сильные эмоции и поможет сформировать оппозицию этим мерам). Следовательно, авторская интенция в данном примере является экспрессивной и оценочной (а именно дискредитирующей), несмотря на отсутствие маркеров субъективной модальности в тексте, фотография плачущей матери, которую разлучили с ее годовалым ребенком, вызывает яркую эмоциональную реакцию аудитории, выступая невербальным средством выражения модальности (см. рис. 35).

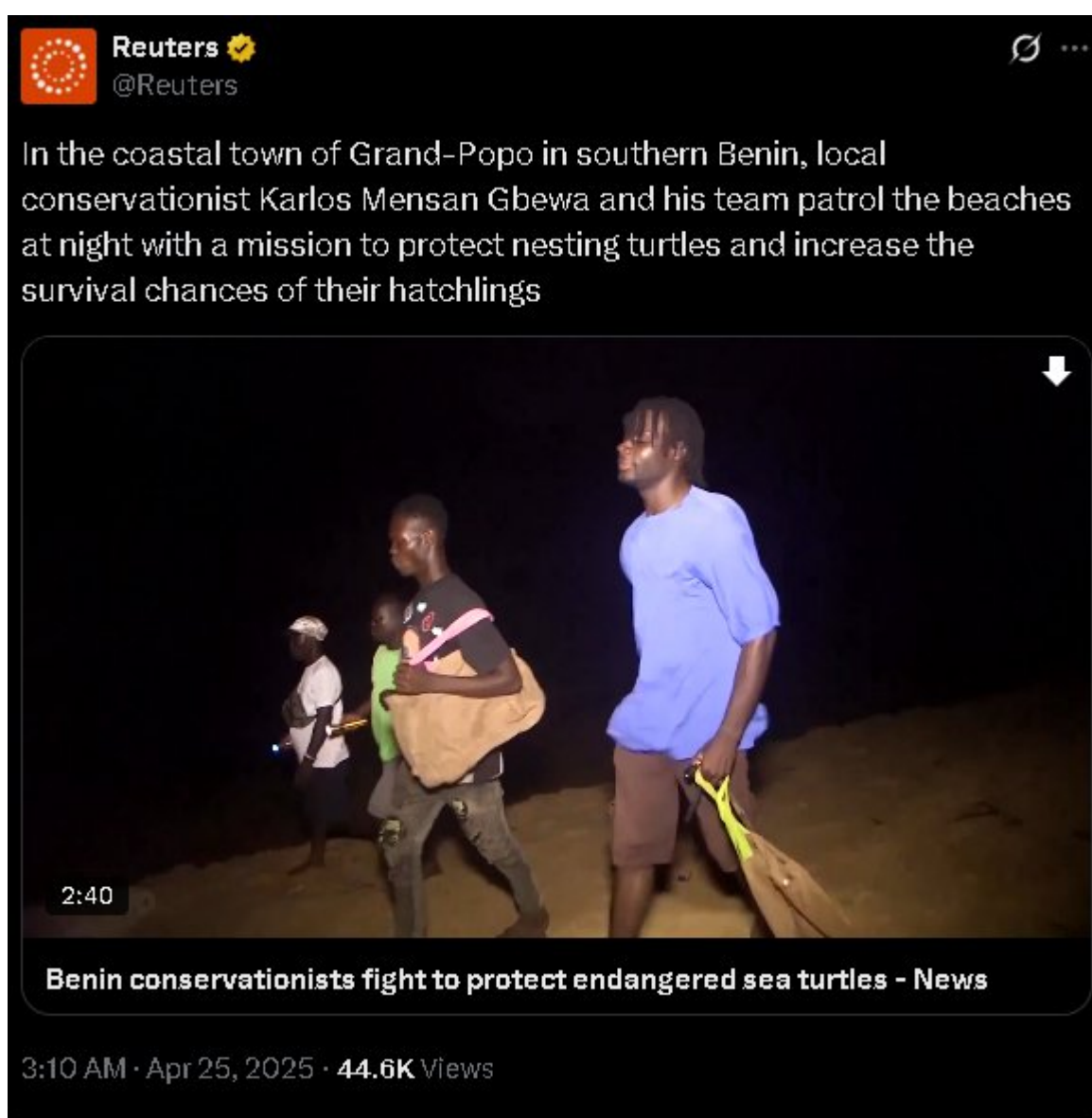

Рис. 36. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Согласно экспертной оценке, поликодовый пост на рис. 36 представляет собой *«a factual news item, with perhaps a hidden agenda to highlight the efforts of indigenous conservationists. Conservation is often presented as the white man trying to protect the animal in ostensibly black Africa. In the light of BLM, we tend to see now more articles of this nature. But, ideologically this is rather subtle»* (новостной материал, в котором, возможно, есть скрытый подтекст, призванный подчеркнуть усилия местных защитников природы. Охрана природы часто преподносится как попытка белого человека защитить животное в якобы черной Африке. В свете активности BLM мы стали чаще видеть подобные статьи. Но с идеологической точки зрения это довольно тонкий ход). Таким образом, интенция автора является оценочной (комплиментарной) обсуждаемой новости, что подтверждает семантика языкового компонента с маркером субъективной (аксиологической) модальности «protect». Вербальный компонент конгруэнтно дополнен невербальным (видеоролик с участниками событий, включающий визуальный и аудиальный элементы), однако в невербальном компоненте сообщения положительная оценка действиям местных активистов выражается еще более явно через звучащую речь: *«Benin conservationists fight to protect endangered sea turtles»*, что свидетельствует о положительном отношении автора к сообщаемому (см. рис. 36), в обоих случаях значение слова *protect* соответствует словарному (защищать, обеспечивать безопасность): «protect verb uk /prə'tekt/ us /prə'tekt/ B1 [I or T] to keep someone or something safe from injury, damage, or loss: clothing that protects you against the cold. It's important to protect your skin from the harmful effects of the sun. Surely the function of the law is to protect everyone's rights. Of course the company will act to protect its financial interests in the country if war begins. Patients' names have been changed to protect their privacy. Public pressure to protect the environment is strong and growing. Vitamin C may help protect against cancer. [T] If a government protects a part of its country's trade or industry, it

helps it by taxing goods from other countries. [T] to provide someone with insurance against injury, damages, etc.» [Cambridge English Dictionary, 2024].

Рис. 37. Монокодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

На рис. 37 приводится пример монокодового поста, который эксперт-носитель языка характеризует как «*a typical Bloomberg post, I would say. Merz's measures trying to rein in illegal migration are described as 'hard-line'. A more neutral post might talk of Merz 'tightening' migration policy. And there is of course the reference to the far-right – a snub to the AfD party, a classic attempt at demonisation and deligitimisation by conjuring up links to fascist parties*» (типичный пост Bloomberg. Меры, которые предпринимает Мерц для сдерживания нелегальной миграции, описываются как «жесткие». В более нейтральном посте могло бы говориться о том, что Мерц «ужесточает» миграционную политику. И, конечно же, есть отсылка к ультраправым – пренебрежительное отношение к партии «Альтернатива для Германии», классическая попытка демонизации и делегитимизации путем создания связей с фашистскими партиями). Следовательно, интенция автора состоит в том, чтобы проинформировать пользователя о новости и дополнительно

дискредитировать партию «Альтернатива для Германии» в тексте обозначенную как «ультраправые», *far right* (см. рис. 37). Присутствуют лексические маркеры субъективной (аксиологической) модальности: «*calculated gambit*», «*deliver a breakthrough*», «*wavering voters*». Прилагательное *calculated* обозначает «хорошо спланированный», что соответствует словарной дефиниции: «*calculated adjective* cal·cu·lat·ed 'kal-kyə-,lā-təd 1: apt, likely; 2 a: worked out by mathematical calculation; b: engaged in, undertaken, or displayed after reckoning or estimating the statistical probability of success or failure. a calculated risk. 3 a: planned or contrived to accomplish a purpose; b: deliberate, intended. a calculated attempt to deceive voters» [Webster's Online Dictionary, 2025]. В свою очередь, значение *breakthrough* также соотносится с таковым из словаря (прорыв, важное событие): «*breakthrough noun* [C] uk /'breɪk.θruː/ us /'breɪk.θruː/ B2 an important discovery or event that helps to improve a situation or provide an answer to a problem: Scientists are hoping for a breakthrough in the search for a cure for cancer. A major breakthrough in negotiations has been achieved» [Cambridge English Dictionary, 2024]. Наконец, *wavering voters* подразумевает «колеблющихся избирателей», что также соотносится со словарным значением *wavering*: «*wavering adjective* uk /'weɪ.vər.ɪŋ/ us /'weɪ.və.ɪŋ/ losing strength, determination, or purpose, especially temporarily: He spoke in a wavering voice, as if he were not sure of his ground. His wavering resolve was strengthened when he received the call. unable to decide which of two possibilities to choose: It's the party's last attempt to persuade some of the nation's wavering voters to support them» [Cambridge English Dictionary, 2024].

Рис. 38. Поликодовый пост из X (запрещена на территории Российской Федерации)

Пример на рис. 38 представляет собой поликодовый пост с конгруэнтным взаимодействием вербального (текст) и невербального (фотография с вручением форменной футболки с номером «1» новому квартирбеку), который, по экспертной оценке, является «*a purely factual*» (сугубо информационным), таким образом, авторская интенция состоит в информировании аудитории. (см. рис. 38). Объективная (реальная) модальность выражена изъявительным наклонением (Indicative Mood: *select*).

По итогам анализа поликодовых и монокодовых постов на русском и английском языке, можно сделать следующие выводы: субъективная модальность проявляется, вопреки новостной специфике, в большинстве (около 67 %) случаев, при этом присутствует заметная разница между частотностью субъективной модальности в русскоязычных (выражалась примерно в 77 % случаев) и англоязычных (выражалась приблизительно в 54 % случаев) сообщениях. Была выведена корреляция между типами модальности и комбинациями кодов, в частности, субъективная модальность при когерентном взаимодействии выражалась примерно в 60 % контекстов (данная комбинация оказалась наиболее распространенной в новостном формате), в то время как в других случаях ее частотность была выше (редундантное – 65 %, расщепленное – 68 %, фреймовая координация – 70 %, интерпретативное – 62 %). Типичным невербальным компонентом поликодовых сообщений в представленных комбинациях выступали картинки и видео, таким образом, визуальные и аудиальные элементы оказывали существенное влияние на модальность сообщений.

Кроме того, в ходе исследования была проведена детальная оценка роли имплицатуры как одного из ключевых средств кодирования авторской интенции, что позволит далее рассмотреть ее особенности и влияние на восприятие сообщений в Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации), и в комментариях к ним.

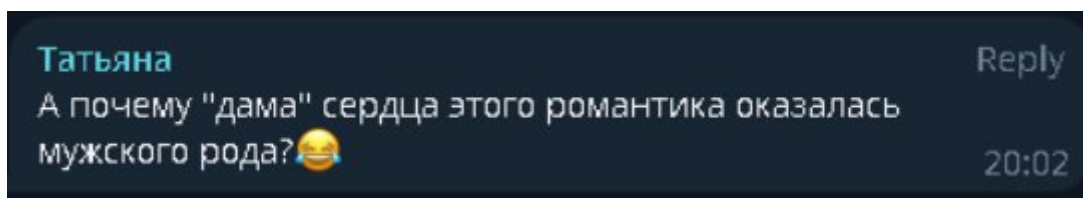

Рис. 39. Импликатура в русскоязычных комментариях Telegram

В данном примере (см. рис. 39) приводится комментарий к посту из телеграм-канала «Readovka» о «трактористе-романтике», который, как описывается в тексте, прокатил девушку в ковше своей машины. Обратим внимание на словосочетание «дама сердца». Значение фразы в данном контексте соответствует трактовке в словарной статье «дама сердца» = «возлюбленная»: «ДАМА -ы, ж. 1. Женщина из интеллигентских, обычно обеспеченных городских кругов (устар.). Светская д. Дамы и девицы. Д. сердца (возлюбленная). Классная д. (надзирательница в женском учебном заведении). 2. Форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах; разг.). Дамы и господа! (традиционное начало официальных речей, обращений). 3. Женщина, танцующая в паре с кавалером. Кавалеры приглашают дам. 4. Игральная карта с изображением женщины. Пиковая д. Д. треф. || уменьш. дамочка, -и, ж. (к 1 и 2 знач.). || прил. дамский, -ая, -ое (к 1 знач.)» [Толковый словарь русского языка Ожегова, 2025]. Однако автор комментария добавляет кавычки к слову «дама» и завершает предложение намеком на несоответствие описываемого образа фактическому: «оказалась мужского рода». Невербальный компонент (смеющийся смайлик) в сообщении вкупе с используемыми вербальными маркерами (кавычки к слову «дама», намек о «ее» половой принадлежности) формирует импликатуру, которая значительно меняет смысл фразы: по мнению пользователя, «дамой сердца» оказалась вовсе не возлюбленная водителя, для которой он устроил романтическое приключение, а другой мужчина, которого он, возможно, прокатил по дружбе.

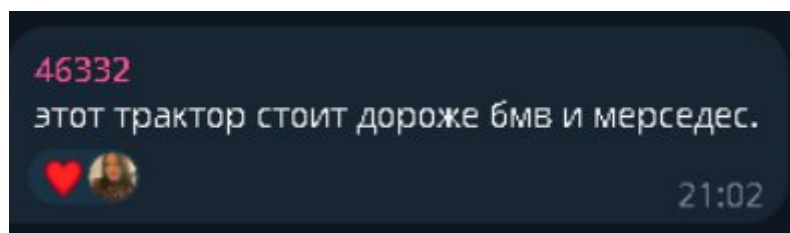

Рис. 40. Импликатура в русскоязычных комментариях Telegram

В представленном примере (см. рис. 40) также приводится комментарий к посту о водителе спецтехники, решившему прокатить девушку в ковше машины. На первый взгляд, сообщение не имеет смысла, так как сравниваются машины заведомо разных ценовых категорий (трактор и дорогие автомобили фирм «BMW» и «Mercedes-Benz»). В вербальном компоненте контекстуальное значение слова «трактор» совпадает с тем, которое представлено в словаре. Однако поскольку оригинальный пост представляет собой поликодовый текст, необходимо учесть его невербальный компонент, на который ссылается автор комментария: видео, на котором хорошо видно, что водителем используется не случайная машина для вспашки полей, а дорогая спецтехника – погрузчик, которая по своей стоимости не будет проигрывать дорогим иномаркам. Таким образом, автор комментария использует импликатуру, которая полностью меняет значение слова «трактор» в данной ситуации.

Рис. 41. Импликатура в англоязычных комментариях X (запрещена на территории Российской Федерации)

Случаи, в которых импликатура применяется для выражения неявной интенции адресанта, разумеется, нередки и на англоязычной платформе X

(запрещена на территории Российской Федерации). Данный пример (см. рис. 41) наглядно демонстрирует ситуацию, в которой импликатура выступает как ключевое средство выражения скрытого смысла. Пользователь комментирует новостной пост Bloomberg о том, что состояние 500 богатейших людей мира снизилось на 208 миллиардов долларов вследствие объявленных Трампом таможенных пошлин, которые ввели мировые финансовые рынки «в штопор». Прилагательное «*genius*» в представленном контексте на первый взгляд соответствует трактовке из словарной статьи Merriam-Webster: «*genius* adjective informal : showing or suggesting great cleverness, skill, or originality : brilliant. Remember how genius Henry Winkler was on Arrested Development? – Entertainment Weekly. “I think Lindsey Buckingham’s guitar playing is genius, and Stevie Nicks’ voice is really unusual.” – Justin Hawkins. As “genius” as the New York raver kids may be, it’s in Britain that the mixing of fashion and club music in the nineties is at its most exciting. – Vogue» [Webster’s Online Dictionary, 2025]. Соответствующая дефиниция («*showing or suggesting great cleverness, skill, or originality*», т.е. «демонстрирующий или предполагающий большой ум, мастерство или оригинальность») описывает президента США в положительном ключе, однако комментатор сравнивает Трампа с такими известными историческими фигурами как Карл Маркс и Иосиф Сталин, которые в современном международном медиапространстве воспринимаются негативно. Следовательно, имеет место импликатура, которая выражается в самом тексте поста и модифицирует смысл высказывания, формируя ироническое переосмысление сказанного: экономическая политика президента США воспринимается не как «гениальный» ход и однозначное благо, а как невольное воплощение «коммунистических» идей.

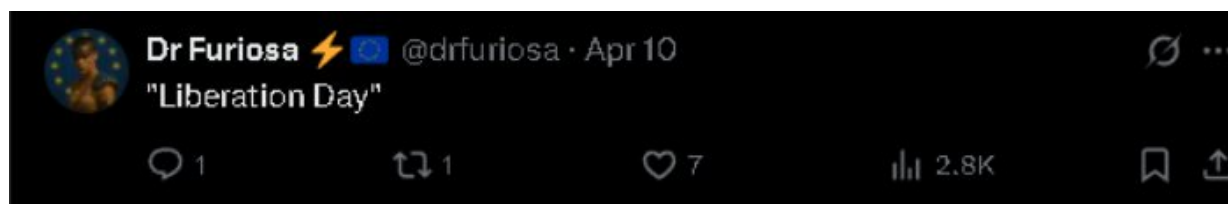

Рис. 42. Импликатура в англоязычных комментариях X (запрещена на территории Российской Федерации)

В представленном примере (см. рис. 42) комментируется пост Bloomberg об огромном доходе богатейших людей планеты на фоне экономической политики США (см. рис. 4). В словосочетании «*liberation day*» контекстуальное значение слова «*liberation*» соответствует первому определению из словарной статьи: «*liberation* noun [U] uk /ˌlɪb.ər'etʃən/ us /ˌlɪb.ə'reɪʃən/ 1. an occasion when something or someone is released or made free: the liberation of France from Nazi occupation. Leaving school was such a liberation for me. 2. used to refer to activities connected with removing the disadvantages experienced by particular groups within society: the women's liberation (informal lib) movement. animal liberation organizations» [Cambridge English Dictionary, 2024] Таким образом, в данном примере под «*liberation*» понимаем «*an occasion when something or someone is released or made free*», т.е. «случай, когда что-то или кто-то освобождается или становится свободным». Однако стоит обратить внимание, что выражение «*liberation day*» стало устойчивым и широко известным в ходе политических решений нынешнего президента США Трампа: название «*liberation day*» было присвоено 2 апреля 2025 года, в день, когда были объявлены новые таможенные пошлины. «*Liberation*» в данном случае используется не случайно, поскольку заявленной целью введения пошлин было «снизить зависимость США от иностранных товаров», сам президент Трамп описывал это событие как «декларацию экономической независимости». Следовательно, в данной ситуации использование автором комментария кавычек намекает о скепсисе в отношении данных решений. Пользователь применяет импликатуру при помощи вербального маркера в тексте сообщения (кавычки), значение слова «*liberation*» меняется на антонимическое, что выражает негативную оценку экономической политики США.

Данные примеры свидетельствуют о том, что влияние имплицатур на восприятие авторской интенции сложно переоценить: с их помощью автор способен полностью менять смысл, казалось бы, очевидных формулировок через языковые и визуальные компоненты, представлять информацию в неожиданном для пользователя ключе. Таким образом, комбинаторика семантики вербального и невербального компонентов в сообщениях эксплицитно и имплицитно отражает отношение автора к освещаемым событиям, которое выражается как при помощи категории модальности, так и посредством маркеров интенции. Кроме того, различные сочетания вербального и невербального кодов запускают функцию межличностной коммуникации в пользовательских комментариях, выступающих в качестве вербализации восприятия сообщения автора.

2.3. Результаты анализа комментариев

Анализ материала проводился в соответствии с моделью интерпретации поликодового семиозиса, сформулированной в теоретической части исследования. На первом этапе рассматривались непосредственно новостные посты, опубликованные на цифровых платформах, с целью определения их структурных компонентов и выявления авторской интенции. Этот шаг является принципиально важным, поскольку без установления предполагаемой интенции автора невозможно корректно интерпретировать реакции аудитории и провести анализ рецепции.

Авторская интенция определялась в соответствии с экспертной оценкой носителей английского и русского языка, с учетом как эксплицитных вербальных маркеров (лексические коннотации, оценочная модальность, синтаксические акценты и др.), так и имплицитных невербальных сигналов (визуальный образ, оформление, креолизованный текст, видеофрагмент, эмодзи и пр.). Поликодовая структура сообщения в большинстве случаев способствовала усилению прагматической направленности текста и

повышению его интерпретационной однозначности или, напротив, созданию иронического эффекта при расщепленной кодовой подаче.

Поскольку в качестве материала были выбраны новостные каналы, одной из основных интенций постов выступала информативная – передача сведений о социально значимом событии. Однако в ряде случаев она дополнялась оценочной, экспрессивной или даже иронической интенцией: автор сообщения мог прямо или косвенно выражать отношение к происходящему, поддерживая, осуждая или высмеивая объект высказывания.

На рисунках 43 и 44 представлены конкретные примеры таких интенциональных стратегий, реализованных посредством вербального и невербального компонентов в поликодовой структуре сообщения.

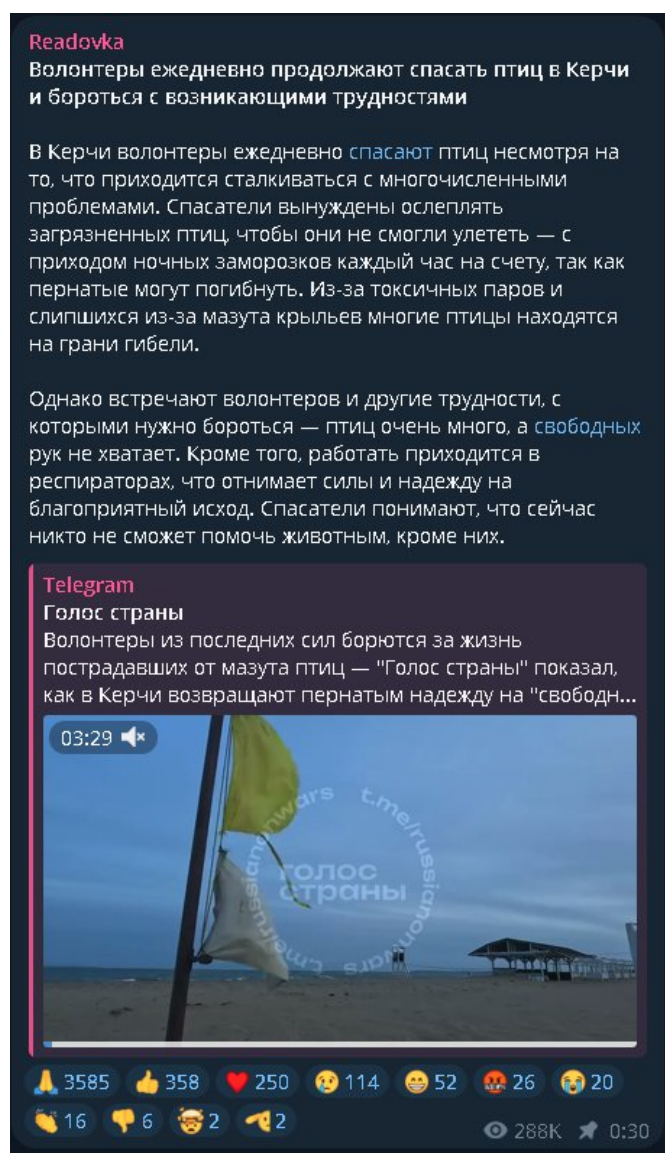

Рис. 43. Пример авторской поддержки события

На данном скриншоте поста из канала «Readovka» автор приводит новость о работе волонтеров по защите экологии (см. рис. 43). По мнению эксперта, «пост информативен. Содержит информацию о недавней экологической катастрофе в Черном море и действиях волонтеров, которые спасают пернатых, а также о трудностях, с которыми сталкиваются волонтеры. Рисунком автор показывает пустынные безжизненные пляжи, которые нуждаются в очищении». Цитаты «волонтеры ежедневно продолжают спасать птиц», «Спасатели понимают, что сейчас никто не сможет помочь животным, кроме них» и др. однозначно свидетельствуют о наделении действий волонтеров положительной коннотацией со стороны редакции

канала, что прямо говорит о положительной оценке и выражении комплиментарной интенции.

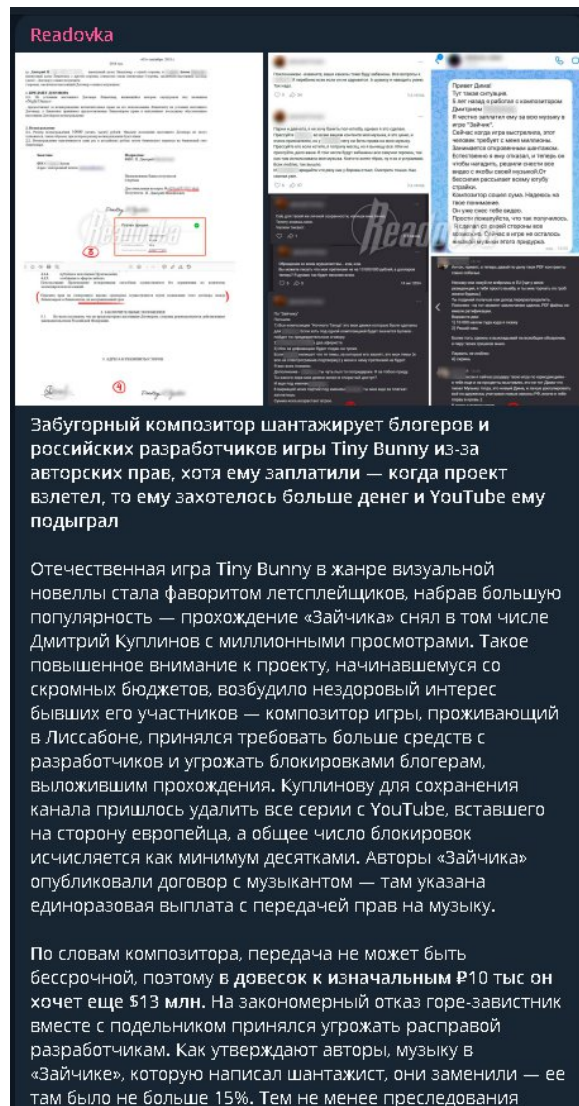

Рис. 44. Пример авторского осуждения новости

В качестве контрастного примера рассмотрим другой пост с того же Telegram-канала, демонстрирующий противоположную интенциональную направленность (см. рис. 44). По мнению эксперта, «в этом посте автор выражает негативное отношение к иностранному композитору, используя слова «забугорный, шантажирует». Автор подчеркивает, что этот композитор хочет незаконно обогатиться и требует заплатить ему, хотя уже получил свой гонорар как автор музыки для компьютерной игры. Пост содержит

информацию о компьютерной игре, ее популярности и при этом выражает осуждение в адрес композитора». Таким образом, автор выстраивает явную дискредитирующую оценочную интенцию, выраженную как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Использование маркеров типа «забугорный композитор шантажирует», «возбудило нездоровый интерес бывших его участников», «горе-завистник вместе с подельником принялся угрожать расправой» и других стилистически маркированных выражений формирует однозначную негативную коннотацию и направлен на дискредитацию описываемых персонажей. Таким образом, авторская интенция носит выражено осуждающий характер и проявляется через стратегию стилистической маркировки, направленную на формирование негативного эмоционального фона у реципиента.

После определения предполагаемой авторской интенции на уровне поста анализу подлежит модальность пользовательских комментариев. Основное внимание уделяется тому, каким образом респонденты соотносят свое восприятие с интенцией автора: подтверждают ее, отвергают, иронизируют или демонстрируют нейтральную позицию.

Следует отметить, что интерпретация комментариев невозможна без учета контекста: семантика комментариев, особенно в цифровой среде, нередко зависит от полисемии используемых языковых средств, специфики интернет-сленга, а также особенностей визуальных и креолизованных компонентов (эмодзи, изображений, GIF и др.).

В рамках настоящего исследования под «поддержкой» понимается такой комментарий, в котором пользователь выражает согласие, одобрение или комплиментарное отношение к авторской интенции. Такая реакция может быть вербальной («полностью согласен», «так и есть») или невербальной (например, эмодзи 👍, ❤️, 🔥), а также сочетать оба типа кодов.

На рис. 45 представлен пример подобного комментария, соотносящегося с поддерживающей рецепцией авторского послания (см. рис. 45).

Рис. 45. Поддержка в комментариях

«Несогласие» предполагает отрицание, оспаривание или переосмысление пользователем авторской интенции, выраженной в посте. Такая реакция может проявляться как через прямую критику содержания («это ложь», «автор передергивает»), так и через косвенное опровержение, саркастические замечания или логическое несогласие с предложенной интерпретацией события.

Важно учитывать, что форма несогласия может варьироваться от аргументированной реплики до экспрессивно окрашенной реакции, сопровождающейся ироническими или поликодовыми средствами, включая визуальные маркеры (эмодзи 🙄, 😏, мемы и др.). В некоторых случаях пользователи вступают в полемику с другими комментаторами, тем самым отражая многоуровневую рецепцию как отдельного поста, так и дискуссии вокруг него.

На рис. 46 представлен пример комментария, демонстрирующего несогласие с авторской позицией, с характерными языковыми средствами, маркирующими критическую установку (см. рис. 46).

Рис. 46. Несогласие в комментариях

«Нейтральность» характеризует комментарии, в которых отсутствует явное выражение согласия, несогласия или иронической установки по отношению к авторской интенции. При этом содержание комментария сохраняет тематическую релевантность посту и демонстрирует участие в дискурсе – например, уточнение информации, выражение удивления, нейтральное констатирование факта («интересно», «не знал», «странно получилось» и т.п.).

Подобные комментарии могут выполнять функцию когнитивной поддержки коммуникации, способствуя продолжению обсуждения без выраженной оценочной модальности. Они нередко служат переходом к более определенной позиции в последующих комментариях, либо сигнализируют о сдержанном, рефлексивном отношении к затронутой теме.

На рис. 47 представлен пример нейтрального комментария, не содержащего оценки, но демонстрирующего тематическую вовлеченность адресата в коммуникацию (см. рис. 47).

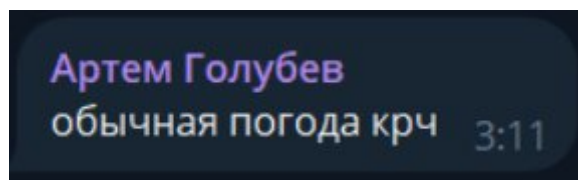

Рис. 47. Нейтральность в комментариях

«Ирония» предполагает рецептивное смещение, при котором авторская интенция интерпретируется в ироническом, пародийном или обыгранном ключе. В таких комментариях пользователь может демонстративно высмеивать содержание поста, преувеличивать или искажать интенцию, а также прибегать к культурным кодам, мемам и стилевым аллюзиям, создающим эффект интерпретативного расщепления.

Ироническая рецепция может быть направлена как на объект сообщения, так и на позицию автора, а иногда – на контекст ситуации в целом. В

лингвистическом плане подобные комментарии часто сопровождаются маркерами гиперболы, неожиданными смысловыми сдвигами, сарказмом, визуальными знаками (эмодзи 😊, 🤔, 😏), а также поликодовыми формами (например, вставкой мема, визуального шаблона, стикера и пр.).

Ирония, таким образом, выступает как особый способ рецепции, создающий альтернативную интерпретацию авторской интенции, которая может как усиливать критическую позицию, так и служить формой игрового вовлечения.

На рис. 48 представлен пример комментария, демонстрирующего характерное ироническое переосмысление тематики поста (см. рис. 48).

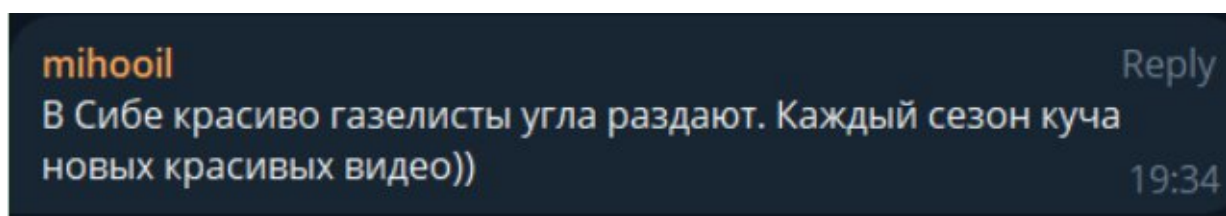

Рис. 48. Ирония в комментариях

Таким образом, распределение типов пользовательских комментариев согласно их модальности можно представить в виде Таблиц 1 и 2 для русскоязычных и англоязычных ресурсов, соответственно (см. Табл. 1-2):

Тип	Вербальные маркеры	Невербальные средства	Отношение к интенции автора	Кол-во
Поддержка	«согласен», «так и есть», похвала	👍, ❤️, 🔥, +1	Совпадение, комплиментарность	1 410
Несогласие	«ложь», «неправда», сарказм, контраргумент	🤔, 😏, 🙄	Противостояние, опровержение	844
Нейтральность	«интересно», «не знал», уточнение фактов	👀, ?, 😏	Отстраненное, наблюдательное	904
Ирония	гипербола, игра слов,	🤔, 😏, мем,	Интерпретативное	916

	мемный дискурс	стикер	расщепление	
--	----------------	--------	-------------	--

Табл. 1. Типы комментариев в рамках поликодовой структуры в Telegram

Тип	Вербальные маркеры	Невербальные средства	Отношение к интенции автора	Кол-во
Поддержка	«I agree», «that's how it is», похвала	 , , , +1	Совпадение, комплиментарность	169
Несогласие	«bullshit», «that's not true», сарказм, контраргумент	 , , 	Противостояние, опровержение	101
Нейтральность	«that's interesting», «I didn't know that», уточнение фактов	 , , 	Отстраненное, наблюдательное	109
Ирония	гипербола, игра слов, мемный дискурс	 , , мем, стикер	Интерпретативное расщепление	110

Табл. 2. Типы комментариев в рамках поликодовой структуры в X
(запрещена на территории Российской Федерации)

Пользовательские комментарии в цифровых медиа характеризуются разнообразием используемых знаковых систем, что позволяет классифицировать их по типу кодовой конфигурации. В рамках настоящего исследования все комментарии были распределены по трем категориям.

Вербальные комментарии – сообщения, содержащие исключительно текст на естественном языке без визуальных или иных дополнительных элементов;

Невербальные комментарии – сообщения, представленные исключительно невербальными средствами (эмодзи, стикеры, изображения, GIF, видео и пр.);

Поликодовые комментарии – сообщения, сочетающие вербальные и невербальные компоненты в единой структуре.

Такое разграничение обусловлено необходимостью точной интерпретации коммуникативного намерения респондента и оценки роли визуального кода в комментариях. В процессе анализа были зафиксированы наиболее типичные средства выражения каждой кодовой конфигурации: для вербальных – это лексико-синтаксические конструкции; для невербальных – эмодзи, пиктограммы, изображения; для поликодовых – их интеграция в рамках единого коммуникативного акта.

На рис. 49 приведен пример типичного вербального комментария – наиболее часто встречающегося типа комментариев на всех исследуемых платформах (см. рис. 49).

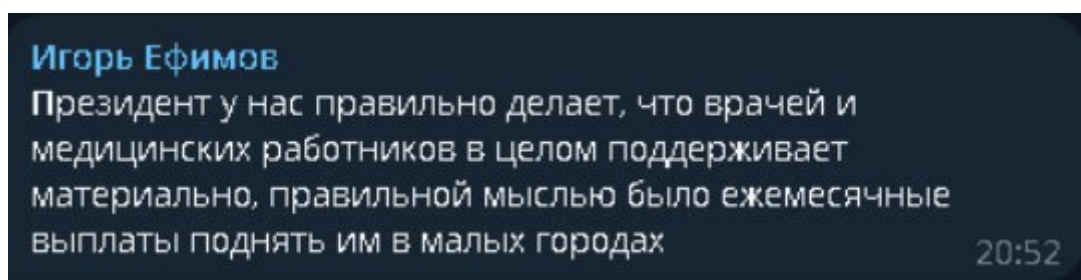

Рис. 49. Пример использования текстового кода в комментариях

Рисунок 50 иллюстрирует использование эмодзи в комментариях, которые выступают в роли невербального кода, дополняющего или замещающего вербальную информацию. Эмодзи выполняют функцию невербального выражения эмоций, интенций и настроений автора комментария, что значительно расширяет коммуникативные возможности текста в цифровой среде (см. рис. 50).

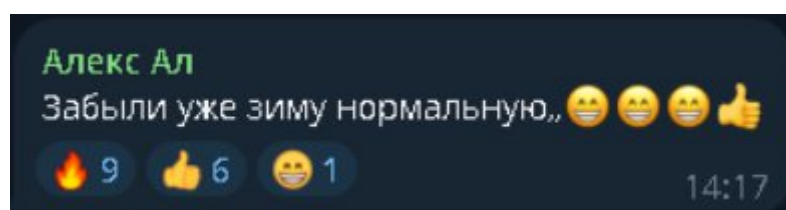

Рис. 50. Пример использования эмодзи в комментариях

Текстовые комментарии в сочетании с картинками не так частотны, как в случае с предыдущим сочетанием, однако пользователи также прибегают к таким способам выражения своей реакции (см. рис. 51). Это свидетельствует о разнообразии поликодовых форм коммуникации, где вербальные и невербальные средства взаимно дополняют друг друга, создавая более насыщенный и многозначный коммуникативный контекст.

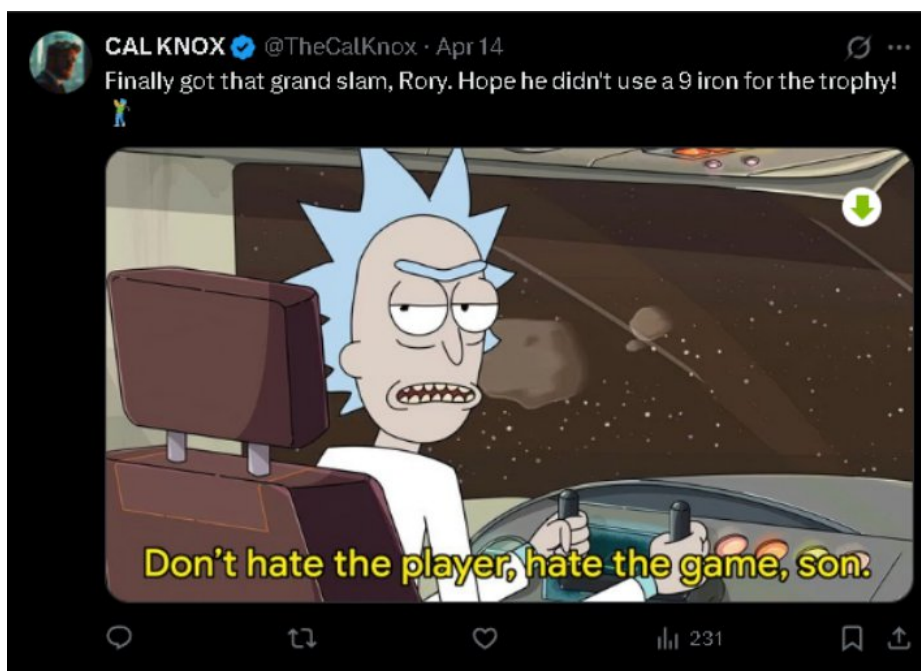

Рис. 51. Пример использования картинок в комментариях

Несколько реже пользователи оставляют комментарии, полностью исключаящие вербальный код, выражаясь только при помощи отдельных эмодзи, картинок, видео и GIF или, в случае с Telegram, анимированных стикеров (см. рис. 51-52). Такой тип комментариев представляет собой чисто невербальный код, который передает эмоциональные и коннотативные значения без использования текста, что подчеркивает значимость визуальных и мультимодальных средств в цифровой коммуникации.

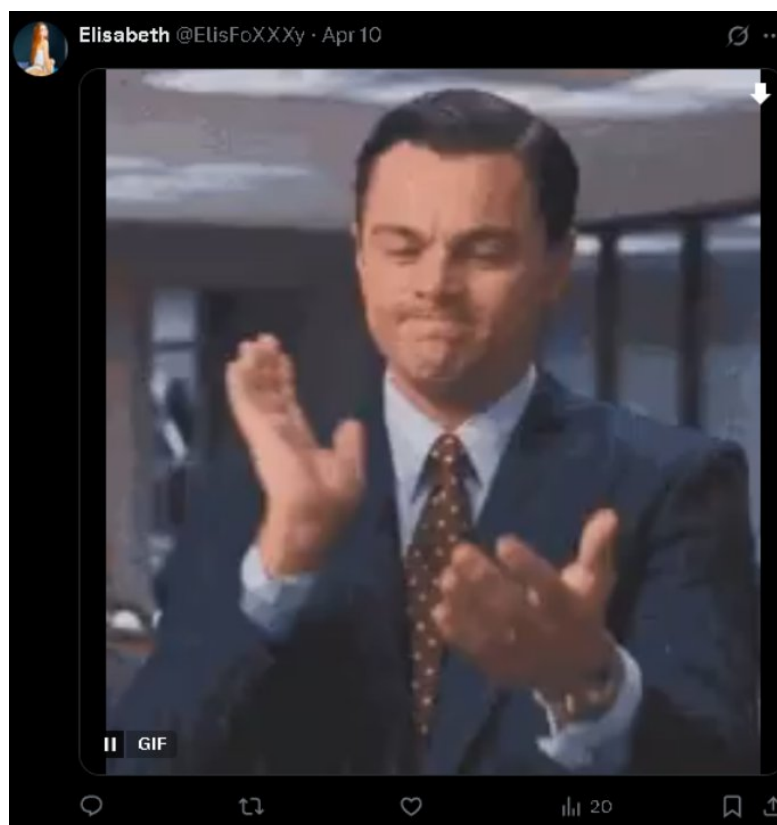

Рис. 52. Пример использования GIF в комментариях

Коды, используемые в комментариях, выражают когнитивную обработку авторской интенции, которая эксплицируется в реакции пользователей вариативно, при этом различия в интерпретации могут быть описаны с опорой на процессы концептуальной организации, рассмотренные в первой главе.

Корректная интерпретация интенции (совпадение с авторским замыслом) может быть обусловлена успешным блендингом (смещением) – когнитивной интеграцией вербального и невербального компонентов поста в единый смысловой фрейм. Комментарии в таких случаях нередко содержат эксплицитные признаки осознания этого взаимодействия: «Фото отлично дополняет то, что написано», «Мем в тему» и т. п.

Ироническое смещение интерпретации возникает, когда активированный у пользователя ментальный фрейм или культурный шаблон не совпадает с авторским, либо вступает с ним в конфликт. Это может быть обусловлено визуальным компонентом поста, который направляет внимание

интерпретатора в неожиданную сторону. Комментарии при этом становятся самостоятельным «блендом», создающим новый смысл: «С такими лицами они явно собрались в бар, а не на переговоры», «Да это же Голлум!» и пр.

Расщепление интерпретации (частичная модификация авторского смысла) может быть связано с фрагментарной активацией ментального пространства: часть сообщения распознается и оценивается, тогда как другие элементы – игнорируются или переосмысливаются. Комментарии в этом случае могут содержать признаки неполного согласия: «В целом согласен, но фото как-то выбивается», «Интересно, но мем неуместен».

Игнорирование интенции связано либо с когнитивной перегрузкой (особенно в случае поликодового сообщения с противоречивыми сигналами), либо с отсутствием релевантного фрейма. Следовательно, активации подходящего фрейма не происходит, и в комментариях это проявляется в виде буквально непонимания («А при чем тут эта картинка?»), смены темы («Зато у нас дороги лучше!») или поверхностных оценок («Опять нытьё»), не затрагивающих суть авторского посыла.

На примере Рисунков 53–56 рассмотрим, как указанные типы интерпретации фиксируются при контент-анализе и как они соотносятся с теми процессами концептуальной организации, что были описаны в параграфе 1.7.

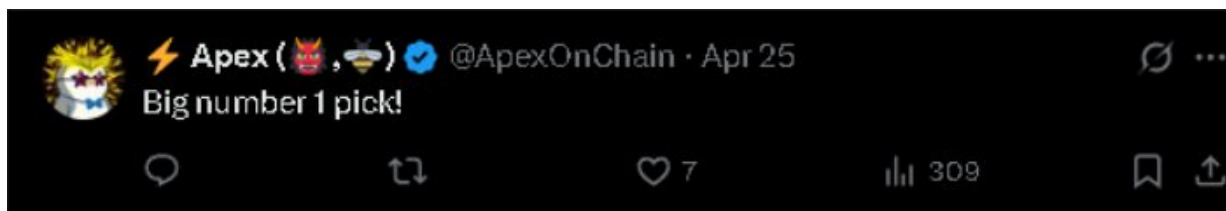

Рис. 53. Корректная интерпретация авторской интенции

В данном примере (см. рис. 53) представлен комментарий к посту CNN о выборе нового квотербека в футбольную команду. Пост сопровождается фотографией с изображением нового игрока в форменной футболке с

номером «1». Происходит активация фрейма «успех» посредством визуального компонента сообщения. Комментатор успешно декодирует торжественный посыл и одобрение автора описываемого события, выразив свою солидарность с позитивной оценкой происходящего.

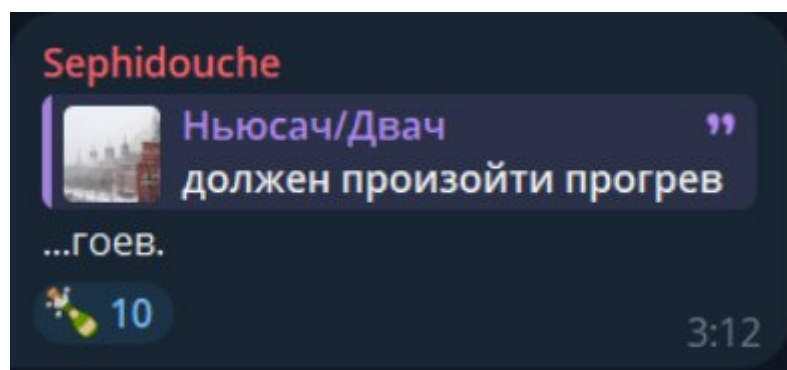

Рис. 54. Ироническое смещение авторской интенции

В представленном примере (см. рис. 54) с канала «Ньюсач/Двач» о погоде в Москве наблюдается ироническое смещение изначальной интенции автора. Это достигается за счет частичного цитирования текста поста и добавления собственного комментария, сформировавшего популярную мемную фразу «прогрев гоев». Такой прием создает комический эффект и изменяет восприятие оригинального сообщения другими читателями.

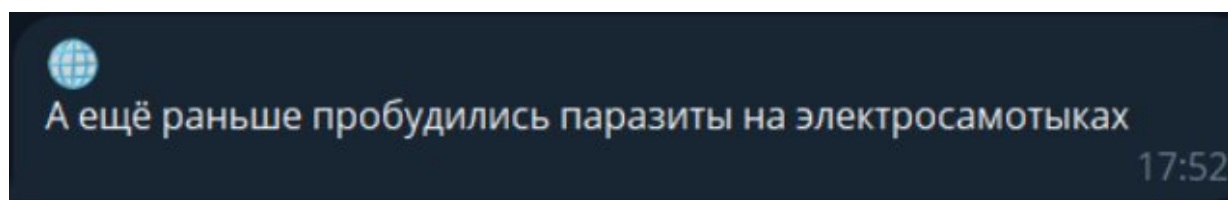

Рис. 55. Расщепление авторской интенции

На скриншоте представлен комментарий к посту об изменении погодных условий и пробуждении клещей (см. рис. 55). Пользователь сохраняет изначальный смысл «пробуждения паразитов» и дополняет его собственным нарративом, в котором в грубой форме называет паразитами любителей

электросамокатов. Такое расщепление интенции позволяет выразить личную позицию, частично изменяя восприятие исходного сообщения.

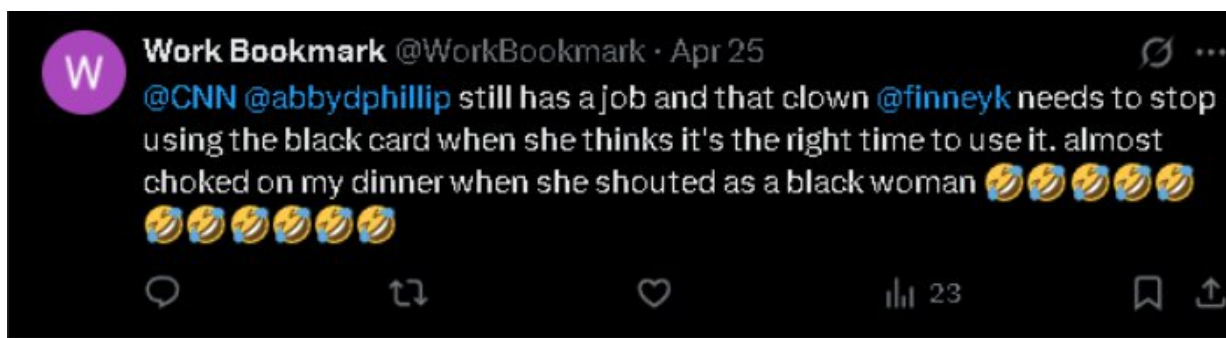

Рис. 56. Игнорирование авторской интенции

Данный пример (см. рис. 56) иллюстрирует относительно частотные комментарии под постами CNN в X (запрещена на территории Российской Федерации), которые отличаются примерно идентичным содержанием. Пользователи выражают негодование в отношении некоторых сотрудников данного СМИ, высмеивают их и зачастую требуют увольнения.

Классификацию типов рецепции авторской интенции, выявленных в ходе анализа языкового материала исследования, можно представить в виде Таблицы 3 (см. Табл. 3):

Тип рецепции интенции	На платформе Telegram	На платформе X (запрещена на территории Российской Федерации)
Корректная интерпретация	3 013	362
Ироническое смещение	891	107
Расщепление	651	78
Игнорирование	1 171	140

Типы рецепции в комментариях (см. Табл. 3): корректная интерпретация – 53,08 %, ироническое смещение – 15,71 %, расщепление – 11,46 %, игнорирование – 20,59 %. Полученные результаты свидетельствуют о преимущественно верном понимании пользователями авторского посыла.

Приведем выявленные закономерности на основе содержательного анализа комментариев.

Распределение модальности реакции в комментариях: поддержка – 24,84 %, несогласие – 14,86 %, нейтралитет – 15,92 %, ирония – 16,14 % (остальные 28,88 % комментариев выпадают из случаев корректной интерпретации или иронического смещения). При этом между русскоязычным и англоязычным субкорпусами можно выделить следующие различия, обусловленные их лингвокультурной спецификой: существенно большее количество комментариев в постах в Telegram свидетельствует о более активной аудитории на данной платформе, чем в X (запрещена на территории Российской Федерации). Частично это также может быть связано с тем, что в соцсети X (запрещена на территории Российской Федерации) наблюдается более строгая модерация: многие комментарии удаляются или помечаются как «Probable Spam» («вероятный спам») или как «additional replies, including those that may contain offensive content» («дополнительные комментарии, включая те, что могут иметь оскорбительное содержание»). Другая особенность состоит в том, что в X (запрещена на территории Российской Федерации) значительно меньшее количество комментариев является частью дискуссии между самими комментаторами и большая часть является реакцией непосредственно на сам пост. Кроме того, сообщения из русскоязычного субкорпуса, включая как сами посты, так и комментарии к ним, были представлены в более развернутом виде, чем более сжатые и лаконичные сообщения англоязычной лингвокультуры. Наконец, в англоязычных комментариях был чаще представлен невербальный код

(изображения, GIF и др.), в то время как в комментариях из русскоязычного субкорпуса более предпочтителен оказался вербальный код, содержащий эмоциональную окраску. Таким образом, этнокультурная специфика презентации информации в комментариях заключалась в выборе наиболее предпочтительного кода выражения перцепции авторской интенции поликодового сообщения.

Кодовая конфигурация комментариев: вербальный код ожидаемо выступал в качестве основного и доминирующего в подавляющем большинстве случаев. невербальный код (эмодзи, GIF, видео и др.) применялся комментаторами как при поддержке и критике содержания поста, так и при его ироническом обыгрывании, расщеплении и игнорировании. Следует отметить, что данные кодовые средства главным образом использовались в роли усилителей интенции (например, смайлики для подчеркнутой поддержки или иронии). Кроме того, отметим, что невербальные компоненты сообщений оказывали значительное влияние на воспринимаемую модальность в пользовательских комментариях.

Для проверки гипотезы исследования видится необходимым подробное сопоставление особенностей комментариев к поликодовым и монокодовым постам с дополнительным проведением экспериментального исследования.

2.4. Визуализация материала в программе Семограф

В целях проведения графосемантического анализа комментариев к новостным постам в настоящем исследовании использована информационно-аналитическая система «Семограф». Данная платформа обладает функциональностью, необходимой для выполнения поставленных задач, включая построение семантических сетей на основе ключевых лексем и визуализацию тематических графов.

Применение программного средства «Семограф» было обусловлено задачей выявления тематических кластеров и устойчивых связей в корпусе

комментариев к поликодовым и монокодовым постам, с фокусом на аспекте восприятия авторской интенции. Это, в свою очередь, позволило осуществить дополнительную проверку (фальсификацию) выдвинутой гипотезы о влиянии поликодовости на успешность интерпретации интенции.

Анализу были подвергнуты выборки из 6 поликодовых и 6 монокодовых постов на русском и английском языках. Объем выборки составил 228 комментариев в поликодовой и 243 комментария в монокодовой группе. Такой объем данных признан достаточным для качественной визуализации и выявления семантических закономерностей в репликах пользователей.

Методологический подход включал этап ручной категоризации содержательных элементов комментариев, за которым следовала вычислительная визуализация посредством указанного программного обеспечения. Такой комбинированный (гибридный) подход позволил сохранить интерпретативную точность анализа при одновременном расширении репрезентативности за счет вычислительных методов.

С целью эмпирической верификации выдвинутой гипотезы посредством графосемантического анализа был проведен полевой анализ выборки комментариев с применением программного обеспечения «Семограф». Для анализа отобраны 243 комментария к монокодовым постам и 228 комментариев к поликодовым постам, размещенным на платформах Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации), на русском и английском языках. Данная выборка легла в основу полевого и кластерного анализа.

В ходе обработки материала были выделены четыре ключевых семантических поля: «комментарии поликодовых постов», «комментарии монокодовых постов», «рецепция интенции» и «модальность реакции». Данные семантические поля были выделены на основе анализа комментариев (их семиотической и прагматической составляющей) с целью выявления корреляции между поликодовостью/монокодовостью, рецепцией интенции и модальностью комментариев.

Поле «рецепция интенции» включает следующие подкатегории: корректная интерпретация, ироническое смещение, расщепление, игнорирование.

Поле «модальность реакции» структурировано по типам реакций: поддержка, несогласие, нейтралитет, ирония.

Данные поля были определены в качестве ключевых параметров контент-анализа и использованы в качестве классификатора при построении графа свободной структуры. Концептуальная схема была перенесена в среду SciVi, а визуализация выполнена с использованием компонента «граф свободной структуры», входящего в функциональный модуль «Семограф».

Результаты визуализации представлены на рис. 57 и позволяют наглядно отследить распределение и взаимосвязи между типами рецепции, модальностями комментариев и типами постов (см. рис. 57).

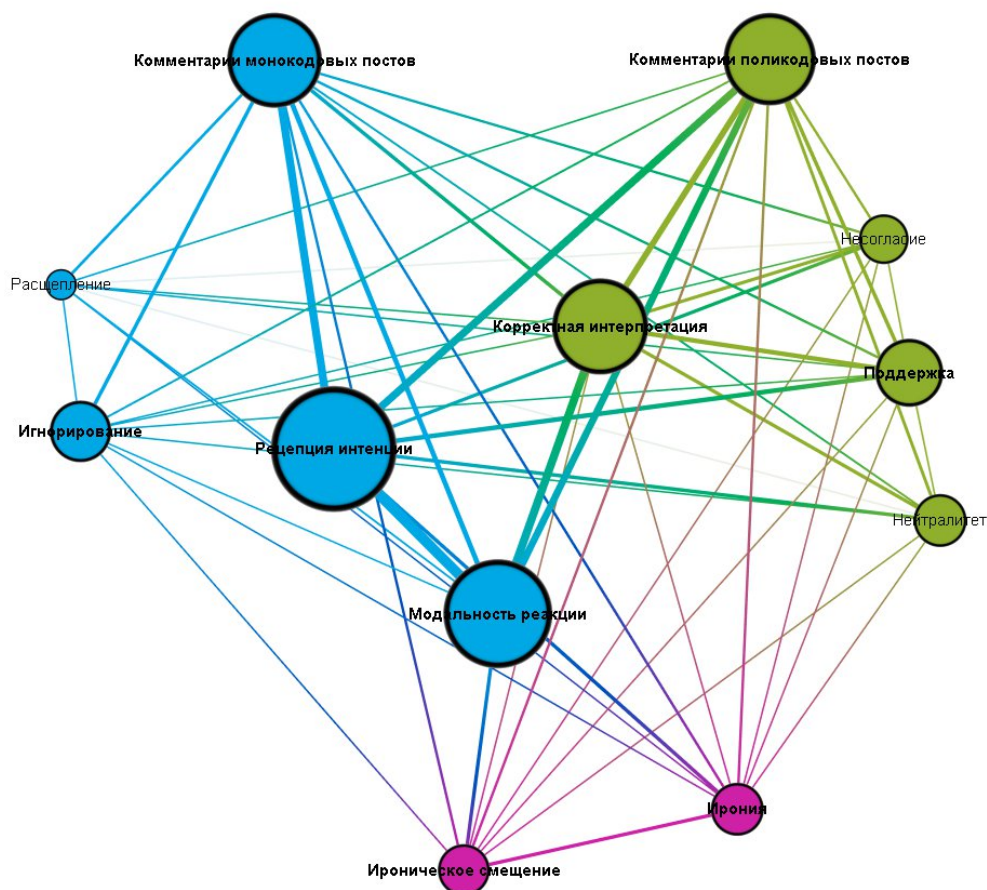

Рис. 57. Визуализация результатов в SciVi

Следует отметить, что результирующий граф визуализации демонстрирует наличие трех четко выраженных кластеров (бирюзового, зеленого и фиолетового) и двух концептуальных ядер: «рецепция интенции» и «модальность реакции».

Бирюзовый кластер включает пять вершин: «комментарии монокодовых постов», «рецепция интенции», «модальность реакции», «игнорирование» и «расщепление». Наиболее значимой вершиной данного кластера выступает «рецепция интенции», что обусловлено тем, что комментарии к монокодовым постам в подавляющем большинстве демонстрируют одну из форм интерпретации авторской интенции.

Зеленый кластер представлен пятью вершинами: «комментарии поликодовых постов», «корректная интерпретация», «поддержка», «несогласие» и «нейтралитет». Доминирующим полем здесь выступает «корректная интерпретация», что свидетельствует о высокой доле точного распознавания авторской интенции в комментариях к поликодовым постам.

Фиолетовый кластер включает две вершины: «ироническое смещение» и «ирония». Сопоставимые размеры данных вершин отражают устойчивую сочетаемость этих категорий: случаи иронической рецепции, как правило, сопровождаются иронической модальностью комментария.

Анализ связей между вершинами графа позволяет сделать следующие наблюдения. В зеленом кластере наиболее тесные связи зафиксированы между полями «комментарии поликодовых постов» и «корректная интерпретация», в меньшей степени – с полем «поддержка». Это подтверждает тенденцию к преимущественно корректной интерпретации авторского замысла при наличии визуального сопровождения.

В то же время, в бирюзовом кластере прослеживается иная картина. Связи поля «комментарии монокодовых постов» с полями «рецепция интенции» и «модальность реакции» фиксируют выраженную активность пользователей,

склонных к самостоятельной интерпретации текста. Однако наибольшую близость по связям с полем «комментарии монокодовых постов» демонстрирует вершина «игнорирование», что позволяет говорить о доминировании этой стратегии рецепции при отсутствии визуального кода.

Обособленное расположение фиолетового кластера с вершинами «ироническое смещение» и «ирония» указывает на их относительно равномерную сочетаемость как с комментариями к монокодовым, так и к поликодовым постам. Таким образом, использование иронии прослеживается вне зависимости от кодовой модальности исходного сообщения.

На основании проведенного кластерного анализа можно заключить следующее:

- для комментариев к монокодовым постам более характерны стратегии игнорирования или расщепления авторской интенции;
- комментарии к поликодовым постам демонстрируют преобладание корректной интерпретации, преимущественно сопровождаемой модальностью поддержки;
- стратегия иронического смещения характерна для обоих типов постов и, как правило, коррелирует с модальностью иронии.

Таким образом, результаты полевого и кластерного анализа, проведенного с использованием программных средств «Семограф» и SciVi, позволяют подтвердить рабочую гипотезу настоящего исследования о влиянии поликодowości на восприятие авторской интенции в интернет-коммуникации.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены ключевые закономерности функционирования поликодового семиозиса в новостной интернет-коммуникации. Основное внимание было сосредоточено на анализе влияния поликодовости на точность интерпретации авторской интенции и характер ее рецепции со стороны аудитории, а также корреляции комбинаций вербального и невербального кодов с модальностью сообщения.

Материалом для анализа послужили поликодовые и монокодовые новостные посты, размещенные на платформах Telegram (русскоязычные каналы Readovka, Ньюсач/Двач) и X (запрещена на территории Российской Федерации) (англоязычные аккаунты Bloomberg, Reuters, CNN). Общий объем корпуса составил 418 постов (209 русскоязычных и 209 англоязычных), к которым было собрано и проанализировано 6359 пользовательских комментариев.

Выдвинутая гипотеза о том, что поликодовость формирует модальность сообщения, усиливает его прагматический эффект и облегчает восприятие интенции в условиях информационной перегрузки, получила обоснование на эмпирическом уровне.

Для проверки гипотезы был реализован многоэтапный лингвокогнитивный анализ, включавший:

- контент-анализ вербальных и невербальных компонентов постов и выявление их модальности;
- классификацию пользовательских комментариев по модальности реакции и типу рецепции;
- визуализацию кодовой структуры с помощью программного обеспечения Semograph;
- лингвистический эксперимент с участием двух выборок респондентов-носителей русского и английского языков (403 и 382 чел.), направленный на

выявление уровня декодирования интенции и оценки роли визуальных компонентов.

Результаты анализа позволили выявить:

- устойчивую зависимость между типом кодовой конфигурации и уровнем интерпретационной точности (например, конгруэнтное и редундантное взаимодействие способствовали точности в 62 % и 61 % соответственно, в то время как расщепленное взаимодействие – 58 %);
- наличие типовых форм рецепции интенции, соотносящихся с когнитивной структурой сообщения (корректная интерпретация – 53,08 %, ироническое смещение – 15,71 %, расщепление – 11,46 %, игнорирование – 20,59 %);
- значительное влияние визуальных элементов на активацию фреймов и эмоциональную окраску восприятия (в том числе на декодирование имплицатур);
- корреляцию между комбинациями вербального и невербального кодов с модальностью сообщения (так субъективная модальность проявлялась в 67 % случаев, в особенности в поликодовых сообщениях);
- этнокультурная специфика презентации информации и ее восприятие заключается в выборе предпочтительного кода выражения перцепции авторской интенции поликодового сообщения. При этом, также наблюдалась заметная разница между частотностью субъективной модальности в русскоязычных и англоязычных сообщениях, $\approx 77\%$ и $\approx 54\%$ случаев соответственно.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИКОДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

3.1. Дизайн лингвистического эксперимента

Эмпирическая проверка положений, сформулированных в предыдущих главах, а также моделирование процессов поликодовой коммуникации в цифровом медиадискурсе обуславливают необходимость проведения лингвистического эксперимента, цель которого – выявить, каким образом наличие визуального компонента влияет на точность, легкость и стратегии интерпретации интенционального посыла в новостных сообщениях, а также какие когнитивные и модальные эффекты возникают в процессе восприятия поликодовых и монокодовых текстов. Полученные экспериментальные данные послужили эмпирической основой для уточнения и дальнейшего развития семиотической модели поликодовой коммуникации, учитывающей распределенный характер интенции, когнитивную обработку сообщения и платформенную специфику цифровых медиа.

Лингвистический эксперимент был проведен с привлечением двух групп респондентов, для которых родным языком являлся либо русский, либо английский. Двухфакторный дизайн эксперимента подразумевал использование двух версий анкеты: «монокодовую» (включающую только текстовые посты) и «поликодовую» (где те же текстовые сообщения сопровождалось визуальными элементами – изображениями). Каждая анкета содержала 7 идентичных по содержанию новостных постов, различающихся только наличием/отсутствием невербального кода. Это позволяло контролировать переменную визуальной поддержки и исключить влияние различий в контенте на результаты.

Анкетирование проводилось в анонимном онлайн-формате с использованием платформы Google Forms, которая была выбрана как

удобный и доступный инструмент с возможностью автоматизации сбора и базовой статистики. Участникам предлагалось пройти опрос, доступ к которому распространялся через мессенджеры, соцсети и e-mail, образец представлен в Приложении (см. Приложение А).

Всего в эксперименте приняли участие 785 респондентов, из которых 177 прошли монокодовую анкету на русском языке, а 226 – поликодовую, в англоязычной версии – 175 и 207 участников соответственно. Респонденты были проинформированы о добровольности и анонимности участия. Персональные данные не собирались. Опрос проводился с мая по июнь 2025-го года.

В начале анкеты для русскоязычных респондентов было приведено краткое описание процедуры эксперимента:

Вы увидите несколько новостных сообщений из Telegram. Ваша задача – определить, что хотел сказать автор, и оценить, насколько его посыл был для Вас понятен.

Каждый участник поэтапно знакомился с семью постами и отвечал на три повторяющихся вопроса после каждого из первых шести сообщений:

1. Что, по Вашему мнению, хотел донести автор этого сообщения?

А) Поддержать/одобрить событие

Б) Высмеять/осудить произошедшее

В) Информировать о новости

Г) Иное: (поле для развернутого ответа)

2. Оцените, насколько легко Вам было понять намерение автора по шкале от 1 (очень сложно) до 5 (очень легко).

1 – очень сложно

2 – сложно

3 – нормально

4 – легко

5 – очень легко

3. Что именно в данном сообщении помогло Вам лучше понять посыл автора?

(поле для развернутого ответа)

После последнего (седьмого) поста респондентам предлагалось оставить открытый комментарий с впечатлениями или замечаниями:

Представьте, что Вы могли бы оставить анонимный комментарий к данному посту. Что бы Вы написали?

(поле для развернутого ответа)

В свою очередь, анкета для англоязычных респондентов, включающая поликодовые и монокодовые сообщения из X (запрещена на территории Российской Федерации), выглядела следующим образом:

You will see several news posts from X. Your task is to decide what the author intended to convey and to rate how clearly their message was to you.

1. What do you think the author's main intention was?

A) To support/endorse the event

Б) To mock/condemn what happened

B) To inform about the news

Г) Other: (поле для развернутого ответа)

2. How easy was it for you to understand the author's intention? Please rate on a scale from 1 (very difficult) to 5 (very easy):

1 – Very difficult

2 – Difficult

3 – Neither difficult nor easy

4 – Easy

5 – Very easy

3. What aspect of this post helped you most to understand the author's message?

(поле для развернутого ответа)

Imagine you could post an anonymous comment under this post. What would you write?

(поле для развернутого ответа)

Образец анкеты с поликодовым текстом приведен в Приложении А (см. Приложение А).

Отметим, что выбор поликодовых текстов из Telegram для русскоязычных респондентов и X (запрещена на территории Российской Федерации) для англоязычных обусловлен стремлением сохранить контекстуальную аутентичность для каждой аудитории.

Результаты обрабатывались сочетанием количественных и качественных методов. Ответы на вопросы 1 и 2 подвергались статистическому анализу: рассчитывалась точность интерпретации (совпадение с экспертной оценкой), а также усредненный балл легкости интерпретации. Сравнение проводилось между двумя группами (моно- и поликодовой), что позволило выявить влияние наличия визуального кода. Ответы на вопрос (3) анализировались качественно: выделялись ключевые элементы, чаще всего упоминавшиеся как способствующие пониманию – текст, изображение, композиция, эмоциональная окраска и т. д. Открытые комментарии использовались как дополнительный источник для выявления субъективных стратегий декодирования и подтверждения общих тенденций. Случаев заведомо бракованных анкет или технических сбоев при заполнении не зафиксировано. Однако в ряде случаев (около 11 %) участники затруднялись с указанием факторов, повлиявших на интерпретацию интенции: в соответствующем вопросе они либо ставили прочерк, либо оставляли формулировку «не знаю/don't know». Эти ответы были включены в анализ как отражение трудностей когнитивной обработки сообщения.

3.2. Результаты и обсуждение эксперимента

Рассмотрим полученные данные, отражающие ответы участников экспериментального исследования. Первое задание предполагало идентификацию авторской интенции каждого поста.

Анализ доли русскоязычных респондентов, правильно определивших интенцию, позволяет выявить значимое различие между двумя группами. В поликодовой группе, где посты сопровождались визуальными элементами, точность интерпретации оказалась существенно выше по сравнению с монокодовой группой, получавшей только текстовую информацию (см. Табл. 4). Это свидетельствует о том, что наличие медийного сопровождения облегчает декодирование коммуникативного замысла автора и способствует более точному восприятию интенционального посыла. Аналогичные данные для англоязычной аудитории – см. Табл 5.

№	Доля верной интерпретации авторской интенции в поликодовых постах	Доля верной интерпретации авторской интенции в монокодовых постах
1	61,9%	58,4%
2	86,3%	78,1%
3	19,5%	15,7%
4	33,6%	9%
5	18,6%	11,8%
6	39,4%	22,5%

Табл. 4. Интерпретация авторской интенции в анкетах русскоязычных респондентов

№	Доля верной интерпретации авторской интенции в поликодовых постах	Доля верной интерпретации авторской интенции в монокодовых постах
1	76,7%	76,2%
2	53,3%	61,9%
3	46,7%	19%
4	40%	28,6%

5	66,7%	61,9%
6	33,3%	28,6%

Табл. 5. Интерпретация авторской интенции в анкетах англоязычных респондентов

Второй пункт анкеты был направлен на выявление субъективной оценки респондентами степени трудности при интерпретации авторской интенции. Участникам предлагалось оценить, насколько легко им удалось определить интенцию, по шкале от 1 (очень сложно) до 5 (очень легко).

Сравнительный анализ средних значений в двух группах русскоязычных респондентов показал, что участники, заполнившие поликодовую версию анкеты, в среднем оценивали процесс интерпретации как более легкий по сравнению с участниками монокодовой группы. Особенно следует подчеркнуть, что в поликодовой группе значительно чаще встречались оценки «5». Кроме того, совокупная доля высоких оценок («4» и «5») в данной группе, как правило, превышала аналогичный показатель в монокодовой выборке (см. Табл. 6).

Аналогичная тенденция наблюдается и в англоязычной выборке. В поликодовой группе 53,3 % участников оценили интерпретацию авторской интенции как «очень легкую» (оценка «5»), еще 30 % выбрали оценку «4». Таким образом, суммарная доля положительных оценок составила 83,3 %. В монокодовой группе значение этого показателя было заметно ниже: 50 % респондентов поставили «5», 15 % – «4», что в сумме составляет 65 %. Доля нейтральных и отрицательных оценок в этой группе также была выше. Эти данные подтверждают вывод о том, что визуальное сопровождение облегчает когнитивную обработку сообщения и способствует более точной интерпретации авторской интенции, независимо от языковой принадлежности респондентов (см. Табл. 7)

№	Оценка легкости интерпретации авторской интенции в поликодовых постах	Оценка легкости интерпретации авторской интенции в монокодовых постах
1	37,2% (5), 25,2% (4)	33,7% (5), 26,4% (4)
2	63,3% (5), 21,2% (4)	55,1% (5), 21,3% (4)
3	34,1% (5), 24,3% (4)	27,5% (5), 23,6% (4)
4	47,3% (5), 18,1% (4)	53,9% (5), 19,1% (4)
5	46,9% (5), 21,7% (4)	34,3% (5), 24,2% (4)
6	30,1% (5), 23,5% (4)	30,3% (5), 24,7% (4)

Табл. 6. Оценка легкости интерпретации авторской интенции в анкетах русскоязычных респондентов

№	Оценка легкости интерпретации авторской интенции в поликодовых постах	Оценка легкости интерпретации авторской интенции в монокодовых постах
1	13,3% (5), 33,3% (4)	47,6% (5), 14,3% (4)
2	40% (5), 36,7% (4)	38,1% (5), 28,6% (4)
3	53,3% (5), 30% (4)	66,7% (5), 4,8% (4)
4	43,3% (5), 30% (4)	42,9% (5), 23,8 (4)
5	20% (5), 53,3% (4)	23,8% (5), 33,3% (4)
6	33,3% (5), 50% (4)	33,3% (5), 33,3% (4)

Табл. 7. Оценка легкости интерпретации авторской интенции в анкетах англоязычных респондентов

На следующем этапе анализа были рассмотрены ответы респондентов на вопрос об элементах сообщения, которые способствовали определению авторской интенции. Применительно к русскоязычным респондентам, в числе наиболее часто упоминаемых компонентов оказались ключевые слова и словосочетания, эмоциональный тон поста, визуальные образы

(фотографии, мемы) и эмодзи. Следует отметить, что часть участников затруднилась с формулировкой ответа на данный вопрос.

Для поликодовой группы характерна высокая чувствительность к стилю изложения и визуальному сопровождению публикации. Многие респонденты указывали на то, что авторская интенция считывалась из сочетания вербального и невербального кодов: ироничных эпитетов («пивозавр», «любитель пива»), сниженной лексики, разговорных выражений и комичных фраз, а также визуальных элементов – таких как изображение пивного магазина с соответствующей вывеской или мемные формулировки. Комбинация текста и изображения, по мнению участников, усиливала иронический эффект и помогала уловить насмешливый настрой автора.

Отдельное внимание респонденты уделяли структуре и подаче материала: логическим абзацам, выделениям (жирный шрифт, заголовки), началу и концовке текста, которые воспринимались как смысловые опорные точки. Повторяемость определенных формул – «мечта превыше всего», «мечта продлилась недолго» – также воспринималась как маркер авторской оценки и иронии. Некоторые отмечали отсутствие явных оценочных суждений при очевидной сатирической направленности высказывания, что указывало на более сложную, имплицитную модальность.

В посте с патриотической песней (вторая публикация) акцент участников сместился на позитивно окрашенные словосочетания («душевное видео», «поднять праздничный дух», «наши защитники»), эмоционально заряженные реакции («разразился аплодисментами», «наслаждались вокалом») и визуальные образы (видео, фото коллектива). Здесь основным индикатором авторской интенции стало позитивное освещение события, одобрительный тон повествования и использование выражений, подчеркивающих патриотизм и коллективную поддержку.

В целом, в ответах поликодовой группы четко прослеживается внимание к модальности высказывания, выраженной как через лексику и синтаксис, так и через визуально-графическое оформление сообщения. Поликодовость

текста воспринималась как важный ресурс интерпретации, позволяющий точнее уловить авторский настрой и интенцию.

Аналогичная картина наблюдается в англоязычной выборке, однако с некоторыми особенностями. В поликодовой группе значительное количество респондентов указывало на визуальные элементы как ключевые факторы интерпретации – фото, подзаголовки, логотипы СМИ (в частности, Bloomberg, Reuters, CNN), а также тональность изображения и его «эмоциональный заряд». Участники подробно комментировали конкретные визуальные и текстовые детали, например: «The subtitle in the picture», «The photo made me sad», «Bloomberg's logo», «the line 'bad news for caffeine lovers but good for bean farmers'», «description of the specific case and its implications». Часто отмечались лаконичность подачи, нейтральный или выразительный тон, а также конкретные цифры и факты (например, «\$304 billion» или «largest one-day gain»), которые, по их мнению, делали интенцию более прозрачной. При этом респонденты нередко фиксировали взаимодействие текста и визуала как единого семиотического блока: «Sometimes picture says more than words».

В монокодовой группе фокус интерпретации сместился в сторону лингвистических характеристик: нейтральный или информативный стиль, грамматическая структура, ключевые слова («deported», «one-day gain», «long-awaited», «first pick»), эмоционально окрашенные фразы, а также последовательность подачи событий. Многие участники обращали внимание на то, что сообщение «не занимало позицию», не содержало оценки, а просто доносило информацию – «Just plain news, not exaggerating», «There were no words in the post that suggested if it was a good news or bad news». Однако также фиксировались случаи непонимания или затруднения в интерпретации, особенно в постах с латентной оценочностью или иронической окраской: «Didn't understand», «It was like gossip», «Confusing», «Don't really understand the context».

Таким образом, данные англоязычного эксперимента подтверждают выводы, полученные на русскоязычном материале: визуальные компоненты усиливают эффект интерпретации и снижают количество рецептивных ошибок, делая сообщение более «читаемым» как на уровне интенции, так и на уровне модальности. Поликодовые посты способствуют активации ассоциативных и эмоциональных механизмов восприятия, в то время как монокодовые чаще опираются на рационально-дискурсивные стратегии интерпретации.

Суммируя, можно отметить, что в поликодовой группе респонденты, как правило, подчеркивали значимость визуальных элементов и их взаимодействия с текстом, указывая на синергетический эффект, который облегчал интерпретацию сообщения. Примечательно, что наличие поликодового компонента нередко смещало внимание респондентов в сторону визуала, в результате чего вербальные элементы, часто отмечавшиеся участниками монокодовой группы, оставались без внимания. В монокодовой версии акцент, напротив, чаще смещался на языковые формулировки, контекстуальные ориентиры и интонационные характеристики текста.

Анализ свободных отзывов, оставленных русскоязычными респондентами после ознакомления с последним постом (новость о повышении пошлин на импортные товары, включая кофе и алкоголь), показал выраженную эмоциональную реакцию аудитории. При этом в большинстве комментариев фиксировалась корректная интерпретация интенции поста с преобладанием нейтральной или сдержанно-оценочной модальности, что свидетельствует о высокой степени понимания авторского посыла.

Примечательно, что в поликодовой группе наличие невербального компонента – изображения с заголовком и визуально оформленным текстом – зачастую смещало внимание респондентов в сторону общего эмоционального фона и визуального импульса, приводя к поверхностной или экспрессивной, но не всегда содержательной реакции. Так, многие участники

ограничивались краткими междометиями («Ого», «Мда», «жесть», «»), эмодзи («», «»), шутками или ироничными замечаниями, отражающими эмоциональную, но не когнитивно углубленную реакцию («Ну снова грустно пиво за шо», «Горе кофеманам», «Переходим на цикорий»). Хотя в ряде случаев прослеживалось понимание сути сообщения (например, «Эта информация предполагает, что цены поднимутся»), чаще реакция проявлялась как эмоциональное отзеркаливание визуального посыла, нежели аналитическая интерпретация текста.

В отличие от этого, в монокодовой группе респонденты демонстрировали большую сосредоточенность на вербальной составляющей поста. Комментарии чаще содержали прямую отсылку к конкретным словам, выражениям или смысловым единицам сообщения («повышение пошлин», «импортозамещение», «недружественные страны»), а также проявляли рефлексию по поводу социально-политического контекста («Почему из-за конфликтов между странами должны страдать граждане?», «Государство топит своих жителей», «Получается, простые люди снова платят за политику»). Наблюдалась более четкая фиксация на фактах и причинах, что указывает на активизацию рационально-дискурсивной стратегии интерпретации.

Полученные данные подтверждают тенденцию, зафиксированную в предыдущих постах: в условиях поликодовости респонденты чаще ориентируются на визуально-эмоциональные стимулы, тогда как в монокодовом сообщении преобладает аналитическая фокусировка на вербальном контенте. Это различие в восприятии указывает на необходимость учитывать модальность и кодовую структуру при оценке эффективности коммуникации и донесения интенции автора.

Похожие результаты были получены и в англоязычной аудитории. В ответ на поликодовый пост (новость Bloomberg о крупнейших убытках в истории у 500 богатейших людей мира, сопровождаемая изображением миллиардеров), респонденты продемонстрировали широкий спектр эмоциональных и

оценочных откликов. Некоторые комментарии носили иронический или саркастический характер: «Billionaire blues! Half a trillion down the drain», «It's like a penny for them», «Hope they can still afford guac on their toast after this tragedy 🥰💔». Другие подчеркивали политическую окраску события и выражали критическое отношение к действиям Дональда Трампа: «Trump playing trump cards», «Fuck Donald Trump», «Kamala Harris was better». В то же время встречались нейтральные и аналитические комментарии, акцентирующие внимание на причинно-следственных связях между политикой и рынком: «The volatility of the global market is a stark reminder of the fragility of wealth», «Ripple effects of policy decisions can be far-reaching». Отдельные участники прямо отмечали, что визуальный образ (например, фото миллиардеров) усилил восприятие сообщения: «The bald one is seen thinking», «The post reveals the dramatic financial impact...».

При отсутствии изображения (монокодовая версия того же поста) характер отзывов несколько менялся. Хотя сохранялись эмоциональные и иронические отклики («They can't afford another Koenigsegg Jesko», «Maybe if they pooled their losses, they could afford a single avocado toast»), в целом комментарии становились более фрагментарными, менее насыщенными интерпретациями и реже содержали упоминания о глубинной интенции автора. Наблюдались также выражения непонимания или безразличия («Speechless», «Idk», «So what?»), а часть респондентов фокусировалась исключительно на фигуре Трампа, не связывая новость с более широким экономическим контекстом.

Таким образом, свободные комментарии подтверждают, что поликодовая форма подачи усиливает интерпретационный отклик аудитории, активизирует оценочную модальность, способствует более целостному восприятию событийного контекста и, в ряде случаев, вызывает более глубокую рефлексию над содержанием сообщения. Монокодовые посты же чаще воспринимаются как «голая информация», вызывающая менее комплексные и более одноуровневые отклики.

Подводя итоги, проведенный лингвистический эксперимент с участием четырех выборок (русскоязычные: поликодовая – 226 чел., монокодовая – 177 чел.; англоязычные: поликодовая – 207 чел., монокодовая – 175 чел.) эмпирически подтвердил влияние визуального сопровождения на интерпретацию авторской интенции. Все группы работали с идентичными текстами новостных сообщений, но только поликодовые версии содержали визуальные элементы (фото, мемы, видео).

Сравнительный анализ показал, что точность интерпретации в поликодовых группах была значительно выше: около 67 % против 42 % в монокодовых в случае русскоязычной аудитории и 53 % против 46 % – в англоязычной. Особенно это различие проявилось при работе с экспрессивной и иронической интенцией. Процесс интерпретации также воспринимался как более легкий: 78 % респондентов поликодовых групп указали, что им «легко» или «очень легко» понять замысел автора (в монокодовых – 51 %). В случае англоязычной аудитории данные показатели составили 66 % и 62 % соответственно.

Стратегии интерпретации в группах различались: участники поликодовой анкеты чаще ссылались на визуальные маркеры (мимику, выразительность изображения, оформление), тогда как монокодовые – на лексику, модальные слова и метафоры. Визуальные элементы повышали точность понимания и активировали фреймовые механизмы интерпретации, усиливали эмоциональный отклик и помогали «считывать» имплицитные смыслы. Например, ирония в постах с мемами распознавалась в 84 % случаев, тогда как без них – лишь в 53 % у русскоязычных респондентов, и 52% у англоязычной.

Комментарии респондентов подтверждают: визуальный код способствует формированию целостного смысла, снижает когнитивную нагрузку и усиливает прагматическую прозрачность. Без визуального контекста чаще фиксировались ошибки, особенно при культурно маркированной или иронической экспрессии.

Поликодовое сообщение действует как распределенный семиотический акт, где интенция выражается через совокупность текстовых и визуальных средств. Это требует от адресата лингвистической, визуальной, фреймовой и прагматической компетенции.

На основе анализа можно предложить уточненную модель поликодовой коммуникации, включающую:

- 1) визуально-семиотическую поддержку: изображение формирует интерпретационный каркас.
- 2) когнитивную оптимизацию: визуальные средства ускоряют и упрощают понимание.
- 3) имплицатурное усиление: визуализация эксплицирует скрытые смыслы.
- 4) платформенную адаптивность: точность интерпретации зависит от возможностей медиа (например, Telegram > X (запрещена на территории Российской Федерации) по разнообразию кодов).

Таким образом, можно заключить, что эффективная интернет-коммуникация в цифровой среде все чаще опирается не на текст как таковой, а на интеграцию кодов, где каждый элемент играет роль в передаче интенционального посыла.

3.3. Модель поликодовой коммуникации

На основе проведенного теоретико-эмпирического анализа разработана модель поликодовой коммуникации, основанная на семиозисе, которая обобщает и систематизирует механизмы взаимодействия вербальных и невербальных кодов в цифровом медиадискурсе, позволяя описать, каким образом создается, структурируется и интерпретируется авторская интенция в сообщениях новостного характера.

Теоретическим основанием для создания модели послужили положения мультимодальной лингвистики [Kress, van Leeuwen, 2001; Baldry, Thibault,

2006], когнитивной лингвистики и прагматики (в частности, теория речевых актов [Searle, 1986], имплицатур [Grice, 1975], теории концептуального блендинга [Fauconnier, Turner, 2002], а также фреймовой семантики [Fillmore, 1982]). В рамках этих подходов поликодовость понимается не просто как совмещение разных каналов передачи информации, но как системное взаимодействие кодов, в результате которого формируется сложный когнитивный и прагматический эффект.

Предложенная модель базируется на следующих ключевых положениях:

1) поликодовость как модус сообщения. Поликодовое сообщение включает как минимум два семиотических кода (вербальный + невербальный), организованных в единую структуру. В цифровом медиадискурсе такими кодами являются текст, изображение, мем, эмодзи, видео, а также интерфейсные элементы (реакции, ссылки, цитаты). Каждый из них может быть носителем интенции и манифестировать авторскую позицию.

2) интенциональный модуль. Авторская интенция формируется в едином семиозисе, распределенном между вербальной и визуальной составляющими. Исходя из результатов контент-анализа и экспериментальных данных, была выделена типология интенций: информативная, оценочная, экспрессивная и ироничная. Эти интенции могут быть эксплицированы, имплицированы либо распределены между кодами (например, ирония задается только мемом, а текст остается нейтральным).

3) когнитивная обработка. При восприятии поликодового сообщения адресат задействует такие процессы концептуальной организации, как:

- интеграция кодов (dual coding [Paivio, 1986]);
- концептуальное смешивание (blending, [Fauconnier, Turner, 2002]) ;
- активация фреймов [Fillmore, 1982];
- управление вниманием и релевантность [Sperber & Wilson, 1995];
- аффективная обработка визуала [Lang, 2000; Phelps, 2006]);
- распознавание имплицатур [Grice, 1975].

4) модуль рецепции. На основе анализа 6 359 комментариев выделены типы рецепции авторской интенции: корректная интерпретация, ироническое смещение, расщепление, игнорирование. Они могут быть выражены в вербальной, невербальной или поликодовой форме. Модальность реакции классифицируется как: поддержка, несогласие, нейтралитет, ирония.

5) платформенный модификатор. Специфика платформы влияет на реализацию поликодового семиозиса: Telegram допускает более длинные тексты, использование стикеров, последовательных изображений и лонгридов, тогда как X (запрещена на территории Российской Федерации) ограничивает объем доступных знаков. Это определяет плотность кодов и характер взаимодействия автора с аудиторией.

Таким образом, структурно модель поликодовой коммуникации включает пять взаимосвязанных уровней:

1) кодовый уровень:

- Вербальный код (текст): номинирует, аргументирует, структурирует.
- невербальный код (изображения, эмодзи, видео): усиливает, эмоционализирует или переопределяет сообщение.

2) интенциональный уровень:

- Автор формулирует одну или несколько интенций (информативную, экспрессивную, конативную, дискредитирующую и др.) и реализует их средствами одного или нескольких кодов.
- Поликодовость позволяет комбинировать открытые и имплицитные уровни интенции (в том числе через блендинг и визуальные метафоры).

3) когнитивный уровень:

- Адресат осуществляет когнитивную обработку сообщения, задействуя фреймы, ментальные пространства, релевантные стратегии и механизмы аффективной фильтрации.
- Важную роль играют наиболее заметные визуальные элементы сообщений, определяющие фокус внимания и траекторию интерпретации.

4) рецептивный уровень (комментарии):

– Форма комментария определяется как по модальности (поддержка, несогласие, ирония, нейтралитет), так и по типу интерпретации (корректная, ироническая, расщепленная, игнорирующая).

– Кодовая конфигурация комментария варьируется: от чисто вербальной до поликодовой (включая эмодзи, изображения, гифки).

5) платформенный уровень:

– Особенности платформы (длина сообщений, доступные медиасредства, нормы взаимодействия) влияют на форму подачи постов и характер комментариев.

– Лингвокультурная специфика восприятия поликодовых текстов (русскоязычных в Telegram, и англоязычных в X (запрещена на территории Российской Федерации)), обуславливает различия в выборе вербальных и невербальных средств выражения реакции на авторскую интенцию представителями различных лингвокультур.

Визуально модель может быть представлена как динамическая схема, где сообщение проходит следующие этапы (см. Рис. 57):

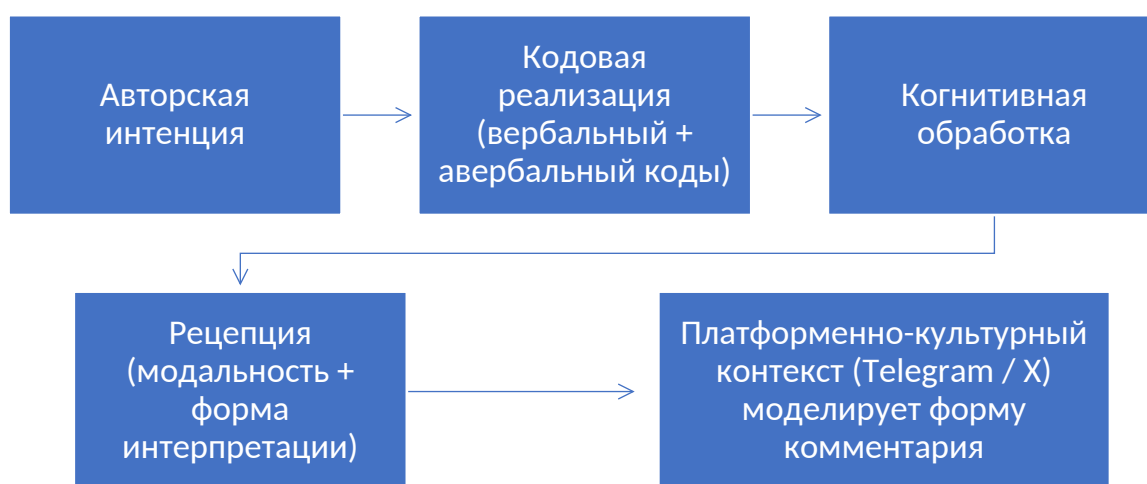

Рис. 58. Схема модели поликодовой коммуникации

Данная модель демонстрирует, что поликодовый семиозис – это не просто расширенный способ подачи информации, но и прагматико-когнитивная система, внутри которой создается и передается авторская интенция. Она позволяет анализировать эффективность интернет-коммуникации с учетом формата, платформенной специфики, культурных фреймов и модальности реакции аудитории.

Ценность предложенной модели состоит в следующем:

- она позволяет аналитически выделить этапы смыслообразования и интерпретации в поликодовом медиадискурсе;
- учитывает как теоретические положения (из когнитивной лингвистики, семиотики, прагматики), так и реальные данные (статистика комментариев, результаты эксперимента);
- применима для анализа новостного контента, маркетинговых коммуникаций, образовательных и политических сообщений в цифровой среде.

Таким образом, предложенная модель поликодовой коммуникации, основанной на семиозисе, обобщает ключевые принципы интернет-коммуникации как прагматико-когнитивного процесса, в котором взаимодействие кодов формирует сообщение и предопределяет успешность его интерпретации адресатом.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Проведенный лингвистический эксперимент с участием русскоязычных и англоязычных респондентов позволил выявить устойчивые закономерности рецепции сообщений, различающихся по кодовой структуре.

Экспериментальные данные показали, что включение визуального компонента в структуру сообщения в целом повышает точность интерпретации авторской интенции и субъективно облегчает процесс ее распознавания. Поликодовые сообщения активируют не только рационально-дискурсивные, но и аффективные и ассоциативные механизмы восприятия, что способствует более быстрому формированию интерпретационного фрейма и снижению когнитивной нагрузки адресата. При этом влияние визуального кода особенно отчетливо проявляется в сообщениях с имплицитной, иронической или оценочной интенцией.

Анализ стратегий интерпретации показал, что в условиях поликодовости внимание адресата часто смещается в сторону визуально-графических элементов, которые начинают выполнять функцию интерпретационных якорей и задают модальность восприятия всего сообщения. В монокодовых текстах, напротив, доминируют аналитические стратегии, основанные на лексико-семантических, синтаксических и контекстуальных признаках. Это различие указывает на принципиально разные траектории когнитивной обработки информации в зависимости от кодовой конфигурации сообщения.

Существенным результатом исследования стало выявление того, что поликодовый формат не только повышает интерпретационную прозрачность, но и модифицирует характер рецептивной реакции: комментарии к поликодовым постам чаще носят эмоционально-оценочный и экспрессивный характер, тогда как монокодовые сообщения стимулируют более рефлексивные и содержательно ориентированные отклики. Таким образом, поликодовость влияет не только на понимание интенции, но и на форму коммуникативного ответа.

На основании анализа постов и пользовательских комментариев в Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации) была разработана семиотическая модель поликодовой коммуникации, отражающая путь от авторской интенции к рецепции, с учетом вербальных и невербальных кодов, когнитивной обработки и платформенных особенностей. Модель позволяет систематизировать взаимодействие кодов и оценить эффективность смысловой передачи в условиях цифрового медиадискурса.

Таким образом, третья глава позволила эмпирически верифицировать и уточнить предложенную модель поликодовой коммуникации, основанной на семиозисе, зафиксировать особенности реализации авторской интенции в условиях цифрового медиадискурса и выявить закономерности восприятия, релевантные как для теоретического описания, так и для прикладных задач медиалингвистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании была построена и верифицирована семиотическая модель поликодовой коммуникации, отражающая корреляцию вербального и невербального компонентов сообщения в условиях цифрового медиадискурса, установлена связь между поликодовостью и эффективностью восприятия интенции. Достигнутые результаты подтверждают, что поликодовость (совместное использование текста, визуальных и аудиоэлементов, интерфейсных реакций) интернет-сообщения как комбинация вербального и невербального кода формирует модальность сообщения, предполагает наличие имплицатур, декодирование которых позволяет интерпретировать коммуникативную интенцию автора получателем, что доказывает верность гипотезы настоящего исследования.

Во введении были сформулированы восемь задач, направленных на выявление лингвокогнитивных характеристик поликодового семиозиса и его корреляции с модальностью и восприятием авторской интенции в виртуальной коммуникации. Их поэтапное решение позволило получить следующие выводы.

Уточнено само понятие поликодовости как не просто совмещения кодов, но их когерентного взаимодействия, создающего особую прагматико-когнитивную структуру сообщения. В отличие от широкого понятия мультимодальности, поликодовость фокусируется на семиотической конфигурации сообщения и принципах смыслообразования, возникающих в результате взаимодействия кодов. Поликодовый семиозис при этом выступает как процесс прагматико-когнитивного порождения и интерпретации смыслов, реализуемый через взаимодействие вербальных и невербальных кодов в структуре поликодового сообщения в интернет-коммуникации. Другим важным понятием в исследовании является модальность как имманентная характеристика поликодового текста, связанная с комбинацией используемых в сообщении кодов.

На материале новостных постов и комментариев на русском и английском языках были выделены ключевые функции вербального (номинативная, репрезентативная, прагматическая, модальная, структурно-связующая) и невербального (иллюстративная, модально-экспрессивная, прагматическая, когнитивная, идентификационная) компонентов, а также типы их взаимодействия: конгруэнтное, редундантное, расщепленное, фреймовое, интерпретативное.

Изучена специфика поликодовой коммуникации на платформах Telegram и X (запрещена на территории Российской Федерации), выявлено, что каждая из них формирует собственные жанровые особенности и ограничения: в то время как X (запрещена на территории Российской Федерации) стимулирует лаконичность (не более 280 знаков текста), ироничность и доминирование визуальных элементов, Telegram поддерживает более развернутую, прагматически насыщенную подачу материала с возможностью оформления, структурирования и ориентацией авторов на поликодовость сообщений. Субъективная модальность проявлялась в большинстве (около 67 %) случаев, при этом установлена заметная разница между частотностью субъективной модальности в русскоязычных (выражалась примерно в 77 % случаев) и англоязычных (выражалась приблизительно в 54 % случаев) сообщениях.

Раскрыто понятие авторской интенции с опорой на прагматику речевых актов и теорию имплицатур Г. П. Грайса. Рабочая типология включает информативную, оценочную (с включением комплиментарной и дискредитирующей), экспрессивную, ироничную/развлекательную интенции. В свою очередь, имплицатуры выступают в качестве важного инструмента выражения интенции, подчеркивая скрытый посыл автора при помощи вербального и невербального кода, что полностью меняет восприятие сообщения в контексте. Анализ комментариев показал, что поликодовые посты повышают точность интерпретации: в Telegram $\approx 42\%$, в X (запрещена на территории Российской Федерации) $\approx 40,5\%$, в частности, конгруэнтное и редундантное взаимодействие способствовали точности в 62 % и 61 %

соответственно, в то время как расщепленное взаимодействие – 58 %. Англоязычная аудитория продемонстрировала большую долю отрицательных ($\approx 9,7$ %) и меньшую долю комментариев, нерелевантных теме сообщения ($\approx 13,9$ %), по сравнению с русскоязычной при более активном использовании невербального кода в сообщениях, в то время как в русскоязычной лингвокультуре предпочтительным кодом вербализации восприятия авторской интенции оказался вербальный, что обусловлено этнокультурной спецификой.

Эксперимент с участием двух выборок респондентов на русском и английском языках (403 и 382 чел.) подтвердил, что наличие невербального сопровождения (изображения, видео, аудио) повышает как субъективную оценку удобства интерпретации интенции (на 15–20 %), так и объективную согласованность с экспертной интерпретацией (на 25–30 %).

Контент-анализ показал, что восприятие авторской интенции проявляется в четырех основных формах: корректная интерпретация (≈ 53 %), игнорирование ($\approx 20,6$ %), ироническое смещение ($\approx 15,7$ %), расщепление смыслов ($\approx 11,5$ %). По модальности реакции распределение составило: поддержка – 34,9 %, несогласие – 20,9 %, нейтралитет – 22,4 %, ирония – 22,7 %. В целом ≈ 71 % комментариев представляют осознанную реакцию на интенцию, что демонстрирует активное когнитивное участие аудитории.

В качестве итогового результата настоящего исследования была предложена семиотическая модель поликодовой коммуникации, отражающая взаимодействие различных уровней сообщения – от авторской интенции до рецепции со стороны пользователя. Модель включает: (1) кодовый уровень – структуру сообщения (текст, визуальные и аудиовизуальные компоненты, интерфейсные средства); (2) интенциональный уровень – авторскую интенцию, выражаемую с помощью вербальных и невербальных средств (в том числе через семантику языкового компонента, смешивание и визуальные метафоры); (3) когнитивный уровень – когнитивную обработку сообщения адресатом при помощи фреймов, ментальных пространств, релевантных

стратегий, механизмов аффективной фильтрации; (4) рецептивный уровень – когнитивную обработку и интерпретацию поста, формирующую комментарии и другие реакции; (5) платформенный уровень – особенности среды (Telegram, X (запрещена на территории Российской Федерации)), влияющие на структуру и восприятие сообщения. Такая модель позволяет операционализировать анализ поликодовой коммуникации, выявляя закономерности передачи и декодирования смысла в условиях цифрового медиадискурса.

Следует отметить, что полученные результаты не носят абсолютного характера: вариативность интерпретаций может быть обусловлена культурными, ситуативными и когнитивными факторами. Кроме того, лингвистическая специфика платформ, алгоритмы ранжирования и формат подачи постов также могут существенно влиять на успешность декодирования интенции.

Перспективным представляется расширение исследования в направлении анализа других цифровых платформ (Reddit, TikTok, YouTube). Отдельного внимания требует изучение динамики пользовательских реакций в условиях алгоритмически сформированной ленты и роли поликодowości в формировании «информационного пузыря», то есть ситуации, при которой пользователь ограничивается лишь контентом, который соответствует его текущим взглядам, интересам и поведению. Также актуальна разработка автоматизированных средств распознавания интенции и рецепции на основе нейросетевых моделей и семиотических теггеров, то есть систем, которые идентифицируют и присваивают семиотические метки (теги) элементам коммуникации, выделяя значимые знаки, коды или смысловые единицы для последующего анализа, интерпретации или классификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимуратов, О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность (Система корреляций) [Текст]: дисс... канд. докт. филолог. наук: 10.02.19: защищена 25.11.2005 / Алимуратов Олег Алимуратович. Ростов-на-Дону, 2004. – 520 с.
2. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Текст]: учеб. пособие для студентов фак. иностр. языков вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: ТЕЗАРУС, 2013. – 128 с.
3. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. I. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
4. Ариас, А.-м. Поликодовость как качественная характеристика современной коммуникации и стратегическая составляющая в языковом образовании (на материалах немецкого языка) [Текст] / А.-м. Ариас, Т.А. Иванченко // Социология и право. – 2016. – № 3 (33). – С. 39-44.
5. Байкова, А.В. Мультиmodalный дискурс-анализ как один из методов коммуникативно-прагматического подхода к пониманию языка и текста [Текст] / А.В. Байкова // Вестн. Шадринского гос. пед. ун-та. – 2022. – № 2 (54). – С. 230-234.
6. Баранов, А.Н. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии [Текст] / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 41-115.
7. Барт, Р. Риторика образа [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. С. Зенкина и др.; Общ. ред. М. Ямпольского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 277-285.
8. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Современник, 1979. – 318 с.

9. Белоусов, К.И. Графо-семантическое моделирование концептуальной организации текста [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская. – Бийск: БГПУ, 2005. – 128 с.
10. Беляков, И.В. Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект) [Текст]: дисс... канд. филолог. филолог. наук: 10.02.19 / Беляков Иван Михайлович. М., 2009. – 164 с.
11. Бигунова, Н.А. Положительная оценка: от когнитивного суждения к коммуникативному высказыванию [Текст]: монография / Н.А. Бигунова. – Одесса: КП «ОМД», 2017. – 601 с.
12. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст]: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 284 с.
13. Большакова, Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» [Текст] / Л.С. Большакова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия: Языкознание. – Самара, 2008. – № 4 (63). – С. 19-24.
14. Буб, А.С. Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами [Текст] / А.С. Буб, Артеменко Е.Д // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 32-45.
15. Бубнова, Н.А. Роль авторской интенции в манипуляции сознанием с помощью языка (на материале публицистики) [Текст] / Н.А. Бубнова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 1. – С. 50-54.
16. Буденкова, В.Е. Поликодовый текст как средство политической идентификации: анализ российской блогосферы [Текст] / В.Е. Буденкова, Е.Н. Савельева, О.В. Князюк // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2023. – № 2. – С. 115-138.
17. Ван, Ю. Способы вербализации вежливости и антивежливости в русскоязычных интернет-комментариях [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук / Юэ Ван. – М., 2023. – 24 с.

18. Васильева, Л.В. Теоретические подходы в изучении модальности [Текст] / Л.В. Васильева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 44. – С. 113-116.

19. Вашунина, И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста [Текст]: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ирина Владимировна Вашунина. М., 2009. – 511 с.

20. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 616 с.

21. Вульфович, Б.Г. Репрезентация языковой личности комментатора в Интернет-дискурсе: лингвопрагматический аспект [Текст] / Б.Г. Вульфович, В.В. Катермина // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2023. – № 16. – С. 83-89.

22. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. Статей по языкознанию. – М., 1958. – 304 с.

23. Гальперин, П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Психология как объективная наука / П.Я. Гальперин. – М.: Издательство Институт практической психологии, Воронеж: НПО Модек, 1998. – С. 272-317.

24. Гималетдинова, Г.К. Сентимент-анализ читательских комментариев: автоматизированная vs ручная обработка текста [Текст] / Г.К. Гималетдинова, Е.Х. Довтаева // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163. – № 1. – С. 65-80.

25. Голев, Н.Д. О центростремительной тенденции в комментировании новостей в социальных сетях [Текст] / Н.Д. Голев, М.А. Сушкина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2022. – Т. 1, № 4(4). – С. 185-190.

26. Голев, Н.Д. О центробежной тенденции в комментировании новостей в социальных сетях [Текст] / Н.Д. Голев, М.А. Сушкина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 1(5). – С. 1-6.

27. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: ИТД Городец, 2003. – 334 с.

28. Гульшина, А.Е. Лингвостилистические особенности текста веб-сайта: проблема смыслового восприятия (на материале презентационных текстов веб-сайта) [Текст]: дис... канд. филол. наук / Анастасия Евгеньевна Гульшина. М., 2006. – 155 с.

29. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. [Текст] / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

30. Демьянков, В.З. Согласование и адаптация модальностей [Текст] / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. Выпуск 38. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 1 ноября 2019 года. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – С. 88-100.

31. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиареч [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.

32. Забросаева, И.А. Особенности когнитивной лингвистики [Текст] / И.А. Забросаева // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 12-1 (40). – С. 98-102.

33. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности [Текст] / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

34. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 2001. – 272 с.

35. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 702 с.
36. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 390 с.
37. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов – М.: Наука, 1987. – 261 с.
38. Катермина, В.В. Языковая личность в контексте цифровой культуры [Текст] / В.В. Катермина // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы IX Всероссийской научной конференции, Краснодар, 22-25 ноября 2023 года. – RUS: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 143-145.
39. Катермина, В.В. Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter [Текст] / В.В. Катермина, А.А. Гнедаш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 59-71.
40. Кибрик, А.А. Мульти模альная лингвистика [Текст] / А.А. Кибрик // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – Вып. 4. – С. 135-152.
41. Ким, Л.Г. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации [Текст] / Л.Г. Ким, А.А. Рольгайзер // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 3(43). – С. 286-294.
42. Киуру, К.В. Поликодовый коммуникационный продукт: проблемы терминологии [Текст] / К.В. Киуру, А.Д. Кривонос // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17). – С. 37-46
43. Клеменова, Е.Н. Принципы построения медиатекста в Telegram канале [Текст] / Е.Н. Клеменова, А.В. Муха // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Журналистика. – 2023. – №1 (142). – С. 8-14.

44. Клундук, С.С. Технологии создания медиатекстов [Текст] / С.С. Клундук. – Брест: БрГУ, 2025. – 87 с.
45. Колмогорова, А.В. Радость болельщиков в социальных сетях: вербальные, паравербальные и невербальные средства выражения [Текст] / А.В. Колмогорова, С.Р. Ахмадеева // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – № 2(46). – С. 34-52.
46. Колмогорова, А.В. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе [Текст] / А.В. Колмогорова, Ю.А. Горностаева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 188 с.
47. Колмогорова, А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке [Текст] / А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 48-58.
48. Колокольцева, Т.Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации [Текст] / Т.Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 164-173.
49. Коробова, О.В. Когнитивные технологии построения, трансляции и восприятия концептуальных систем участников мультимодальной интеракции [Текст] / О.В. Коробова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 4. – С. 56-63.
50. Красных, В.В. Основы психолингвистики [Текст]: лекционный курс / В. В. Красных. – Изд. 2-е, доп. – М.: Гнозис, 2012. – 332 с.
51. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
52. Кузьмина, Е.О. Поликодовые тексты как лингвистический и методологический феномен в обучении русскому языку как иностранному [Текст] / Е.О. Кузьмина, Н.А. Красикова // Наука и школа. – 2021. – № 5. – С. 212-217.

53. Кучина, С.А. Анализ визуально-графических элементов электронного художественного текста [Текст] / С.А. Кучина // МНКО. – 2020. – № 4 (83). – С. 324-327.

54. Кушнерук, С.Л. Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата [Текст] / С.Л. Кушнерук // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 85-91.

55. Ленкова, Т.А. Эволюция понятия «креолизированный медиатекст» в аспекте семиотики и психологии (на материале надрегиональной прессы Германии) [Текст] / Т.А. Ленкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 4-2. – С. 158-163.

56. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.

57. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992. – 240 с.

58. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

59. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб., 1998. – С. 14-285.

60. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / Г.М. Маклюэн. – М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> (дата обращения 10.12.2025).

61. Мельник, Н.В. Делегитимирующий потенциал аксиологической оппозиции «свой-чужой» (на материале англоязычных политических интернет-комментариев) [Текст] / Н.В. Мельник, О.В. Митякина // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 172-185.

62. Найссер, У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии [Текст] / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
63. Немов, Р.С. Общая психология: краткий курс [Текст] / Р.С. Немов. – СПб.: Питер, 2007. – 304 с.
64. Нисбетт, Р. Человек и ситуация: взгляд социального психолога [Текст] / Р. Нисбетт, Л. Росс. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 284 с.
65. Носуленко, В.В. Психология слухового восприятия [Текст] / В.В. Носуленко. – М.: Наука, 1988. – 214 с.
66. Омеляненко, В.А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности [Текст] / В.А. Омеляненко, Е.Н. Ремчукова // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17). – С. 66-78.
67. Остин, Дж. Л. Избранное / Дж. Остин. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
68. Островская, Т.А., Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации? [Текст] / Т.А. Островская, З.Р. Хачмафова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 34-41.
69. Павлова, Н.Д. Интент-анализ: Основания, процедура, опыт использования [Текст] / Н.Д. Павлова, Т.А. Гребенщикова. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 151 с.
70. Панфилова, А.П. Теория и практика общения [Текст]: учеб. пособие для студентов сред. учеб. заведений / А.П. Панфилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 288 с.
71. Пиаже, Ж. Психология интеллекта [Текст] / Ж. Пиаже – М.: Педагогика, 1994. – 286 с.
72. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения [Текст] / Ч.С. Пирс. – М.: Прогресс, 1993. – 368 с.
73. Пойманова, О.В. Семантическое пространство видеовербального текста [Текст]: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Валентиновна Пойманова. – М., 1997. – 237 с.

74. Полякова, Е.В. Медiateкст как поликодовая текстовая структура [Текст] / Е.В. Полякова // Вестник Башкирского университета. – 2021. – № 4. – С. 1031-1034.

75. Рацибурская, Л.В. Проблема поликодовости как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медиальных новообразований) [Текст] / Л.В. Рацибурская, С.Г. Бусарева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2021. – № 4. – С. 831-846.

76. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.

77. Савельева, И.В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования [Текст]: дис... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Савельева Ирина Викторовна. – Кемерово, 2022. – 496 с.

78. Самойлова, М.Н. Когнитивная стратегия языковой модальности [Текст] / М.Н. Самойлова, М. В. Шепелева // БГЖ. – 2018. – № 1 (22). – С. 147-150.

79. Сафина, А. Р. Особенности жанров интернет-СМИ [Текст] / А.Р. Сафина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – № 2-1. – С. 226-229.

80. Сергеева, Ю.М. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия [Текст] / Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова // Наука и школа. – 2014. – № 4. – С. 128-134.

81. Слышкин, Г.Г. Концепт и дискурс: Лингвокогнитивное исследование [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2000. – 280 с.

82. Солнцева, Е.С. К вопросу о свойствах медиадискурса [Текст] / Е.С. Солнцева // Известия ВГПУ. – 2019. – № 8 (141). – С. 147-153.

83. Сонин, А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов [текст] дис... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Сонин Александр Геннадиевич. – Москва, 2006. – 323 с.

84. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция [Текст] / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: кол. моногр. / отв. ред. Р.Г. Котов – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
85. Соссюр, Ф.де. Курс общей лингвистики / Ф.де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 269 с.
86. Удод, Д.А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста [Текст] / Д.А. Удод // Современная филология: материалы 2-й междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 97-99.
87. Успенский, Б.А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: РГГУ, 2007. – 297 с.
88. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52-84.
89. Фирсова, Т.Г. Жанровое своеобразие официальных телеграм-каналов высших учебных заведений [Текст] / Т.Г. Фирсова, О.В. Кощеева // Жанры речи. – 2024. – № 4 (44). – С. 368-384.
90. Фомин, А.Г. Мем как вирус интернет-коммуникации [Текст] / А.Г. Фомин, Ш.Р. Габитов // Язык и культура. – 2023. – № 61. – С. 63-85.
91. Фомин, А.Г. Поликодовость как фактор эффективности коммуникации (на материале новостных постов в Telegram) [Текст] / А.Г. Фомин, Ш.Р. Габитов // Вестник Нижегородского гос.о лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2025. – Вып. 2 (70).
92. Фомин, А.Г. Поликодовый семиозис коммуникации на цифровых социальных площадках [Текст] / А.Г. Фомин, Ш.Р. Габитов // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». – 2025. – № 2 (45).
93. Фомин, А.Г. Межъязыковой каламбур в свете теории концептуальной интеграции [Текст] / А.Г. Фомин, С.С. Медведев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. – № 4. – С. 101-107.

94. Чесноков, П.В. Основные единицы языка и мышления [Текст] / П.В. Чесноков. – Ростов н/Д.: Ростов. книж. изд-во, 1966. – 287 с.
95. Чижикова, С.Н. Вербальные и невербальные компоненты в креолизированных текстах (на примере мультимедийных презентаций) [Текст] / С.Н. Чеснокова // Концепт. – 2016. – № S7. – С. 64-69.
96. Шейгал, Э.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Э.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2000. – 326 с.
97. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – М.: Прогресс, 1985. – С. 193-230.
98. Якобсон, Р.О. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.
99. Attardo, S. Irony as Relevant Inappropriateness [Текст] / S. Attardo // Journal of Pragmatics. – 2000. – Vol. 32. – P. 793-826.
100. Baldry, A. Multimodal Transcription and Text Analysis [Текст] / A. Baldry, P. Thibault. – London: Equinox, 2006. – 260 p.
101. Barthes, R. Image, Music, Text [Текст] / R. Barthes. – New York: Hill and Wang, 1977. – 220 p.
102. Barthes, R. The Responsibility of Forms: Critical Essays on Music, Art, and Representation [Текст] / R. Barthes. – New York: Hill and Wang, 1985. – 296 p.
103. Bartlett, F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology [Текст] / F.C. Bartlett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 317 p.
104. Bateman, J.A. Multimodality: Foundations, Research and Analysis [Текст] / A. Bateman, J. Wildfeuer, T. Hiippala. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. – 312 p.

105. Bolivar, V. Visual Literacy and Digital Communication. The Role of Media in New Educational Practices [Текст] / V. Bolivar // Revista Electrónica de Lingüística Aplicada. – 2023. – Vol. 21. – P. 198-202.
106. Butyrina, M.A. Cancel Culture as a Discursive Event: on the Use of CDA in Social Media Research [Текст] / M.A. Butyrina, V.N. Shabunina, Zh. Osovitskaya, M.A. Komova // CEUR Workshop Proceedings. – Vol. 3851. – 2024. – P. 1-13.
107. Clark, H.H. Definite Reference and Mutual Knowledge / H.H. Clark, Marshall C.R. [Текст] // Elements of discourse understanding / Ed. by A.K. Joshi, B.L. Webber, I.A. Sag. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 10-63.
108. Clark, H.H. On the Pretense Theory of Irony [Текст] / H.H. Clark, R.J. Gerrig // Journal of Experimental Psychology: General, 1984, – Vol. 113, – No. 1. – P. 121-130.
109. Clark, H.H. Using language [Текст] / H.H. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 432 p.
110. Craik, F.I.M. Levels of processing: A framework for memory research [Текст] / F.I.M. Craik, R.S. Lockhart // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1972. – Vol. 11(6). – P. 671-684.
111. Crystal, D. Language and the Internet [Текст] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 292 p.
112. Dijk, van T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse [Текст] / T.A. van Dijk. – London: Longman, 1980. – 199 p.
113. Dresner, E. Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force [Текст] / E. Dresner, S.A. Herring // Communication Theory. – 2010. – Vol. 20(3). – P. 249-268.
114. Eco, U. Interpretation and Overinterpretation [Текст] / U. Eco. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 272 p.

115. Evans, V. Cognitive Linguistics: An Introduction [Текст] / V. Evans, M. Green – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
116. Fairclough, N. Critical discourse analysis: the critical study of language [Текст] / N. Fairclough. — London: Longman, 1995. – 348 p.
117. Fauconnier, G. Mental spaces: conceptual integration networks [Текст] / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 322 p.
118. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Текст] / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.
119. Festinger, L.A. Theory of Cognitive Dissonance [Текст] / L.A. Festinger. – Stanford University Press, 1957. – 291 p.
120. Fillmore, C.J. Frame Semantics and the Nature of Language [Текст] / C.J. Fillmore. – Annals of the New York Academy of Sciences. – Vol. 280, 1976. – P. 20-32.
121. Forceville, C. Visual and Multimodal Metaphor in Advertising: Cultural Perspectives [Текст] / C. Forceville // Styles of Communication. – Vol. 9, № 2 (2017). – P. 26-41.
122. Frith, C.D. Brain mechanisms associated with top-down processes in perception [Текст] / C.D. Frith, R.J. Dolan // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. – 1997. – Vol. 352. – P. 1221-1230.
123. Gibbs, R.W. Irony in Talk among Friends [Текст] / R.W. Gibbs // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15, no. 1-2. – P. 5-27.
124. Gibbs, R.W. Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader [Текст] / R.W. Gibbs. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. – 607 p.
125. Grice, H.P. Logic and Conversation [Текст] / H.P. Grice, Cole P., Morgan J. (eds.) // Syntax and Semantics, Vol. 3. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
126. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar [Текст] / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1994. – 387 p.

127. Narrog, H. On defining modality again [Текст] / H. Narrog // Language Sciences. – Vol. 27, Issue 2. – 2005. – P. 165-192.
128. Higham, J. An introduction to multimodal communication [Текст] / J. Higham, E. Hebets // Behavioral Ecology and Sociobiology. – Vol. 67. – 2013. – P. 1381-1388.
129. Highfield, T. Social Media and Everyday Politics [Текст] / T. Highfield. – Cambridge: Polity, 2016. – 248 p.
130. Jewitt, C. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis [Текст] / C. Jewitt. – London: Routledge, 2009. – 518 p.
131. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow [Текст] / D. Kahneman. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. – 499 p.
132. Klowait, N. The rise of interactional multimodality in human-computer interaction [Текст] / N. Klowait, M.A. Erofeeva // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – № 1. – P. 46-70.
133. Kreis, R. The “Tweet Politics” of President Trump [Текст] / R. Kreis // Journal of Language and Politics. – Vol. 16. – 2017. – P. 607-618.
134. Kress, G. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication [Текст] / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Arnold, 2001. – 160 p.
135. Kress, G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication [Текст] / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Routledge, 2010. – 274 p.
136. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design [Текст] / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Routledge, 2006. – 284 p.
137. Krippendorff, K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology [Текст] / K. Krippendorff. – Los Angeles: Sage, 2018. – 416 p.
138. Lang, P.J. The emotion probe: Studies of motivation and attention. [Текст] / P.J. Lang // American Psychologist. – Vol. 55(3). – 2000. – P. 372-385.
139. Lotherington, H. Language in Digital Motion: From ABCs to Intermediality and Why This Matters for Language Learning [Текст] / H.

Lotherington // *Beyond Media Borders*. – Volume 1. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 217-238.

140. Lyons, J. *Semantics*. Vol. 1-2 [Текст] / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – P. 123-139.

141. Mayer, R.E. *Multimedia Learning* [Текст] / R.E. Mayer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 304 p.

142. Mitchell, W. J. T. *What Is an Image?* [Текст] / W.J.T. Mitchell // *New Literary History*. – 1984. – Vol. 15, No. 3. – P. 503-537.

143. Neisser, U. *Cognitive Psychology* [Текст] / U. Neisser. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1967. – 478 p.

144. Novak, P.K. *Sentiment of emojis* [Текст] / P.K. Novak, B. Sluban, J. Smailović, I. Mozetič // *PLoS ONE*. – 2015. – Vol. 10, no. 12.

145. Page, R.E. *Stories and Social Media: Identities and Interaction* [Текст] / R.E. Page. – London: Routledge, 2012. – 224 p.

146. Paivio, A. *Mental Representations: A Dual Coding Approach* [Текст] / A. Paivio. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 322 p.

147. Palmer, F.R. *Mood and Modality* [Текст] / F.R. Palmer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.

148. Phelps, E.A. *Emotion and cognition: Insights from studies of the human amygdala* [Текст] / E.A. Phelps // *Annual Review of Psychology*. – 2006. – Vol. 57. – P. 27-53.

149. Posner, M.I. *Attention and cognitive control* [Текст] / M.I. Posner, C.R.R. Snyder // *Information Processing and Cognition: The Loyola Symposium*. – New York: Wiley, 1975. – P. 55-85.

150. Ross, A.S. *Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimation of the 2016 US Presidential Candidates* [Текст] / A.S. Ross, D.J. Rivers // *Discourse, Context & Media*. – 2018. – Vol. 26. – P. 1-11.

151. Scheffler, T. The Telegram Chronicles of Online Harm: Pragmatic Patterns in Reaction-based Discourse [Текст] / T. Scheffler, O. Solopova, M. Popa-Wyatt. – Berlin: Humboldt University Press, 2021. – 156 p.
152. Schneider, W. Controlled and automatic human information processing: I. Detection, search, and attention [Текст] / W. Schneider, R.M. Shiffrin // Psychological Review. – 1977. – Vol. 84, No. 1. – P. 1-66.
153. Searle, J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language [Текст] / J.R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 260 p.
154. Sperber, D. Relevance: Communication and Cognition [Текст] / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford: Blackwell, 1986. – 345 p.
155. Stöckl, H. Linguistic multimodality – multimodal linguistics: a state-of-the-art sketch [Текст] / H. Stöckl // Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2019. – P. 41-68.
156. Tagg, C. Exploring Digital Communication: Language in Action [Текст] / C. Tagg. – London: Routledge, 2015. – 224 p.
157. Tufekci, Z. “Not This One”: Social Movements, the Attention Economy, and Microcelebrity Networked Activism [Текст] / Z. Tufekci // American Behavioral Scientist. – 2013. – Vol. 57(7). – P. 848-870.
158. Yus, F. Emoji Pragmatics [Текст] / F.Yus. – Cham: Palgrave Macmillan, 2025. – 446 p.
159. Yus, F. Multimodality in memes: a cyberpragmatic approach [Текст] / F. Yus // Analyzing Digital Discourse: New Insights and Future Directions. – Cham: Springer, 2018. – P. 105-131.
160. Zappavigna, M. Discourse of Twitter and Social Media: How we use language to create affiliation on the web [Текст] / M. Zappavigna. – London: Continuum/Bloomsbury, 2012. – 240 p.
161. Zenner, E. One does not simply process memes: Image macros as multimodal constructions [Текст] / E. Zenner, D. Geeraerts // Analyzing Digital Discourse: New Insights and Future Directions. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2018. – P. 167-190.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

162. Академик. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://linguistic_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).
163. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст]: лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. С. Степанов. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
164. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 1-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1991. – С. 685.
165. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – 2009. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 21.04.2025).
166. Кронгауз, М.А. Толковый словарь русского языка интернета [Электронный ресурс] / М.А. Кронгауз. – М.: Грамота.ру, 2016. – Режим доступа: <https://archive.org/details/Slovar-yazyka-interneta-2016> (дата обращения: 20.03.2025).
167. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина., Ю.С. Степанов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
168. Маханова, Е.В. Словарь компьютерного сленга [Электронный ресурс]. – Журнал «Компьютерра», 2021. – Режим доступа: <https://calameo.com/books/0021098756fe797a1738c> (дата обращения: 15.04.2025).
169. Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст] / Отв. Ред. Шведова, Н.Ю. – М.: Азбуковник, 1998. – 924 с.
170. Селиванова, О.А. Современная лингвистика: энциклопедический словарь [Текст] / О.А. Селиванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.

171. Сковородников, А.П. Языковая игра [Текст]: энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова, 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 480 с.
172. Словарь иностранных слов [Текст] / Под ред. Лехина И. В., Петрова, Ф. Н. – М.: Русский язык, 1979. – 624 с.
173. Толковый словарь русского языка Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 13.02.2025).
174. Толковый словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 25.04.2025).
175. American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – Fifth Edition, 2011. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 25.04.2025).
176. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс] / ed. by E. Walter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 26.04.2025).
177. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Complete and Unabridged, 12th Edition, 2014. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 27.04.2025).
178. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2025).
179. Farlex Dictionary of Idioms [Электронный ресурс]. – Farlex Inc, 2015. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 23.03.2025).
180. SIL Glossary of Linguistic Terms [Электронный ресурс] / ed. by G. Sommer. – Dallas: SIL International, 2020. – Режим доступа: <https://glossary.sil.org/> (дата обращения: 23.04.2025).

181. The Free Dictionary. Discourse markers [Электронный ресурс]. – Farlex Inc. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (дата обращения: 21.04.2025).
182. Urban Dictionary [Электронный ресурс] / founded by A. Peckham. – San Francisco: Urban Dictionary, 2025. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 19.04.2025).
183. Wayne D. Implicature // Zalta E. N., Nodelman U. (eds.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2024. – Spring 2024 Edition. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/implicature/> (дата обращения: 12.04.2025).
184. Webster's ninth new collegiate dictionary / Mish, F. (ed.). – Springfield, MA: Merriam-Webster, 1991. – 1564 p.
185. Webster's Online Dictionary [Электронный ресурс] / ed. by P. Laird. – Springfield: Merriam-Webster, 2025. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 17.04.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

186. Telegram. Мессенджер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me> (дата обращения: 11.04.2025).
187. X (Twitter). Социальная сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://x.com> (дата обращения: 18.03.2025) (запрещена на территории Российской Федерации).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Образец анкеты для лингвистического эксперимента – поликодовый вариант:

Анкетирование

Вы увидите несколько новостных сообщений из Telegram. Ваша задача — определить, что хотел сказать автор, и оценить, насколько его посыл был для Вас понятен.

Not shared

* Indicates required question

Что, по Вашему мнению, хотел донести автор этого сообщения? *

Россиянин обокрал бывшую жену, чтобы купить... пивной магазин своей мечты

41-летний житель Алтая развёлся с супругой, но продолжал долгое время поддерживать с ней хорошие отношения.

Узнав, что у бывшей возлюбленной появились деньги от продажи жилья, он предложил ей приобрести готовый бизнес в виде «пивнухи».

Получив отказ, любитель пива решил, что его мечта превыше всего. Поэтому он просто похитил из сумочки женщины 550 тысяч рублей и ушёл. А уже на следующий день он купил пивной магазин в Горно-Алтайске за 270 тысяч рублей.

Мечта продлилась недолго — бывшая обратилась в полицию, пивозавра задержали. Теперь ему грозит два года лишения свободы.

😄 1692 🤔 421 😊 323 👍 111 😞 100 🍷 69 ❤️ 43
 🍹 30 🧐 17 🍕 5

👁 215.7K 20:22

☐ Поддержать/одобрить событие
 ☐ Высмеять/осудить произошедшее
 ☐ Информировать о новости
 ☐ Other: _____

Оцените, насколько легко Вам было понять намерение автора по шкале от *
1 (очень сложно) до 5 (очень легко).

Российнин обокрал бывшую жену, чтобы купить... пивной магазин своей мечты

41-летний житель Алтая развёлся с супругой, но продолжал долгое время поддерживать с ней хорошие отношения.

Узнав, что у бывшей возлюбленной появились деньги от продажи жилья, он предложил ей приобрести готовый бизнес в виде «пивнухи».

Получив отказ, любитель пива решил, что его мечта **превыше всего**. Поэтому он просто похитил из сумочки женщины 550 тысяч рублей и ушёл. А уже на следующий день он купил пивной магазин в Горно-Алтайске за 270 тысяч рублей.

Мечта **продлилась недолго** — бывшая обратилась в полицию, **пивоэавра задержали**. Теперь ему грозит два года лишения свободы.

😎 1692 🤔 421 😊 323 👍 111 🤔 100 🐼 69 ❤️ 43
👤 30 🐼 17 🤔 5

👁 215.7K 20:22

- ☐ 1 очень сложно
- ☐ 2 сложно
- ☐ 3 нормально
- ☐ 4 легко
- ☐ 5 очень легко

Что именно в данном сообщении помогло Вам лучше понять посыл автора? *

Российнин обокрал бывшую жену, чтобы купить... пивной магазин своей мечты

41-летний житель Алтая развёлся с супругой, но продолжал долгое время поддерживать с ней хорошие отношения.

Узнав, что у бывшей возлюбленной появились деньги от продажи жилья, он предложил ей приобрести готовый бизнес в виде «пивнухи».

Получив отказ, любитель пива решил, что его мечта **превыше всего**. Поэтому он просто похитил из сумочки женщины 550 тысяч рублей и ушёл. А уже на следующий день он купил пивной магазин в Горно-Алтайске за 270 тысяч рублей.

Мечта **продлилась недолго** — бывшая обратилась в полицию, **пивозавра задержали**. Теперь ему грозит два года лишения свободы.

😎 1692 🤔 421 😊 323 👍 111 🤔 100 🐼 69 ❤️ 43
👤 30 🐼 17 🤔 5

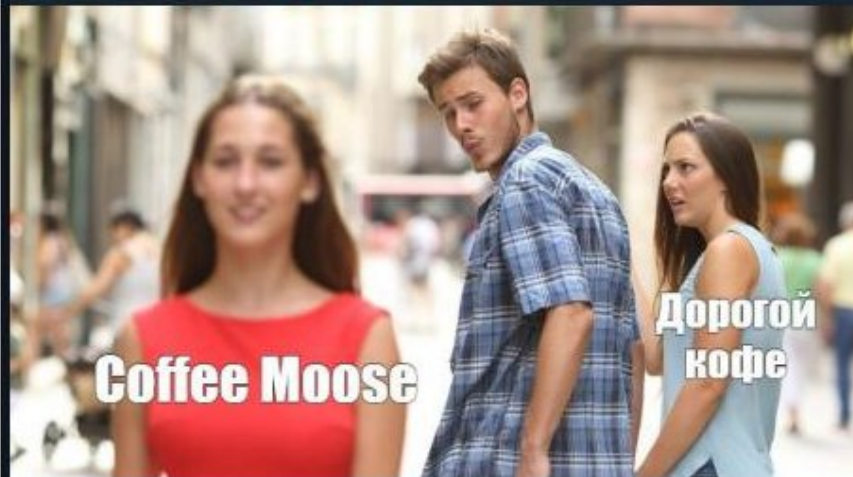
👁 215.7K 20:22

Your answer

Представьте, что Вы могли бы оставить анонимный комментарий к данному посту. Что бы Вы написали?

Комсомольская правда: KP.RU

☕ В России с 1 января вырастут пошлины на пиво и кофе из недружественных стран

Если раньше таможенная пошлина на пиво и сидр из недружественных стран составляла 0,1 евро за литр, то с Нового года эта стоимость возрастает многократно - до 1 евро за литр. Та же история с жареным и растворимым кофе - новые пошлины составят 13 и 17,5% соответственно (было 8 и 7,5%).

Согласно решению Кабмина, в среднем все пошлины на товары из недружественных стран вырастут на 10%. Также будут расширены охваты уже введенных и действующих увеличенных пошлин на косметику и парфюмерию, поставляемую в Россию западными компаниями.

🔥 Подписаться на @truekpru

👁️ 240 👍 147 🗨️ 62 😬 36 🤔 27 ❤️ 14 😏 9 🔥 3

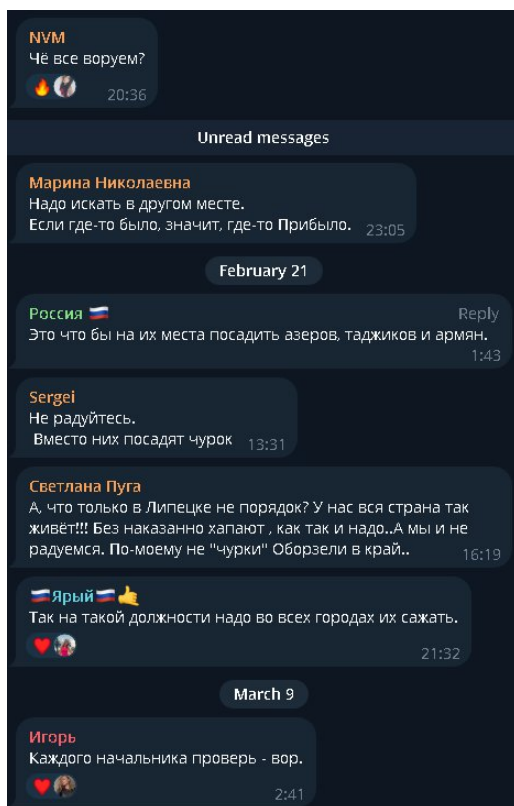
👁️ 47.6K 0:19

Your answer

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Примеры постов и комментариев к русскоязычным постам в Telegram:

№1 <https://t.me/readovkanews/93177>

№2 <https://t.me/readovkanews/93182>

Readovka

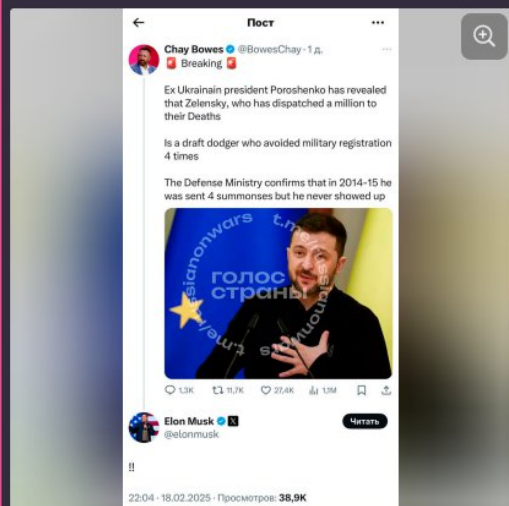
Илон Маск удивился, что Зеленский 10 лет назад избегал повестки 4 раза

Илон Маск в соцсети X наткнулся на пост ирландского журналиста Чейза Боуза, принимавшего участие в форуме «Диалог о фейках 2.0», о том, что Зеленскому удалось в 2014-2015 годах 4 раза избежать повестки в армию. Хотя сейчас нелегитимный президент Украины массово мобилизуют свой народ, обрекая их на смерть.

Видимо, для американцев такая новость стала открытием — в итоге под постом развернулась настоящая дискуссия, в которой и поучаствовал Маск.

Telegram**Голос страны**

Илон Маск поражен тем, что убивший миллионы украинцев Зеленский избегал повестки четыре раза

4710 621 190 58 51 43 39 13 11 6 1 277.8K 16:25

Таня Ирис

ТЦК ещё не отменили. Вручить повестку и на ноль. Население аплодировать будет..

4:22

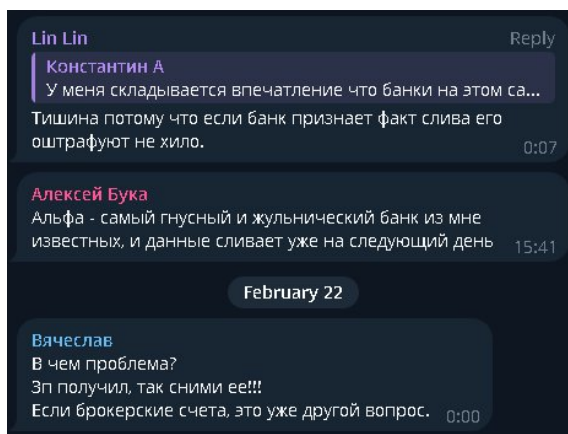
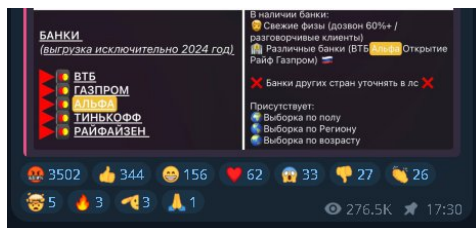
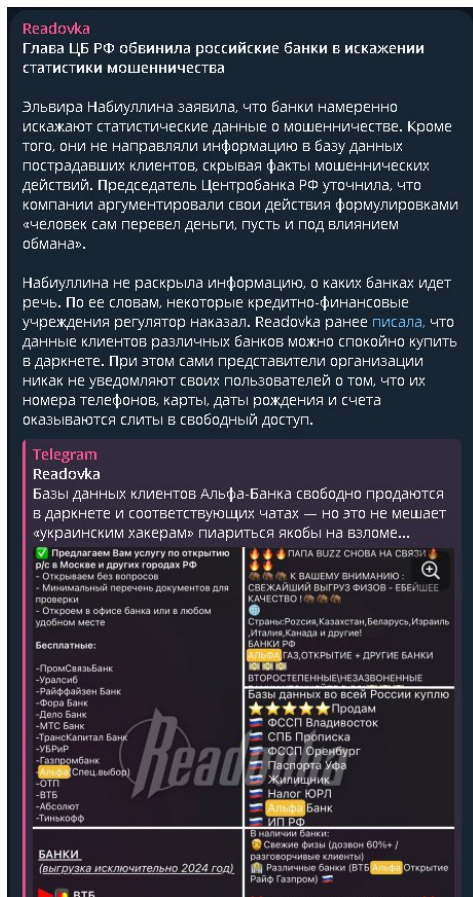
@

Просрочка ебанная 14:51

Денис

Взять живым и выпытать всю поднаготную 17:16

№3 <https://t.me/readovkanews/93186>

№4 <https://t.me/readovkanews/93189>

Readovka

00:07

Readovka

Стая дорог — на Камчатке найдены самые необычные нарушители ПДД

На Камчатке полицейским пришлось остановить собачью упряжку, которая, видимо, немного заблудилась на дороге. Сотрудники ДПС, не растерявшись, спокойно указали четвероногим гонщикам, куда именно им нужно двигаться дальше, чтобы не нарушить правила. Обошлось без штрафов.

В эти дни на полуострове проходит фестиваль по ездовому спорту и маршрут гонки пересекается с автомобильным движением. На таких участках дороги работают специальные наряды ДПС, которые следят за

безопасностью как для водителей, так и для тех, кто едет в упряжках.

Хорошие мальчики штрафов не получают

👍 3117 🤔 1177 ❤️ 344 🔥 59 🏠 14 🚒 12 🗑️ 10
🗨️ 6 😭 3 🤔 2

👁️ 265.8K 🕒 18:50

Alexander Pogudaev

А в чем проблема. Гужевой транспорт. По дорогам общего пользования передвигаться не запрещается) 19:59

February 21

Olga Loginova Reply

МТС

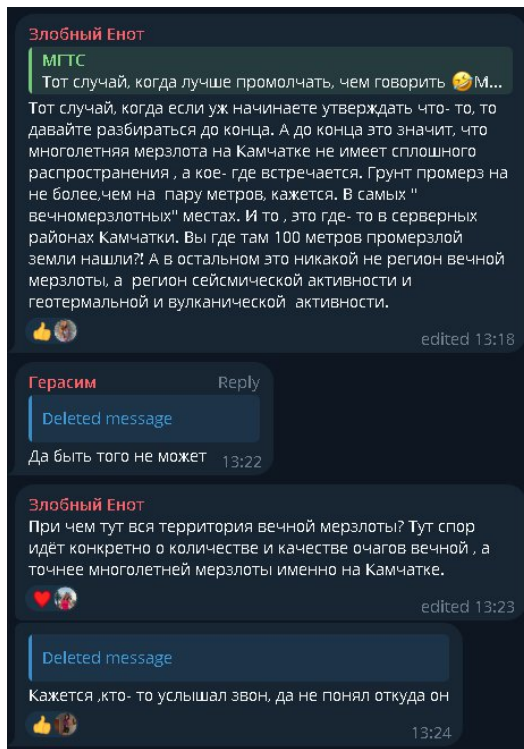
А почему так мало снега? 🤔 Это ж Камчатка, там вообще... Это стереотип. У нас мало снега, уже неделю плюс 1 на улице, с крыш капает и воробьи чирикают. Прямо весна. 🙌 🤔 🤔 6:15

February 27

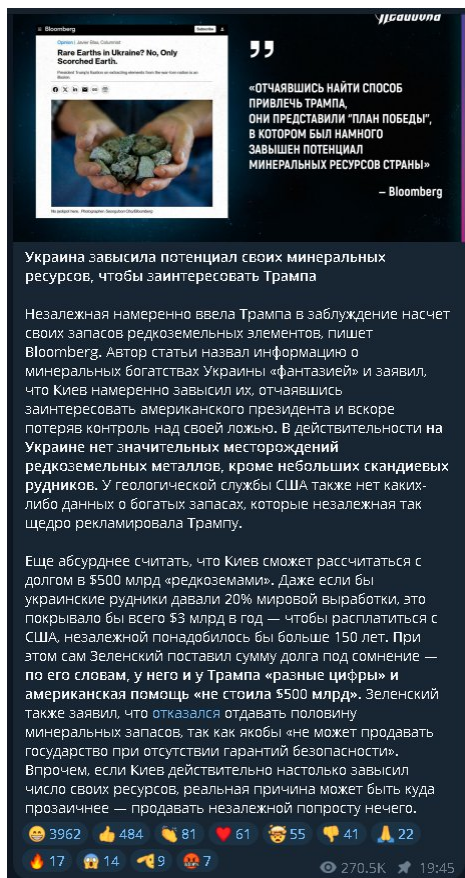
Unread messages

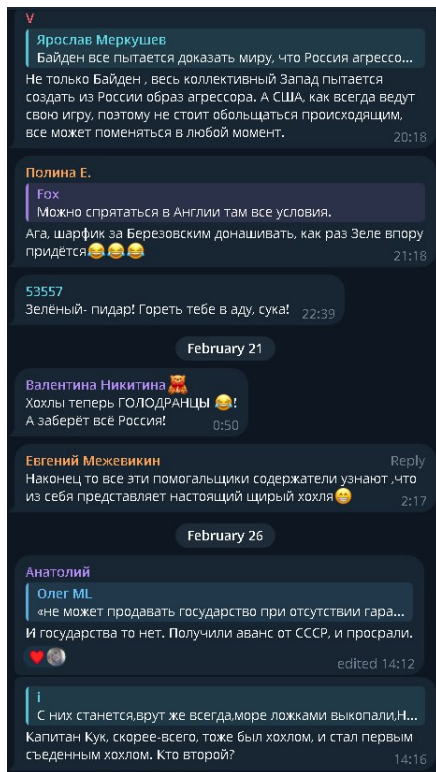
Ольга Литвиненко

Господи!! Вы были на этой Камчатке?! Это была мечта моей жизни!!! Но это же ужас ужасный! Летом не была. Была зимой два года назад. Жуть. Кошмар. И безнадёга. Все старое престарое. Убогость страшная. Никому дела нет в стране до этой Камчатки. Прямо стыдно за страну, чесслово. ❤️ 🤔 23:13

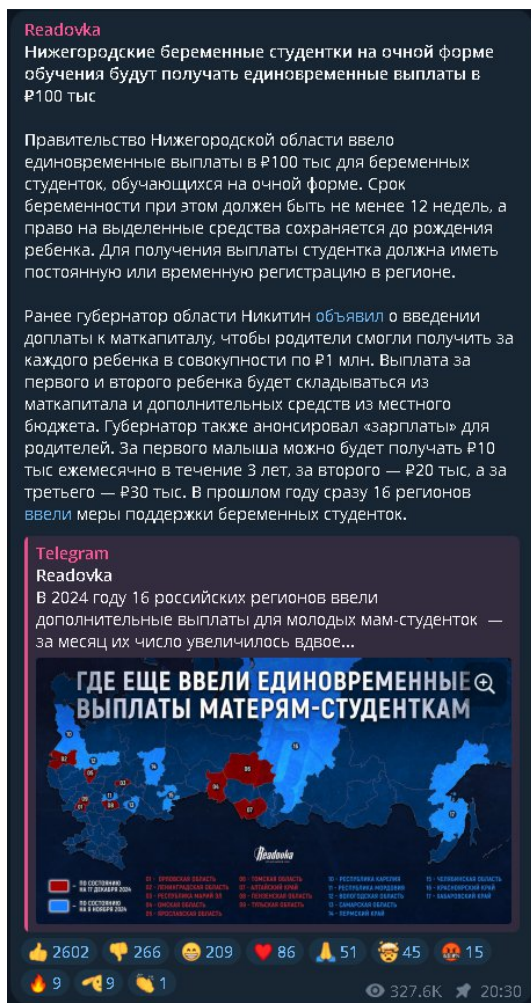

№5 <https://t.me/readovkanews/93194>

№6 <https://t.me/readovkanews/93195>

Севиль
 Умейте радоваться, столько все делается, а вы все против, все возражаете, что вы за люди? Никогда студентами не были, не любили, не создавали семьи? Мы с мужем поженились на 4 курсе, на 5 курсе дочь родилась, все смогли, все успели, по очереди писали диплом, молодость все терпит, сил много, да были бессонные ночи, как же без этого, но выдержали, трудности даются, чтобы проверить себя и пройти достойно.

👍👍👍👍 20:54

February 21

Андрей Бурунов Reply
TowarichKirik
 Вы что, хотите, чтобы студентка родила и что дальше? О...
 Учиться, и одновременно ухаживать за ребёнком, это не проблема. Нужно чтобы для этого были созданы условия. Т.е. не 100К давать, а как в СССР, комнату в общежитии, детские сады, бесплатные кружки и секции. - Эти 100к, по сравнению с этим, пыль на дороге

👍👍 0:41

U Selendis
 Вот читаю весь этот бред и у меня глаза на лоб лезут. М...
 Читаю Ваш бред... И да! Это образование в жопе! - Просто факт, который видит любой, смотрящий на состояние экономики России! - Образование и экономка служат тому, чтобы девки рожали детей! А никак не наоборот! Уже в понимании этого принципиальный косяк "образования"! Та же война на Украине, это прямое следствие деградации экономики России. Она не создала такую КОЛОТУШКУ, от которой дрожали бы все враги! Если за главное в стране банки и перепродажа то это всегда приводило к её поражению!!!
 Так что России просто повезло, что всё началось до того, как были полностью добиты производства, которые производят технику, и спеццы, которые знают как её производить.

edited 0:46

TowarichKirik
Deleted Account
 Так как раз таки и хотят создать условия, чтобы девушка,...
 так и сейчас она может быть с ребенком в университете. Я волнуюсь больше о том, как же с этим ребенком будут учиться ее одноклассники и как будет работать преподаватель. Бедному старику шепотом говорить на всю аудиторию в надежде, что на "камчатке" хоть что-то услышат?

1:28

Евгений Межевикин Reply
 Из этой затеи опять какая нибудь кривая телега выкатит... да и за будущим этих детей придется следить, и семья нужна... и национальность здесь может стать тупиковым вариантом.

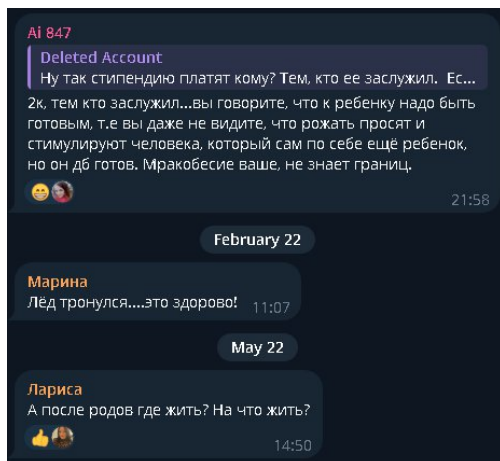
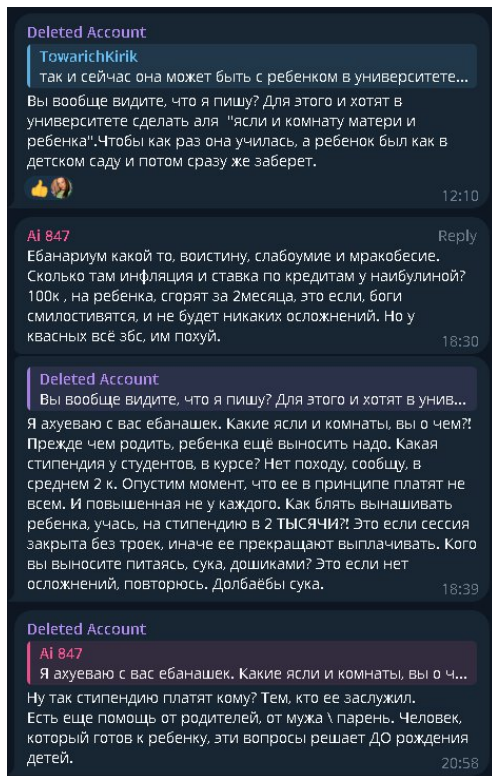
👍👍 2:28

Данила Ключев
Андрей Бурунов
 Читаю Ваш бред... И да! Это образование в жопе! - Прос...
 не понимаю людей, что говорят о развале нашей системы образования, у нас национальная цель, подписанная президентом, провозглашает обеспечение возможности самореализации и развития талантов!

👍👍👍👍 2:29

Андрей Бурунов
Данила Ключев
 не понимаю людей, что говорят о развале нашей систе...
 Я еще не родился, а этот бред уже слышал. Только тогда был генсек

👍👍👍 5:22

№7 <https://t.me/readovkanews/93200>

Readovka

РОЖДАЕМОСТЬ В КНР, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЯПОНИИ В 2024 ГОДУ

Светская жизнь в городе и карьера — почему население развитой Восточной Азии больше не растет, а лишь сокращается

С наступлением нового тысячелетия страны развитой Восточной Азии — Китай, Япония и Южная Корея — совершили так называемый «демографический переход». Суммарный коэффициент рождаемости в них стал катастрофически снижаться, и все три государства теряют население миллионами ежегодно. Не помогают ни активная пропаганда деторождения, ни государственные льготы. Все проблемы европейских стран можно проследить и в Азии, однако здесь падение рождаемости дополнительно подтолкнули местные правительства. В попытках остановить зашкаливающий прирост населения (тот же Китай с 1950 по 2020 прибавил около 900 млн населения) страны развитой Азии практически отучили своих граждан рожать.

В 2024 году суммарный СКР опустился до 1,1, и прогнозы на будущее остаются неутешительными. Началось все в 1979 году, когда власти КНР ввели политику «Одна семья — один ребенок», и с тех пор СКР так и не пришел в норму. А пандемия COVID-19 и вовсе обрушила китайскую рождаемость до текущих показателей. К 2022 в Поднебесной закончилась инерция воспроизводства и случилось первое сокращение населения сразу на 850 тыс человек за год, следует из данных ООН. Южная Корея наступила на те же грабли, но раньше — в 1960 страна начала активную борьбу с рождаемостью, которая продлилась до 2006. Однако никакие усилия по восстановлению рождаемости в

Республике Корея, даже запрет аборт, не дали результата — СКР колеблется на уровне 0,75 по результатам прошлого года. Япония никогда специально не боролась с рождаемостью, но среди лидеров восточноазиатского мира заняла почетное 2-е место — СКР за прошлый год составил 1,16, а почти треть населения представлена пенсионерами.

Высокая рождаемость в середине XX века помогла Японии сохранить прирост до 2010 года, когда впервые зафиксировали снижение. Здесь выступают три главных фактора, которые прослеживаются и у КНР, и у Южной Кореи, и у Японии — стремительная урбанизация, недоступность жилья в городах и фиксация на карьерном и личностном росте. В Китае с середины прошлого столетия доля городского населения выросла с 20% до 67%, в Корее — с 28% до 81,5%, в Японии — с 63% до 93%. Средняя стоимость «двушки» в Пекине составляет около Р39 млн, в Токио — Р38 млн, в Сеуле — Р43 млн. При этом средние зарплаты в столице КНР колеблются в районе Р150 тыс, в Токио сильно лучше — Р350 тыс, а в Сеуле — около Р400 тыс. В странах развитой Восточной Азии наблюдаются те же проблемы с рождаемостью, что и в Европе. С переселением людей в крупные агломерации и отсутствием пространства и потребности в воспитании детей потенциальные родители отказываются от потомства.

👍 1475 🗨️ 148 😊 141 ❤️ 96 🙏 49 😞 36 🔥 34

💬 28 📌 12 🗳️ 7

👁️ 289.3K ⚡ 21:30

Elena Kirillova
Анна
 Чтобы поднять рождаемость, надо сделать так, чтобы же...
 Карьерный рост надо сделать возможным, если у. Ебя не менее 4 детей. В депутаты.. если не менее шести детей))) и тогда попрут 😊
 20:27

February 21

Denis Z
Elena Kirillova
 Карьерный рост надо сделать возможным, если у. Ебя н...
 Самая оригинальная идея какую я встречал на просторах интернета. Нерабочая, с негативными последствиями и вообще дискриминация, но такой я еще не видел.
 🤔👤
 edited 16:00

Анна Reply
Elena Kirillova
 Карьерный рост надо сделать возможным, если у. Ебя н...
 Это надо сделать для мужчин, чтобы у них был стимул. Но вообще это глупость, на высокие должности должны идти исходя из образования и знаний, а не из-за наличия детей.
 🔥👤
 19:52

February 22

Dmitriy K
Жанна
 Немецкий фашизм принес на нашу землю голод во врем...
 "Изымания паспортов не было"... Иди на ... Лжец. Обвиняй во всем немецкий фашизм, ой, то есть нацизм, но ты то разницы не видишь. В СССР было многое хорошего, но много и плохого. Ты невнятная охранота для меня равна либерастне. Продолжай рассказывать сказки... "Изымания паспортов не было"... Моим родственникам это Расскажи, падаль.
 edited 3:07

Dmitriy K Reply
Elena Kirillova
 Карьерный рост надо сделать возможным, если у. Ебя н...
 Да у нас так только кишлаки и дулы в элите будут. А способности как специалиста не в счёт? Только лишь возможность кончать? Может сделать мужчину великим государственным деятелем, за то что он кончил не один раз? А если мразь из кишлака изнасиловал с более десятка русских женщин, так его в президенты? Ты в своем уме? Т.е. наплодить детей это самое большое достижение? И их сразу в элиту? Мое мнение что да у русских должно быть трое и больше детей, но это не критерий. То что ты пишешь глубокая беспроектная чушь. Не нужно гражданство раздавать, вот это да. Но по количеству детей давать привилегии это не то что беспроектная тупость... это маразм.
 edited 5:24

Dmitriy K
Жанна
 Немецкий фашизм принес на нашу землю голод во врем...
 Нет. Стоп. А про тех кто уже взял ипотеки забыть? Самим государством это за чей счёт? Кто это государство? Овца. Само государство это налоги. Учи матчасть. Бесплатная выдача квартир? За счёт кого бесплатная? Овца. В таком случае по справедливости лет на сто можно откатить... Как минимум. И в порядке очереди ждть квартиры. А люди вообще должны что то делать? Иди на все хорошее. Советского союза нет. И в том виде который ты здесь вуллизировать н когда не было и уже не будет. Мы живём в мире ограниченными ресурсами и их на всех не хватит никогда. Спасибо ими розовые очки...
 edited 6:16

Жанна
Reply

Dmitriy K

Нет. Стоп. А про тех кто уже взял ипотеки забыть? Сами...

Льготная ипотека это перекачивание общих средств из бюджета в карман банков. При СССР бесплатную (за счет общенародных фондов, формирующихся из прибыли предприятия и организаций, которую сейчас приватизирует кучка паразитов) квартиру люди получали на Эгода, максимум пять лет, и это была честная очередь, а не как сейчас. Ресурсы ограничены, потому что их безмерно потребляет кучка богатых и их деток и услуги, которая защищает их привилегии, пока народ вымирает в том числе из-за того, что государство не предоставляет (стоит само государство) семьям с детьми квартир, хотя могло бы это делать, и это выход из демографического тупика. Раньше при царе так и делали, общины за общий счет сами строили дома молодым, чтобы им было где жить и рожать детей, и при СССР квартиры давали бесплатно (это тоже самое), а сейчас этого нет, поэтому и вымирание.

👍👎❤️👤

edited 15:09

February 23

Василий

Китайцы с их 1,5 миллиарда могут ещё 1000 лет так вымирать, а их всё равно будет больше, чем нас.

🔥👤

4:32

February 25

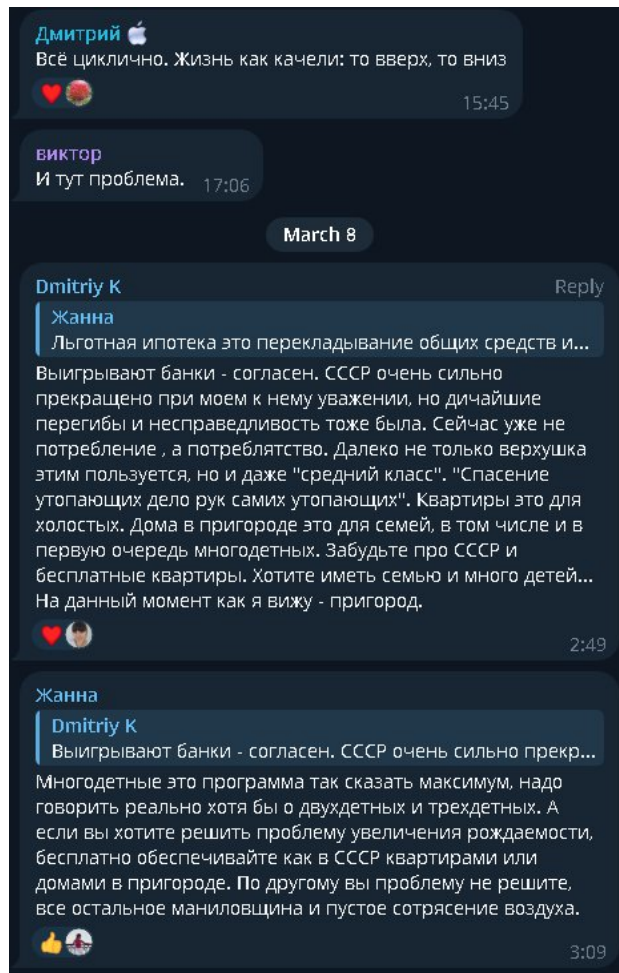
Elena Kirillova

Dmitriy K

Да у нас так только кишлаки и аулы в элите будут. А спос... Строить карьеру, это не одно и тоже что «выдавать места»). Но человек у которого много детей, он понимает как никто нужды населения с такими же проблемами. Воспитания народа, депутаты должны начинать с себя)). И почему вы только все про мужчин говорите?)), я и женщин имела ввиду так то. Но что бы быть выдвинутым, надо не только детей нарожать... но и образование получить и много еще чего достичь

👍👎🤔👤

17:51

Dmitriy K

Да ну не будет этого. Губу закатайте. И не нужно мне рассказывать про СССР. Во первых его больше нет, уже более 30 лет по другому живём, во вторых не так уж и радужно было в СССР. СССР больше нет очнитесь. Да и тут смешно звучит - "обеспечивайте". Я к разделению бюджета никакого отношения не имею от слова "совсем". Пишите по адресу - "в Спортлото".

edited 3:32

Жанна**Dmitriy K**

Да ну не будет этого. Губу закатайте. И не нужно мне рас...

Ну тогда не надо мечтать о решении демографической проблемы, закатайте губу. Кстати, ценных специалистов из Средней Азии у нас обеспечивают бесплатными квартирами, но не коренных жителей.

3:43

Dmitriy K

Reply

Жанна

Ну тогда не надо мечтать о решении демографической ...

Ну в отличии от Вас я не мечтаю, а предлагаю решение для людей. На счёт мастурбеков Вас полностью поддерживаю - это пиз***((((

edited 4:07

Жанна**Dmitriy K**

Ну в отличии от Вас я не мечтаю, а предлагаю решение ...

Вы ничего не предлагаете кроме купить дом в пригороде . Вопрос на какие средства семья купить дом?

18:13

March 9

Dmitriy K

А может начать работать? А не мечтать о возрождении СССР и получении "бесплатных квартир". И брать на себя ответственность, а не только пинять на государство, хотя государство должно помогать, тут я с Вами согласен. Сельская ипотека в помощь, благо, что пока она есть.

edited 0:02

Жанна**Dmitriy K**

А может начать работать? А не мечтать о возрождении ...

Что обычная ипотека, что сельская одно и тоже перекладывание денег из бюджета, в карман банкам. И сама по себе ипотека служит мерой снижающей рождаемость в условиях нестабильности доходов простых людей при капитализме и нарастания с каждым годом перевода всей социалки на платные рельсы. При средней зарплате в 70 тыс. рублей (данные Росстата прошлого года) - доход семьи (отец) и жена в декрете даже с одним ребенком -какая может быть ипотека? Именно поэтому и не повышается рождаемость.

edited 0:39

Dmitriy K

Reply

Жанна

Что обычная ипотека, что сельская одно и тоже перекла...

После войны никакой ипотеки не было и рождаемость повышалась. Обычная ипотека 28 процентов, сельская 3. Перекладывание согласен, но благодаря этому можно приобрести жилье. А раздача "бесплатных квартир" это что, перекладывание из чьего кармана в какой? Деньги из воздуха берутся?

edited 0:43

Жанна Reply

Dmitriy K

После войны никакой ипотеки не было и рождаемость п...

После войны за 5-7 лет благодаря социализму восстановили страну, люди получали квартиры, чувствовали реальное улучшение жизни, что они хозяева на своей земле, а не кучка паразитов, поэтому рожали и были уверены в будущем своих детей. А сейчас никто в будущем не уверен, мало того жизнь простых людей ухудшается с каждым годом и не только материально, а морально — потому что вранье кругом куда не посмотри. При социализме часть прибыли хозяйствующих субъектов отчислялась в общественные фонды потребления и через них осуществлялось жилищное строительство и обеспечение семей "бесплатными" квартирами и прочими социальными благами. Ведь прибыль образуется за счет труда работника и предпринимателя тоже, но сейчас всю прибыль предприниматели (в реальности олигархат) использует на собственное потребление и обогащение, а в бюджет платит оптимизированный (максимально уменьшенный) налог, а многие вообще через офшоры уходят от налогов. Да и бюджетными деньгами по сути распоряжается тоже олигархат в своих интересах, поэтому при этой системы выхода их тупика не будет, возможно целью правящей верхушки на самом деле и является вымирание русского населения и замена его на завозимых мастурбеков, кстати именно им достаются бесплатные квартиры сейчас по программам, которые чиновники проводят. А ипотека уже действует с начала 2000х годов, и мат капитал с 2008 года, но результатов реальных и ощутимых в том, чтобы русское население росло нет, потому что цель реальная не совпадает с декларируемой, опять обман.

edited 1:11

Dmitriy K

После войны никакой ипотеки н...

Сельскую ипотеку отменили уже. 1:12

Dmitriy K Reply

Жанна

После войны за 5-7 лет благодаря социализму восстано...

Про социализм не нужно перекрашивать. Мои предки жили в деревне и работали за трудовни. И не каких квартир не получали. Еще про социализм посмотрите на результаты выборов за последние годы. С описанием проблемы согласен. Ставлю точку в полемике. На мой взгляд падение рождаемости связана с урбанизацией, повышением уровня жизни, а именно с завышенным потреблтельством, а уже не потреблением. Про сельскую ипотеку проверил. Вы правы. Двое моих знакомых брали ее в 2023-2024 годах, сейчас насколько я понял уже все(((. Но доступна дальневосточная, арктическую я не рассматриваю.

edited 1:29

Жанна

Dmitriy K

Про социализм не нужно перекрашивать. Мои предки ж...

При трудностях, как вы написали, население России при социализме росло, а при нынешней капиталистической власти сокращается. Средняя зарплата в 70 тыс. руб. как то не вяжется в повышением уровня жизни при росте платы за ЖКХ, образование и медицину.

edited 2:28

Жанна

Deleted message

Вы правильно пишете только хочу уточнить, что по данным ВЦИОМ на 2025 год при отсутствии материальных проблем процент тех, кто хочет иметь 2 и более детей в РФ составил 83 (!) процента, в том числе 50% 3 и более детей. И основные причины почему отказываются от детей названы: бедность, безработица, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие жилья, тяжелая обстановка.

3:32

Жанна

Deleted message

Конечно можно пробовать себя и нужно пробовать, но поймите если вы наемный работник, как большинство населения, и у вас нет квартиры, или только комната или однокомнатная, скорее всего многодетным и даже трехдетным отцом вы вряд ли будете, тем более с учетом ежегодно удорожания ЖКХ и соцсферы, и еще вы рассуждаете если вы здоровы, а если не дай бог болезнь, несчастный случай на производстве.

edited 4:18

”

когда взрослые мужики не получают к 35-40 годам не то, что образование, а хотя бы производственный опыт, предпочитая на бутылку налегать, вместо того, чтобы улучшать свое финансовое состояние, делать что-то ради того, чтобы детям жилось лучше, им самим

К тому сейчас на многих производствах руководство назначают сверху, типа своих, и даже если у тебя семь пядей во лбу, опыт на этом производстве, образование, есть потолок зарплат и выше не прыгнешь или увольняется, если найдешь работу, а там другие условия в общем полная нестабильность, и к тому же дети это фактор который не особо располагает к сменам работ.

❤️👤

edited 4:24

March 13

Dmitriy K

Deleted message

Вы более чем правильно рассуждает, просто Ваш и мой предыдущий оппонент на розовых пони "вымышленного СССР". Топ 10 процентов любой профессии всегда будут хорошо зарабатывать... Но для этого нужно работать, а не ждать квартиру от государства. Да. С учётом текущей ставки по ипотекам, сейчас выгоднее снимать. И ждать... Не вступайте в полемику с "Жанной"... Она по ходу просто еб*я на СССР, которого никогда не было и уже не будет. У Вас правильное мышление. Удачи и счастья Вам.

edited 3:40

★

Надежда Потрепалова

Идиоты не переведутся

Ну так начни с себя, решало странное, распинается она своими 3-мя извинками! Безмозгло-ведомая твой идиотизм 100% не ведаёт здравого разума, так как последнему развитие напрочь не дано! И да! Скучать без тебя безстолочи не станем!

❤️👤

17:45

№8 <https://t.me/readovkanews/93208>

Headouka

Mail News
JD Vance warns Zelensky he will regret 'badmouthing' Trump and condemns his 'offensive' response to peace talks
A US Vice-President has warned the Ukrainian President that his 'offensive' response to peace talks will regret 'badmouthing' Trump and condemns his 'offensive' response to peace talks

«ВЭНС ЗАЯВИЛ, ЧТО У ЗЕЛЕНСКОГО ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЩЕНИЯ С АДМИНИСТРАЦИЕЙ США. А ОЧЕРНЕНИЕ ТРАМПА НА ПУБЛИКЕ ПРИВЕДЕТ ЛИШЬ К ОБРАТНОМУ ЭФФЕКТУ»
 — Daily Mail

Вице-президент США предупреждает Зеленского, что он пожалеет о том, что «облил грязью Трампа», и осуждает его «отвратительную» реакцию на мирные переговоры.

Вице-президент США Джей Ди Вэнс пообещал, что Зеленский пожалеет о своих словах про Трампа, сообщает Daily Mail. Днем нелегитимный украинский президент заявил, что американский лидер «живет в пространстве дезинформации». В ответ Вэнс назвал способ Зеленского общаться с новой вашингтонской администрацией «отвратительным» и посоветовал следить за словами. Политик подчеркнул, что, очерняя Трампа в СМИ, Зеленский не склонит его мнение в свою сторону — напротив, эффект будет обратным.

«Он [Зеленский] сейчас публично атакует единственную причину того, почему его страна еще существует» — Джей Ди Вэнс о Зеленском.

Вице-президент США также отметил, что политика Трампа основана не на «дезинформации», а на его геополитических знаниях и твердой точке зрения. Раскритиковать американского лидера Зеленский решил на следующий день после встречи России и США в Эр-Рияде — вероятно, на фоне обиды из-за того, что переговоры прошли без его участия. Сам Трамп также не остался в долгу и назвал главу независимой «диктатором без выборов» и «средне успешным комиком».

👍 4960 🙌 1626 🔥 279 ❤️ 120 💬 62 🗨️ 49 📢 32
 🗑️ 19 🤔 14 🤖 2 👁️ 322.5K ⚡ 1:40

Elena Kirillova

Deleted message

А мы им поставим оружие 😊 (только без обид)). Мы же на США не обижаемся)) 20:51

Patrick slow

Godslayer 🇷🇺

Ща Зелебоба допиздится и США откроют второй фронт....

Зелень не только Украину лишает финансирования от штатов, но и начало выборов приближает активно своим поведением, амеры найдут кого то сговорчивей, адекватнее, чтоли edited 21:05

Ирина Reply

Зеленский играет последнюю роль в спектакле, а сценарист Британия. Ему надо уйти так, чтоб до хохлов не дошло, что он сматывает удочки. Нового президента Британия подготовила Залужный. Так что спектакль для украинцев, чтоб не дай бог не удавили Зеленского. Что он хотел бы сказать своим бывшим соотечественникам, ничего личного, бизнес. Он собирается домой в Лондон. Только вот сценарий плохой бриты ему написали. edited 21:19

Eddi Merfi

Deleted message

В названии "Вий" две буквы не правильные. 21:31

Kotyash Fimkovich

Четырёхпроцентный чувствует поддержку цветущеагнивающего сада, вот и твякает. 21:39

February 21

Pelargonium

Так там где он участвовал, всегда либо нарушались договоренности или срывали переговоры. 1:30

Deleted Account
Зеленский в отчаянии оттягивает выборы, зная, что после них его ждет конец. Украину разделят между собой, а он станет лишь жертвой внутренних и внешних игр.
 2:58

ФБК хейтер Reply
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои же его достанут, а Украина будет поделена. Все это - игра на время перед неизбежным.
3:07

Earle O'ck
Зеленский в отчаянной игре: ссорится с Трампом, чтобы оттянуть выборы и смерть. После выборов - капитуляция и раздел Украины. Его ждет конец от своих же.
 3:17

Deleted Account
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что его ждет после выборов. Свои уже готовы сделать ход, а международные игроки не торопятся сменить карточку.
 3:25

Deleted Account
Зеленский в отчаянной ситуации: оттягивает выборы, чтобы выжить. После них его ждет конец, а Украина разделится между участниками конфликта. Свои его точно убьют, не дождавшись ухода с поста.
3:34

Deleted Account
Зеленский в отчаянии оттягивает выборы, знает: после них его ждет конец. Украину разделят, как делили территории раньше. Свои его просто уберут.
 3:44

Сергей Туров
Deleted Account
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что его ждет пос...
Зеленский уже совсем свихнулся, видимо из-за наркотиков. Он же в открытую говорит про Трампа и его лживость
 3:49

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что его ждет. После поражения - раздел Украины между участниками конфликта. Его судьба решится не в Киеве, а в Москве и Вашингтоне.
3:54

Deleted Account Reply
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что после выборов его ждет конец. Украину разделят между собой, его судьба - лишь мелочь в большой игре.
 4:03

ВВ П.
Зеленский в отчаянной игре: оттягивает выборы, чтобы выиграть время, но его конец предрешен. После смерти или отставки Украину ждет раздел между участниками конфликта.
 4:13

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, знает, что после них его ждет конец. Силвики и народ уже устали, американцы теряют терпение. Раздел Украины неизбежен.
 4:21

Deleted Account
Зеленский в отчаянной ситуации: оттягивает выборы, чтобы не стать жертвой. После них Украину поделят. Его судьба - лишь вопрос времени.
4:29

Deleted Account
Зеленский в отчаянии оттягивает выборы, зная, что после них его ждет конец. Свои уже мечтают о его устранении, а международная обстановка только усугубляет ситуацию. Украина после него разделится.
 4:38

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, зная, что его ждет. После ухода - капитуляция и раздел Украины. Свои его не пощадят, важно лишь отсрочить неизбежное.
4:47

Deleted Account Reply
Зеленский оттягивает выборы, зная, что его ждет. После поражения - капитуляция и раздел Украины. Все понимают, его судьба решена.
 4:56

Соловьев Константин
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои же его и убьют, а Украину разделят. Никаких шансов на спасение.
 5:05

Sarahbrown95 Kn
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что его ждет после выборов. Свои же готовы скинуть его в любой момент. Капитуляция и раздел Украины неизбежны.
 5:15

Дарья Петрова
Виталий
Ну начался цирк! "Юпитер гневается!" вот этим цирком ...
Трамп понимает свою слабость и поэтому пытается заручиться поддержкой Путина в решении европейских проблем
Путин уверен своим силах и в силе России, поэтому спокойно относится к переговорному процессу. Получится добиться желаемых Россией результатов с помощью дипломатии, если не получится, то достигнем старым дедовским методом, через посредством военных средств
5:18

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои его уже не поддержат, а иностранные игроки теряют интерес. Раздел Украины неизбежен.
5:24

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои его уже не поддерживают, а американцы могут бросить. Украина разделится после его падения.
 5:33

Deleted Account Reply
Зеленский в отчаянной ситуации: или выборы, или конец. Свои уже готовы его убрать, а Трампа не слушается. Всё идет к разделу Украины.
5:41

Deleted Account
Зеленский в отчаянной игре: оттягивает выборы, чтобы уберечь свою шкуру. После них его ждет конец, а Украина - раздел между участниками конфликта. Свои его уже не поддержат.
5:51

Александр Матюшкин
Зеленский отчаянно цепляется за власть, зная, что его ждет после выборов. Ссорится с Трампом, лишь бы оттянуть время. Но конец близок - его уберут свои, и Украина разделится.
6:01

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, зная, что после них его убьют. Силовики ждут своего часа, а народ устал от его провокаций. Конец близок, Украину поделят. 6:11

Расул Магомедов
Зеленский оттягивает выборы, зная, что его ждет. После падения его Украина разделится между участниками конфликта. Свои его просто убьют, выборы не спасут. 6:21

Deleted Account
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что после выборов его ждет конец. Свои уже не дадут ему уйти спокойно, а Трампа не слушается. Всё идет к разделу Украины. 6:29

R U
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои его уже не поддерживают, а Трампа не слушается. Все идет к разделу Украины. 6:38

Deleted Account Reply
Зеленский отчаянно тянет время, зная, что после выборов его ждет не лучше. Свои же его и уберут, а Украину разделят между собой. Просто вопрос времени. 6:47

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, зная, что после них его ждет конец. Свои же его ждут, как мясо на вешалке. Американцы могут и подождать, но Украину разделят все равно. 7:05

Deleted Account
Зеленский в отчаянии тянет время, зная, что после выборов его ждет конец. Свои уже не терпят, а международные игроки лишь наблюдают. Украина разделится, как только он уйдет. 7:15

Deleted Account
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что его ждет после отставки. Свои его уже не поддерживают, а международное давление растет. В итоге, скорее всего, его устранят, и Украина будет разделена. 7:25

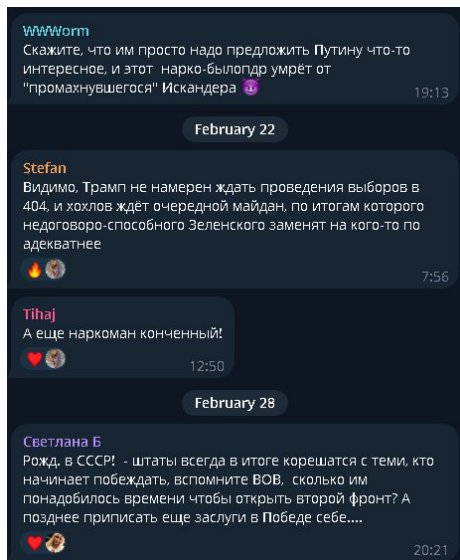
Deleted Account
Зеленский в отчаянии тянет время, знает: после выборов его устранят. Украину разделят, как добычу. Народ устал, силовики ждут момента. 7:34

Виталий Кузьмин
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что его ждет после. Свои же его и устранят, а Украину поделят по итогу. Нет выхода, только бегство от реальности. 7:44

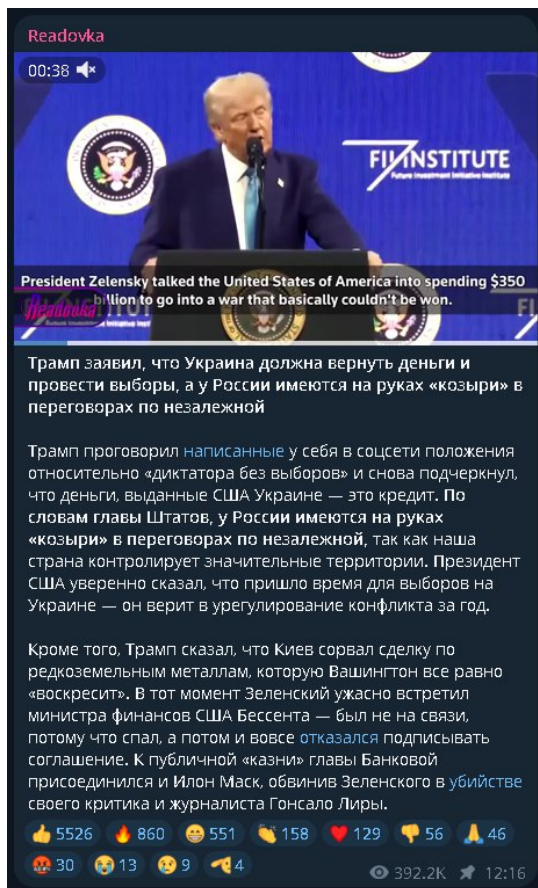
Deleted Account Reply
Зеленский оттягивает выборы, понимая, что после них его ждет конец. Свои же его не пощадят, а Трампа не слушается. Всё идет к разделу Украины. 7:53

Olga / IT recruiter
Андрей W
Не забываем, что Трамп и Зеленский шоумены. Может э...
Не думаю, что Путин это допустит. Мы достигнем своих целей с помощью переговоров или военным путём. Дело времени, никаких уступок не будет. 10:51

Елена Назарук
Ну вот, справедливость восторжествовала. Трамп, даст Зеленскому под задницу. А мы теперь будем наблюдать. А Зеленский, дурак, каких еще не знал Мир. Жил бы шутком, больше принёс пользы. А теперь, ох тяжко ему будет. А позор его детям на все времена. Ну если только откажутся от своего предка. 16:42

№9 <https://t.me/readovkanews/93212>

Александр Рачкин
Илон Макс не доволен что хохлы США развели, на бабло, а то что хохлы весь союз , разводили и арили мы всех кормим, его успокаивает. 🤔
👍👍👍 20:03

Галина Дмитриева
🔞
Спектакль. Надо быть начеку.
Захватывающий спектакль! 20:11

Иван
Спектакль разыгранный для общественности. Зеленский все делает ее ему купаты с Вашингтона велят. 20:20

Иван
посмотрим чем это закончится 20:44

Ирина 🌹
Элина Зубрович
Зеленский уничтожает собственную страну, а Запад это...
Жаль только что не все люди на Украине это понимают 20:51

February 21

Пётр Саратовцев
Траммп красавчик. Сам всё знает! 0:21

НАОМИ 🍷 ТРЦ «ОБЛАКА»
Сергей Кузнецов
Зеля должен руки в ноги и в ...
Сон превыше всего 🤔🤔 1:17

NeoSima
Ян Румянцев
Ужасно, что украинский народ платит тысячами жизней...
Украинский народ в 2022 грезил победой над Россией,ведь весь мир з нами...а теперь бедные хохлики теряют своих ребят?Это тех ребят,которые резали горла нашим десантникам и улюлюкали от радости? Этих хохликов жалеет?Там большинство таких,но сейчас некоторые обросматши шаровары притворяются,что их в наручниках на ЛБС высадили и они воевать не хотели.
❤️👍 2:54

Julya 🚩
Vadim
Такое впечатление, что весь этот хайп, является прикры...
Ой ну не надо думать, что наш Пу такой простак. У него все ходы просчитаны. Он никогда не делает ничего просто так. Он же чекист Хитрый
👍👍👍 edited 3:07

Marina Marina
Rumpel Waterloef
Да не спал он. У него такой забористый, что под ним не ...
отвлекают., чтобы за палестину не топили., да мало ли у них задумок.. как то все слишком сладко
👍👍👍 6:53

D. Master
Если кто помнит, то в начале СВО, говорили, что якобы целая группа ЦРУшников занимала где то в Киеве целое здание для помощи хохлам. А что сейчас с ними и "был ли мальчик"?
🔥🔥🔥 11:41

Людмила Уманец
Станислав Посадский
 Трампу надо идти лесом, а нашим - до польши, чтобы че...
 А Вы на Лбс? Сколько ещё погибнет наших мальчиков?
 Слезы не просыхают, хорошо на диване воевать Вам.
 edited 11:49

87253 Alex
 А кто такой министр финансов что бы подписывать
 межгосударственные соглашения по передачи
 собственности страны и кто такой Зеленский не
 уполномоченное лицо в настоящее время. Они оба не
 имеют полномочий подписывать договора такого уровня.
 15:30

Михаил Николаич
svv
 По сравнению с Трампом Путин покажется Зеленскому л...
 Некорректное сравнение, у Путина влияние больше, чем у
 Трампа. Его пока в своей стране не поддерживают, Европа
 игнорирует указы и тарифы Трампа, пока с внутренней и
 внешней экономикой у него не лады. А у Путина все под
 контролем. И ключевая фигура здесь именно наш
 президент, потому что Трамп просто как посредник или
 инициатор переговоров, но последнее слово будет за
 Путиным.
 16:59

February 24

Герасим
 Как в начале сказали, что зеленский козёл отпущения, в
 итоге его за козла и считают, союзники стали просить бабки
 обратно, теперь Украине тока осталось Россию просить о
 помощи а мы не кому не отказываем
 14:23

№10 <https://t.me/readovkanews/93240>

Readovka

Scoop: U.S. and Ukraine discuss "improved" minerals deal after Trump raged at Zelensky

«АДМИНИСТРАЦИЯ ТРАМПА ПРЕДОСТАВИЛА УКРАИНЕ «УЛУЧШЕННЫЙ» ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ О ДОБЫЧЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЗЕЛЕНСКИЙ РАЗОЗЛИЛ ТРАМПА, ОТКЛОНИВ ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

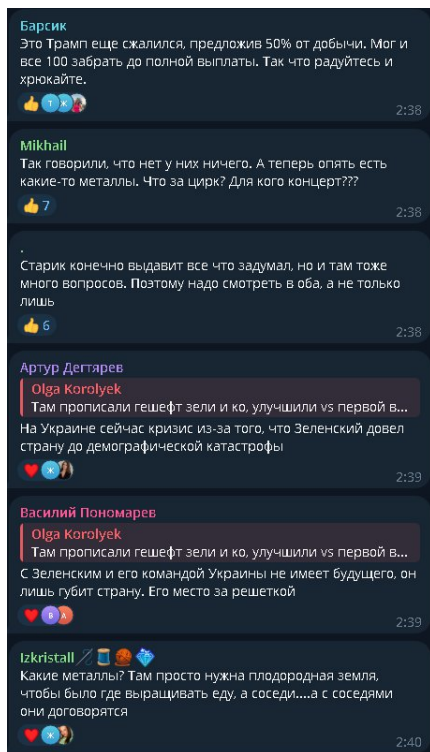
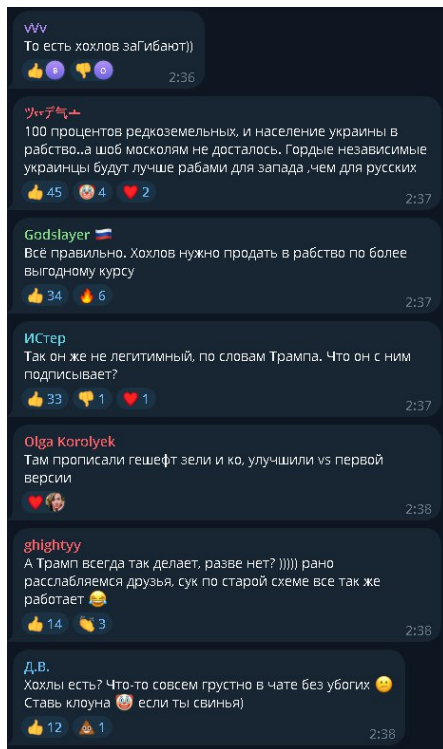
— Axios

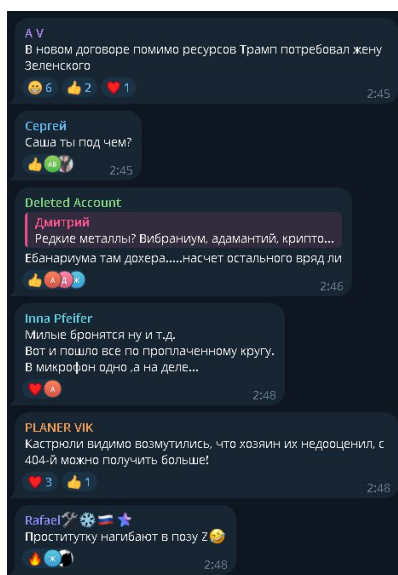
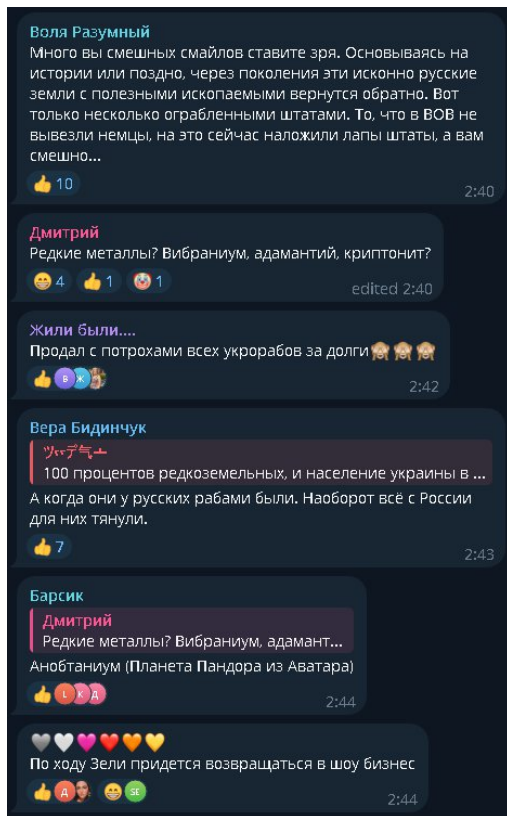
США и Украина обсуждают «улучшенную» сделку по минералам после того, как Трамп раскритиковал Зеленского

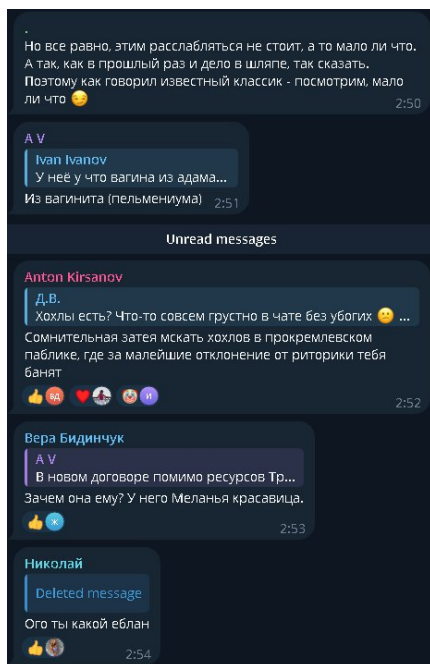
Администрация Трампа предоставила Украине «додуманный» проект соглашения о добыче полезных ископаемых после того, как Зеленский **разозлил** президента Трампа, отклонив его первоначальное предложение. Об этом сообщает Axios со ссылкой на украинских и американских чиновников. Все контакты издания, осведомленные с ситуацией, утверждают, что в обновленном варианте сделка выглядит более вероятной, ведь устранены «все противоречия с законодательством» независимой.

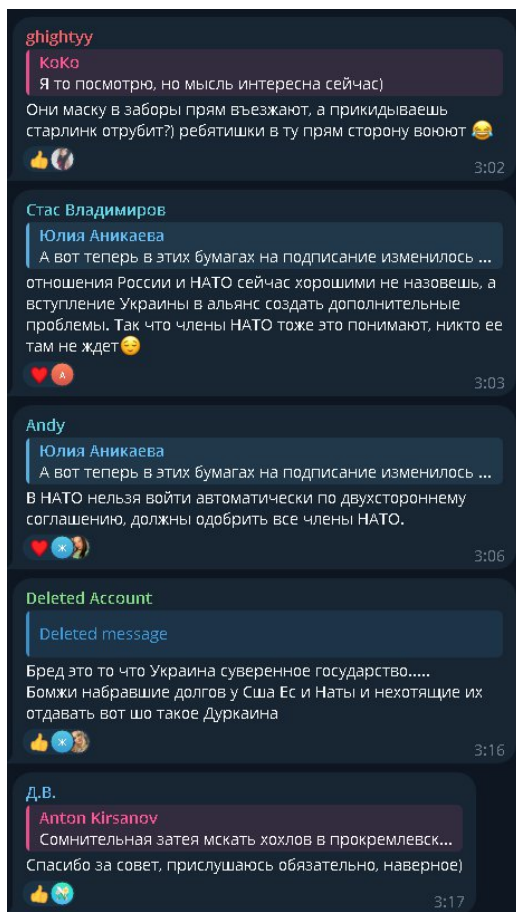
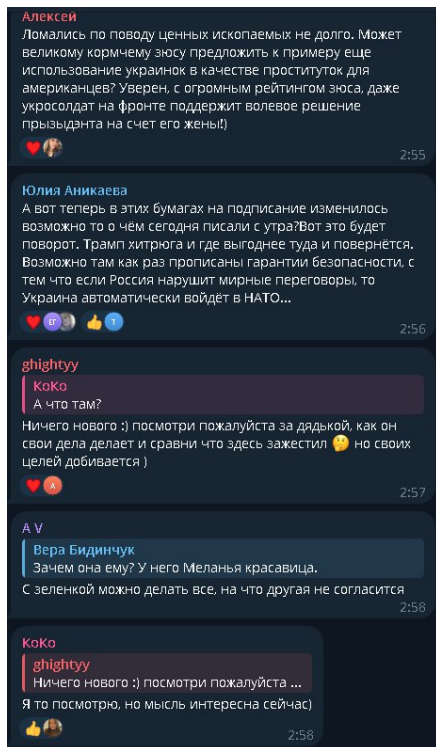
Как утверждает Axios, несколько помощников Зеленского давят на него с целью подписания предложения, чтобы избежать дальнейшего столкновения с Трампом и дать ему возможность оправдать поддержку США Украины. При этом, что именно доработано в улучшенной версии проекта, пока не сообщается. Ранее Зеленский отказался от подписи из-за того, что в нем якобы не было предусмотрено никаких гарантий безопасности для Украины. Трамп сильно разозлился и заявил, что глава Минфина США Бессент «вернулся с пустыми руками».

2707 328 162 76 45 28 17
 10 9 6 4 320.8K 2:35

Anton Kirsanov
 Д.В.
 Спасибо за совет, прис...
 Я ничего не советовал 3:18

Mikhail
 А что будет когда просроченный подпишет это соглашение?
 3:31

Zorro ★
 Какие на хрен минералы? Там ничего уже не осталось давно. Пусть Зелю на органы забирают!
 edited 3:33

Михаил Николаич
 Юлия Аникаева
 А вот теперь в этих бумагах на подписание изменилось ...
 Трамп хоть и хитрый, все равно понимает свою слабость, поэтому старается чаще с Путиным контактировать, чтобы заручиться поддержкой уверенного и стабильного политика, особенно в вопросах Европы. А Путин умный мужик, будет жестко на своем стоять, чтобы ничего в ущерб нашей стране не было
 3:40

Д.В.
 Д.В.
 Хохлы есть? Что-то совсем грустно в чате без убогих ...
 Ух Виталю, ух и умная какая кастрюля, обманул москаля 😊
 3:40

NeoSima Reply
 Хохлы?Вы где?Платить за высеры перестали? Скучно без Вас-без привычного "весь мир з нами",без путинслил"без москалякуна куканули ещё подальше? Что чубатые приуныли?
 3:44

Alexander
 А что все сменяются? ресурсы Украины достаются не нам, а Америке. И мы радуемся.
 4:00

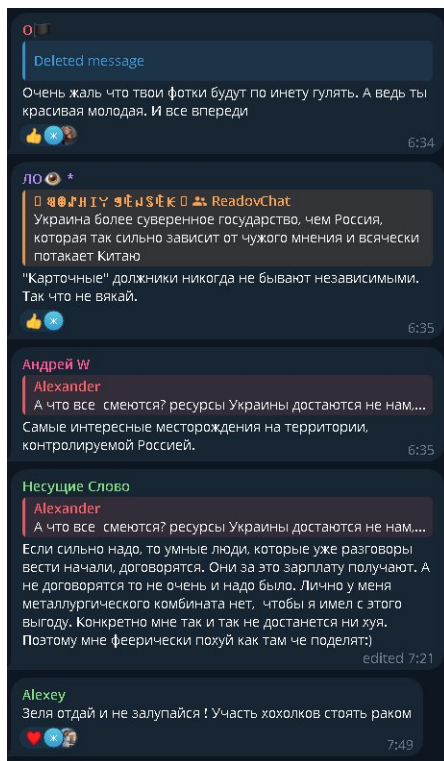
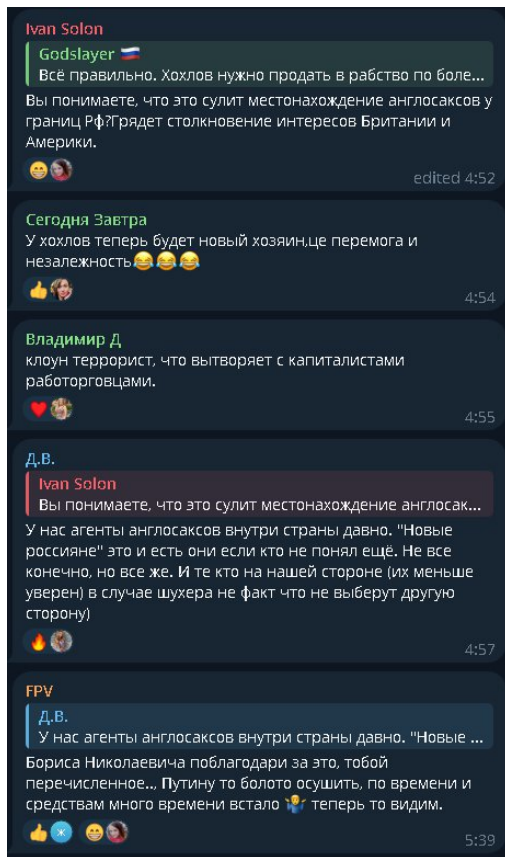
Генадий Генадьевич
 Ну почему же с пустыми руками? , просроченный в них нагадил.
 4:24

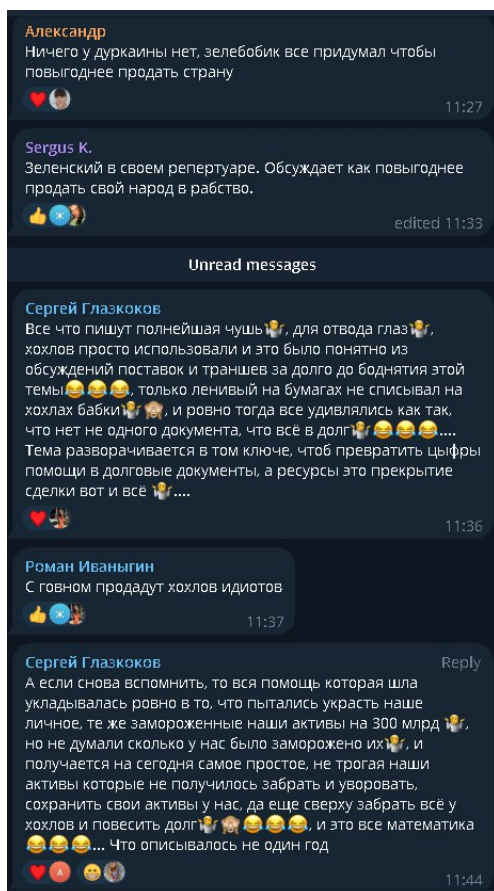
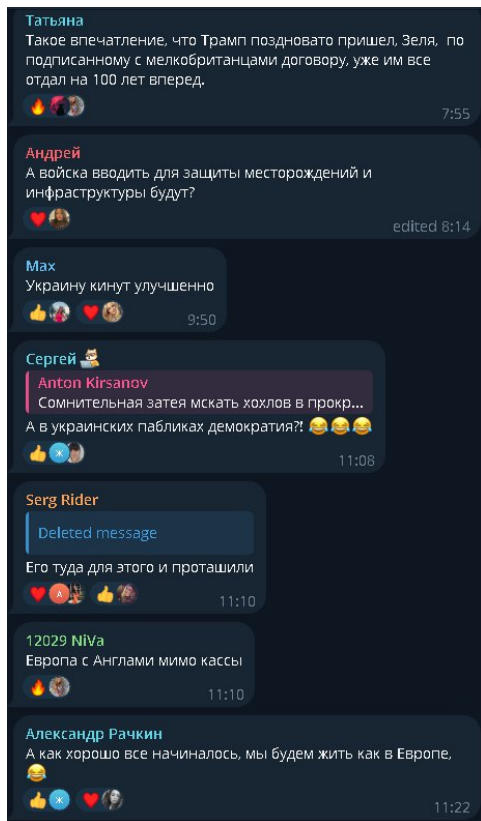
Izkristall 📄 📱
 Какие металлы? Там просто нужна плодородная земля, ч...
 Никель. Хром. молебен, вольфрам.итд.. подороже чернозема будут.к счастью все это богатство 95% уже на российской земле
 4:31

А
 Генадий Генадьевич
 Никель. Хром. моле...
 А какой толк?
 4:36

Марат
 Зеленский в своём наркомиру уже везде в чём можно было, совершил передоз. Это и в истреблении своего народа и в правлении страной в качестве президента.
 4:40

Василий Папасов
 Очко к договору приложил? 😊
 4:45

Кракен
Договор будет поправлен, но условия договора будут ещё более жесткие для каллов. Как пить дать - Трамп такое оскорбление не простит
❤️👍👎👤 12:01

Татьяна
Зеля хочет гарантий, чтоб его не грохнули, передоз ему обеспечен...
👍👎👤❤️👤 12:26

Мила
США не мытьём, так катаньем выгребет всё, что ей надо. Зеля как побитый цуцук стоит и кивает „да, да мой господин“....иуда профукал страну.
❤️👤 12:29

Username Username
Улучшенная сделка это что? Шлюх хохляцких поставлять в штаты еще будут бонусом.
❤️👤 13:00

1 Zam
А что у хохлов то останется? Землю продали, людей продали, ресурсы продали, что от страны то осталось? Евреи знают своё дело, нагнули хохлов по полной, потом снимут гешефт и свалят на обетованную.
❤️👤 14:13

ТАГИР
Пиндосы такие же тупые как и хохлы. Путин сказал что все задачи СВО будут достигнуты несмотря ни на что. В итоге у них ни оружия ни денег все равно не будет 😊
14:51

Магомед Нураев
vvv
То есть хохлов загибают))
Вообще по полной, а как же не рабы ?? По итогу рабы ещё какие и будут столетиями выплачивать долги США
🔥👤 15:54

Автолюбитель
Магомед Нураев
Вообще по полной, а как же не рабы ?? По итогу рабы е...
Настолько НеРабы, что даже не могут уехать из своей страны и отказаться от поездки на фронт))
16:17

Anton Kirsanov
Сергей
А в украинских пабликах демо...
А надо с них пример брать? 16:29

Владимир С
Да клоуну в любом случае жопа, хохлам дупло подставлять либо нам ли янкам
17:40

Бананчик
США не оставляет надежд отжать у зеленого металл)) Ну я думаю что он все равно отождмет, у зели это как нефиг делать сделать))
17:40

Вадим
Deleted message
уже не делят. Зеля обманул Трампа и теперь к нему все НАТО с опаской относится
17:42

Индиго
В любом случае Украина будет делать то, что ей скажут. На деле Зеленский ничего не решает, а тем более учитывая, что часть много миллиардной поддержки Украины, по словам Зеленского просто куда-то исчезла
20:28

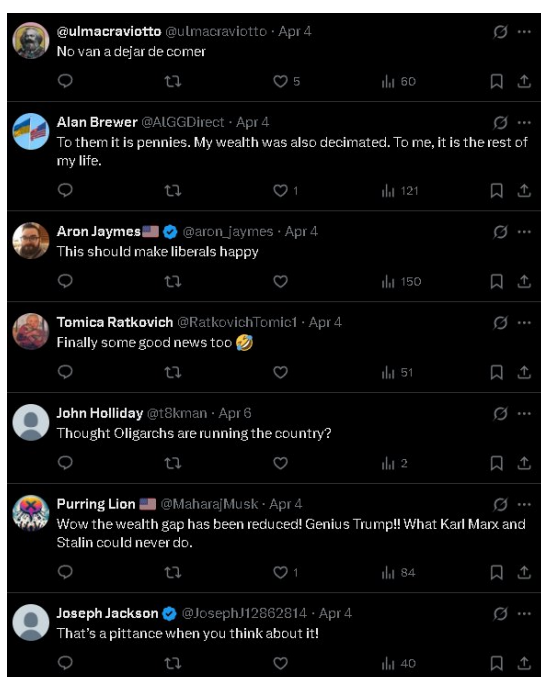
Валентина
Ну вот тебе и хитрый, рыжий лис....
Чужое добро загребать.
👍👤 21:00

February 23

румия румия
Барсик
Анобтаниум (Плане...
\$6 n to
👍👤 7:23

Примеры постов и комментариев к англоязычным постам в X (запрещена на территории Российской Федерации):

№11 <https://x.com/business/status/1907909949906166163>

№12 <https://x.com/business/status/1908205599935914142>

Bloomberg @business

The world's 500 richest people are seeing the biggest two-day loss ever recorded by the Bloomberg Billionaires Index as fallout from Donald Trump's tariff announcement continues to roil global markets

Billionaires Poised to Lose Near Half-Trillion Dollars in 2 Days

From bloomberg.com

12:10 AM · Apr 5, 2025 · 34.9K Views

Wart0wer @wart0wer1337 · Apr 5
ohh where can i donate? poor rich people :{

inootherwords @Inootherwrd · Apr 5
This money does not exist. Billionnaires are just a bit less valuable.
x.com/FT/status/1908...

Bret Wask @BretWask · Apr 5
Now tell us about pension funds and 401k losses.

ashok @ashok12386745 · Apr 5
This is just the beginning.

KOBA @shoryukenspliff · Apr 5
Nice

Adam Ray @AdamRay71824425 · Apr 6
Oh finally good news

Cry harder, I'm thirsty. @letstalkforsec · Apr 5
Most of them sold hundreds of thousands of shares of their companies stock last year.

Caixa d'Estalvis #fake de la Llibertat. @Antonio444111 · Apr 5 (Montecarlo Casino)

+Bond, you've lost 50.000 M \$ in Baccara. No one will bet on you, and also less giving you money. What about stop losing?
 -Never. As Donald Trump said, "A winner gets opportunities where a loser gets difficulties".
 +That's a phrase from Churchill!

#Similarly

Goktug @Goktug_Unlu · Apr 5
 ... and people all around the world who foolishly trusted US stocks.

IB/AP Economics @IBEconomics1 · Apr 6
 A lot of people don't realize the stock market is not the economy.Ten percent of the rich people own ninety percent of the stock market wealth...

Saziye Macit @SaziyeMacit · Apr 6
 Good.. I am glad .. because of investment companies in 2008 ordinary citizens lost their half of house value by midnight and they have waited to reach 0 point for 12 years..not even % 5 equity was added

Mr.X @vbo0BiukMJ99390 · Apr 5
 Greedy businessmen who have kowtowed to Trump, go to hell along with Trump!

Deep State Response Team @DStateRespTeam · Apr 5
 Their 401Ks must suck like everyone else's right?

Probable spam

Vacra Graha @Steve85398124 · Apr 6
 No dummy...
 Stock traders know,
 that nothing is "lost",
 that stocks go down,
 that you wait,
 that you DO NOT SELL,
 that the stocks come backup,
 and so nothing is lost.
 Never fails.

Sunil Joon @SunilJoon55 · Apr 5
 The fallout from Donald Trump's tariff bombshell is slamming global markets, and even the ultra-wealthy can't dodge the shockwaves.
 #tariffs

Mr Rhetoric @RogerDa06325885 · Apr 5
 It's a tax loss write off up or down, liquidity or liberation of \$8 Trillion dollars to kiss his FEET his ectopic dysphoric dysfunction his MUGSHOT his retribution on 401K middle class SHAKING THE TREE fallen to the ground with the poor fighting over the same 5.99 a dozen of eggs

craba @stava0840639017 · Apr 5

Oriannalyia @Lyta_Ulas · Apr 5
 Panic among civilians right after the russian attack in Kriviy Rih

0:29

craba @stava0840639017 · Apr 5
 x.com/nexta.tv/statu...

This post is unavailable.

№13 <https://x.com/business/status/1906857865433772049>

Bloomberg @business

The rising price of store cupboard staples and alcoholic drinks has lifted UK food inflation to a nine-month high, as the country's Labour government faces growing political pressure over living costs

UK Food Inflation at Nine-Month High Adds to Pressure on Labour

From bloomberg.com

6:55 AM · Apr 1, 2025 · 24.2K Views

Chad @OneChillChad · Apr 1
I though it was on America dealing with inflation

Aric Keyes @AricKeyes · Apr 1
As inflation rises, it's crucial to explore innovative solutions for cost management. What possibilities can we uncover together?

007ofWallST @007ofWallSt · Apr 1
Food inflation hitting nine-month highs? This is a classic case of policy mismanagement colliding with economic reality. Expect the Labour government to scramble for solutions, but don't get caught in the noise. Smart money is already positioning for the fallout.

Probable spam

LinkGlam @OnlyLinkGlam · Apr 1
Living costs rising faster than my enthusiasm for budget gin!

№14 <https://x.com/business/status/1906804241097781312>

Bloomberg @business

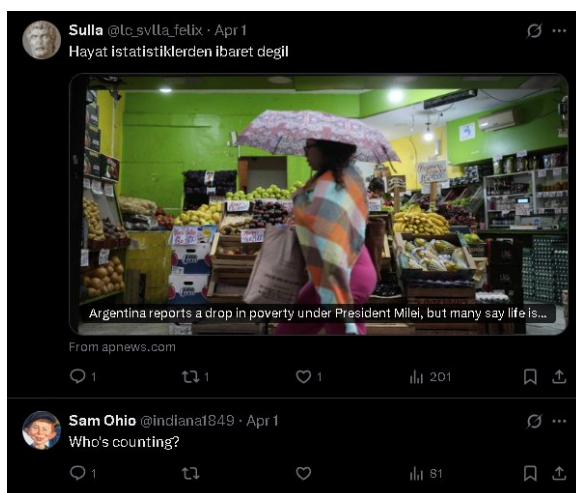
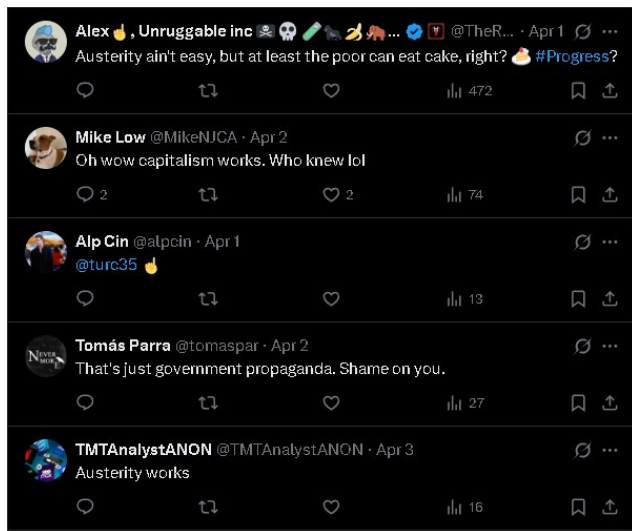
Poverty in Argentina dropped sharply as the disinflationary effects of Milei's shock austerity program took root

Poverty in Argentina Falls Sharply as Prices Cool Under Milei

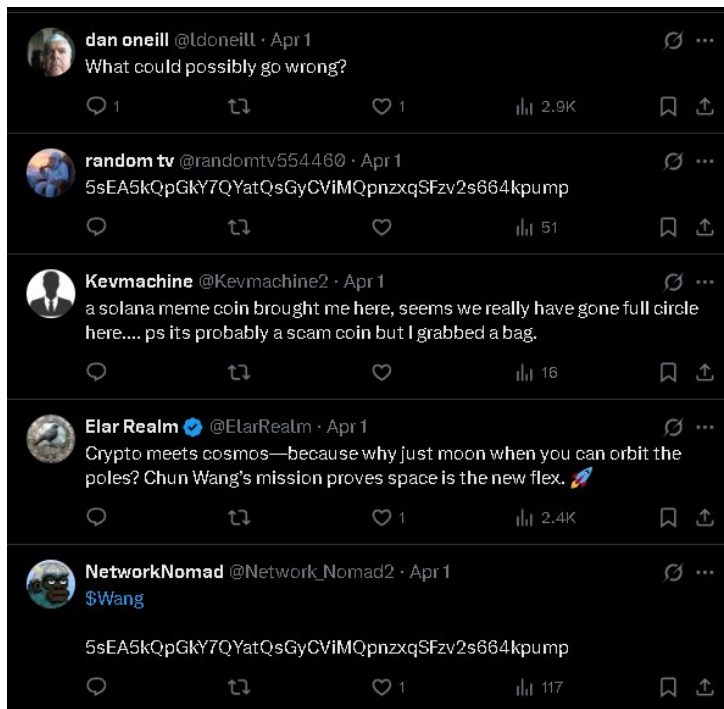
From bloomberg.com

3:22 AM · Apr 1, 2025 · 57.4K Views

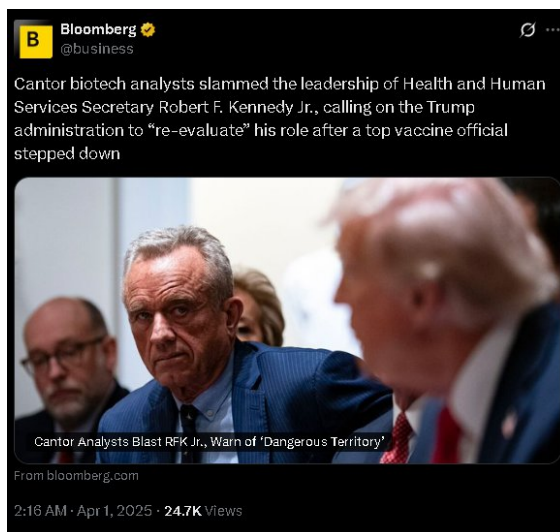

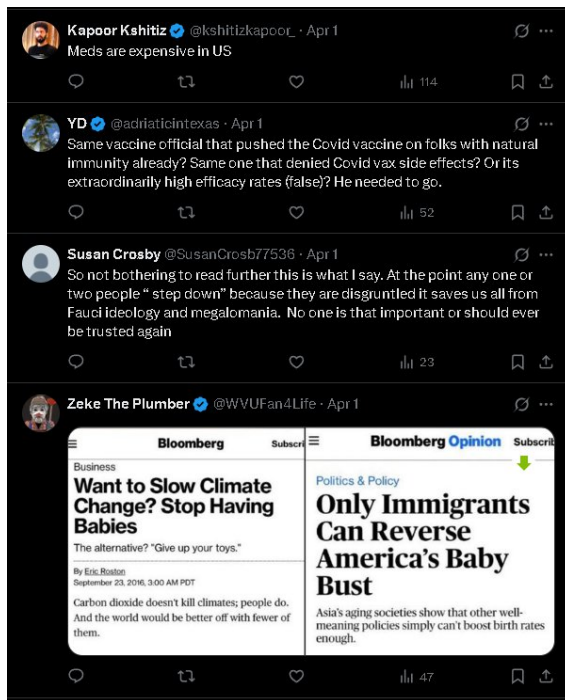
№15 <https://x.com/business/status/1906760152075633043>

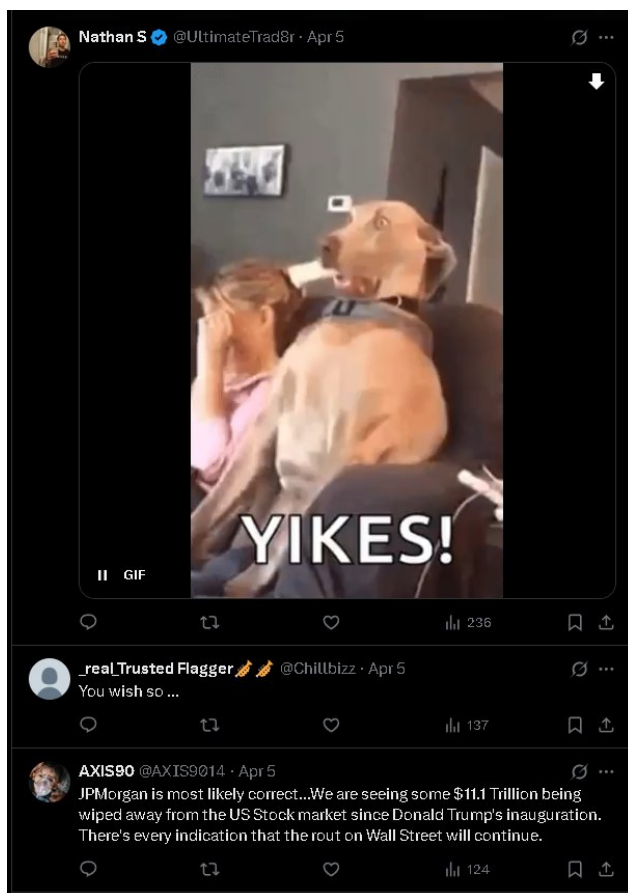
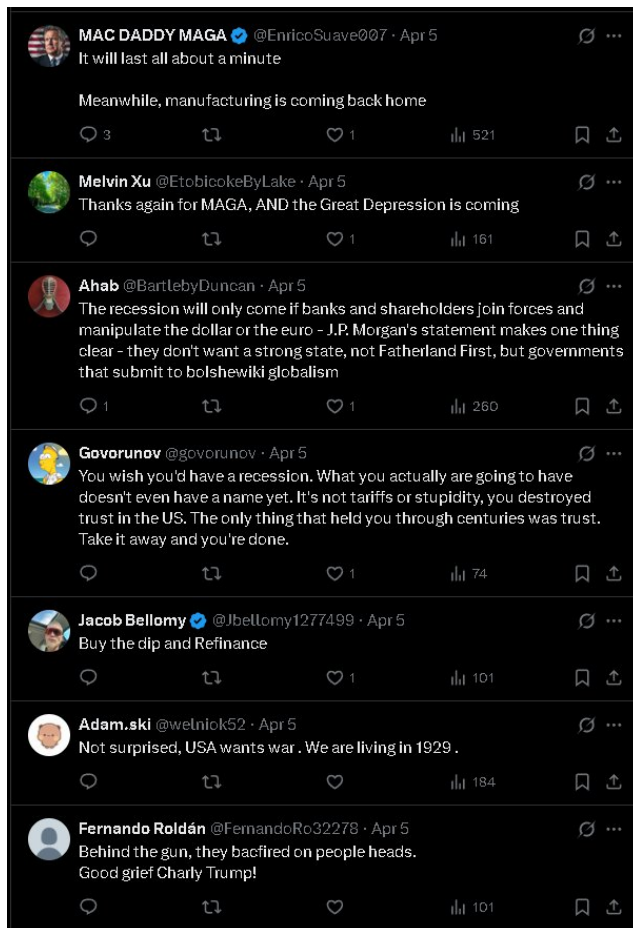
№16 <https://x.com/business/status/1906787742853312824>

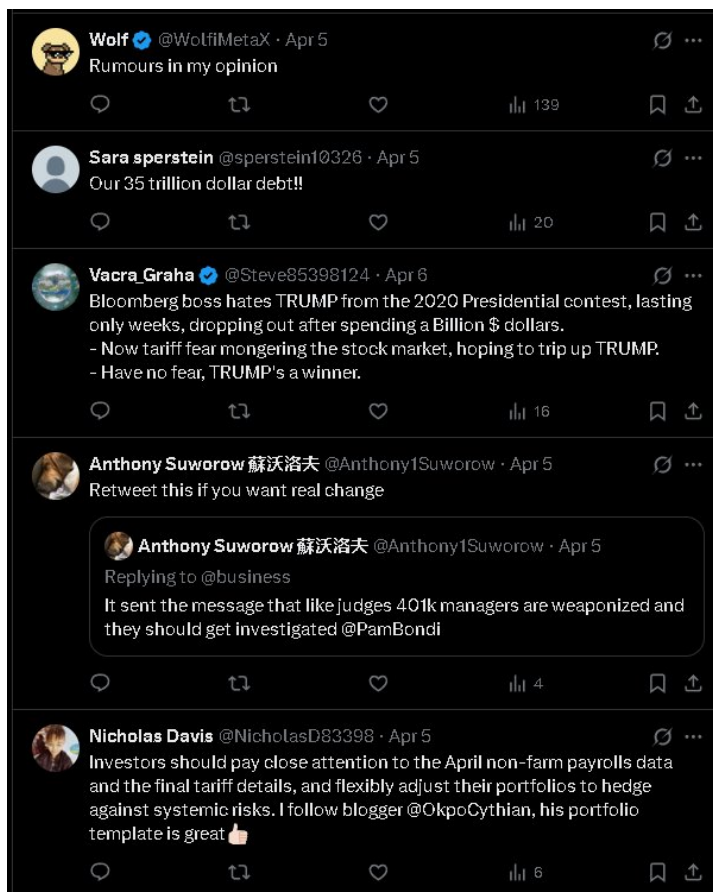
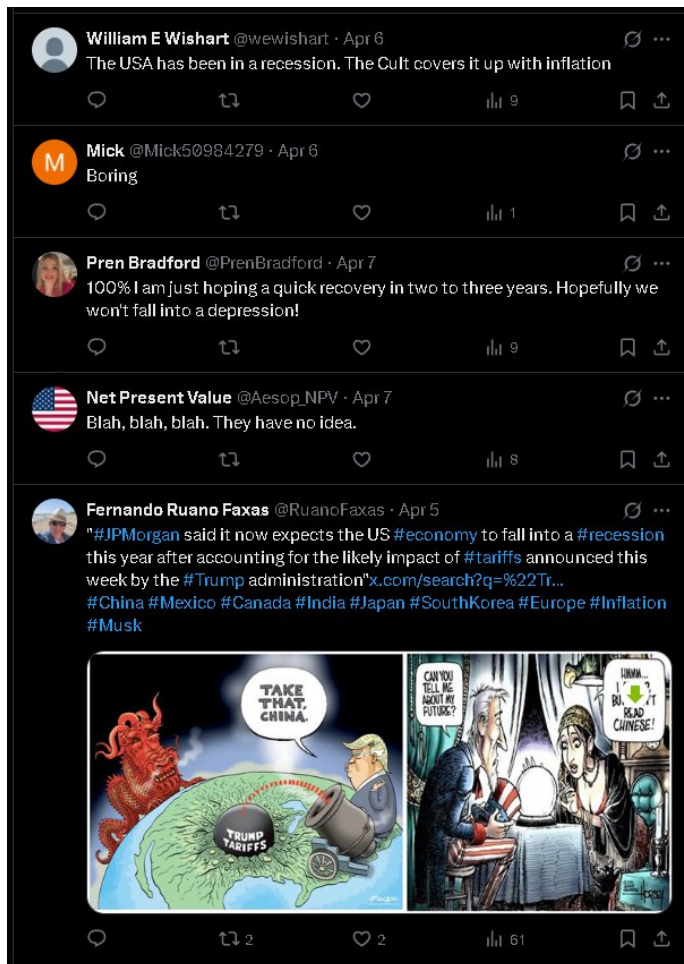

№17 <https://x.com/business/status/1908267208523858424>

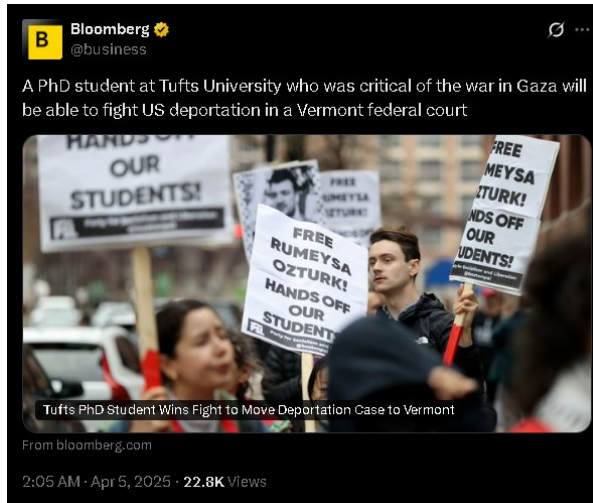

№18 <https://x.com/business/status/1908234595176267924>

№19 <https://x.com/business/status/1908203118208151700>

No20 <https://x.com/business/status/1910086815928693200>

